

А. И. МАРТИНОВСКАЯ

САМАРСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Учебное пособие-хрестоматия

**Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Самарская государственная академия культуры и искусств»**

**Автор-составитель
А. И. МАРТИНОВСКАЯ**

САМАРСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Учебное пособие-хрестоматия

Самара 2012

Печатается по решению редакционно-издательского совета академии

Рецензенты

Немцев Л. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Самарской государственной академии культуры и искусств;

Рогожина И. В., кандидат педагогических наук, профессор кафедры литературы Самарского государственного педагогического университета

С 17 Самарский фольклор: учеб. пособие-хрестоматия /
авт.-сост. А. И. Мартиновская; М-во культуры РФ; ФГБОУ ВПО
«СГАКИ». - Самара: Самар. гос. акад. культуры и искусств, 2012. –
238 с.

Учебное пособие-хрестоматия включает в себя материалы об исследователях и собирателях произведений устного народного творчества Самарского края. Пособие знакомит читателя с известными и малоизвестными сведениями о самарских фольклористах. Приложение содержит тексты произведений самарского устного народного творчества.

Издание адресовано студентам вузов культуры и искусств, а также тем, кто изучает устное народное творчество и фольклористику.

ISBN 978-5-88293-285-4

© Мартиновская А. И.,
составление, 2012
© СГАКИ, 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

В работе «Самарский фольклор» представлены материалы об исследователях и собирателях произведений устного народного творчества Самарского края. Данное пособие предназначено для студентов 5 курса, изучающих дисциплины «Фольклористика» и «Самарское литературное краеведение».

Цель пособия – ознакомление студентов с известными и малоизвестными сведениями о самарских фольклористах и текстами произведений самарского устного народного творчества.

К сожалению, работы, систематизирующие материалы по этому вопросу, нет. Поэтому студентам предлагаются биографические сведения и приводится обзор наиболее важных работ о самарских фольклористах и их трудах. Одна из задач пособия – дать общее представление о деятельности самарских фольклористов и их роли в изучении и собирании устного народного творчества. В связи с этим в пособии некоторые разделы носят обзорный характер. В них анализируется деятельность лишь наиболее ярких исследователей.

Данная работа состоит из предисловия, трех глав, заключения, приложения, списка использованной литературы и архивных материалов, находящихся в ГАСО. В первой главе называются наиболее общие источники. В последующих разделах работы обращается внимание на важнейшие исследования о творчестве отдельных фольклористов.

Вторая глава посвящена исследователям и собирателям самарского фольклора XIX века, третья – XX века.

Во второй главе рассматриваются некоторые публикации «Самарских губернских ведомостей» и деятельность А. Ф. Леопольдова. В главе собраны материалы об исследовательской и собирательской деятельности П. В. Киреевского, Д. Н. Садовникова, А. А. Коринфского, А. Навроцкого, П. И. Якушкина, В. Г. Варенцова, П. В. Шейна, А. И. Эртея. При рассмотрении деятельности самарских фольклористов XIX века студентам предлагается

познакомиться со «Сборником песен Самарского края» В. Г. Варенцова, а также проанализировать композицию сборника, тематику песен и размышлений Варенцова об их жанровых особенностях. Значительная часть второй главы посвящена творчеству Д. Н. Садовникова. В ней приводятся неизвестные современному читателю его тексты. Это отрывки из его статьи «Жигули и Усолье» (журнал «Беседа», 1872 г.). Это заговоры и детские песни из «Симбирских губернских ведомостей» 1874 г., «Бугор Стеньки Разина» (журнал «Нива», 1875 г.), «Языческие сны русского народа» (журнал «Детское чтение», 1882 г.). Все эти тексты напечатаны в приложении. Студентам рекомендуется познакомиться с их содержанием и ответить на вопросы.

В третьей главе обращается внимание на собирательскую деятельность отечественных фольклористов XX века. В главе сообщается о роли Общества археологии, истории, этнографии и естествознания и значении работ П. М. Акульшина, Н. П. Колпаковой, В. А. Малаховского, В. И. Крупянской, М. И. Чувашева и упоминаются работы других исследователей. Например, сборник песен, собранных Н. В. Бикметовой. В заключении делается вывод о значимости проблемы пособия. В работе имеются сноски, библиография и приложение-хрестоматия, где приводятся тексты произведений Д. Н. Садовникова и материалы Самарского областного исторического архива.

Обращение к теме «Самарский фольклор» вызвано тем, что в последние десятилетия уделяется внимание фольклору как важнейшей составляющей русской национальной культуры. Изучение же самарского фольклора не рассматривалось как важнейшая часть общероссийской литературы и об исследователях и собирателях местного фольклора писалось очень мало. Это и побудило автора пособия обратиться к данной теме и попытаться систематизировать материалы о собирателях и исследователях самарского устного народного творчества.

ГЛАВА I

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ САМАРСКОГО ФОЛЬКЛОРА

История отечественной фольклористики тесно связана с Самарским краем. Во всех учебниках по устному народному творчеству отмечается, что первые научные ссылки на русский фольклорно-этнографический материал были сделаны историком В. Н. Татищевым (1686-1750). Он изложил свои соображения о ценности народной песни как исторического источника. В период работы над «Историей Российской...» в 1737 году Татищев написал программу по собиранию исторических и географических сведений. Она называлась «Предложение о сочинении истории и географии Российской». В ней автор советовал описывать народные обычаи, обряды, записывать устные произведения (причитания, песни, сказки, заговоры). В 1737-1738 годах Татищев возглавлял Оренбургскую экспедицию, штаб которой размещался в Самаре. Можно выдвинуть гипотезу, что «Предложение о сочинении истории и географии Российской» Татищев написал в Самаре.

Самарский фольклор – кладезь народного творчества. Особенностью самарского устного народного творчества является его многонациональный состав. В нашем регионе, отличающемся многообразным этносом, народная память хранит фольклорные произведения русских, татар, чувашей, мордвы, марийцев, башкир, калмыков, украинцев и т. д. Разнообразен и жанровый состав фольклора Самарской области. Здесь много интересных календарных и семейных обрядов, загадок, пословиц, поговорок, заговоров, сказок, легенд, лирических и обрядовых песен. Исторические песни о Степане Разине и Емельяне Пугачеве, созданные у нас на Волге, входят во многие хрестоматии и фольклорные сборники. Произведения устного народного творчества, записанные в Самарской губернии, вошли в золотой фонд фольклора России.

Основными источниками изучения самарского фольклора являются архивные документы, материалы периодической печати, специальные

исследования отечественных фольклористов и собственно фольклорные произведения.

Немаловажную роль в изучении устного народного творчества Самарского края играет периодическая печать. Статьи, помещённые в различных газетах, содержат материалы об исследователях фольклора, а также тексты устных народных преданий, сказов, пословиц, поговорок, частушек, песен и т.д. Материалы о самарском фольклоре имеются как в дореволюционной печати, так и в печати XX века.

Конечно, основным источником являются публикации «Самарских губернских ведомостей». В конце XIX – начале XX века материалы по устному народному творчеству Самарского края содержали такие издания, как «Губернский листок» (1885), «Живая старина» (1890-1916), «Этнографическое обозрение» (1894-1913) и «Самарские губернские ведомости».

Например, в газете «Самарский справочный листок» (1888. № 169. С. 2) помещена статья под названием «Завещание матери», в которой рассказывается о стихах, которые поют келейницы (келейничество распространено в некоторых местностях Самарского уезда, особенно в Раковской общине).

Из периодической печати XX века, содержащей статьи, посвященные устному народному творчеству Самарского края, можно назвать газеты «Волжская коммуна», «Волжская заря» и «Волжская новь». Так, в номере газеты «Волжская заря» от 28 июля 1972 года помещена статья Р. Воронцовой «Неиссякаемый источник», посвященная фольклорной экспедиции студентов Куйбышевского университета в Борский район.

В газете «Волжская новь» помещены статьи, содержащие тексты сказок, легенд, преданий, песен. Например, статья «Старинная русская свадьба» (Волж. новь. 1935. № 10. С. 72-81), в которой описывается свадебный обряд села Утевка Куйбышевской области, здесь приведены

тексты свадебных песен. Материалы записаны С. Лукьяновым в 1929 году; статья «Народные песни: Свадебные. Песни военные и о военных» (Волж. новь. 1935. № 8-9. С. 53-59) – тексты песен записаны Р. Акульшиным в Куйбышевском крае; статья «Народные песни о Ленине и Сталине» (Волж. новь. 1937. Кн. 3. С. 3-17); статья В. А. Малаховского «Несколько сказок» (Волж. новь. 1940. Кн. 6. С. 222-249), где даны тексты сказок «Про хитрого Макарку», «Про ленивую жену», «О безрукой жене», «Про девочку Снегурочку», «Лиса побирушка», записанные в районах Куйбышевской области фольклорной экспедицией Куйбышевского государственного педагогического института в 1939 году. Также есть краткий анализ текстов, даны сведения о куйбышевских сказочниках В. И. Ефремовой, А. И. Журавлёвой, М. А. Клеменевой, Л. И. Слепухиной.

В газете «Волжская коммуна» помещено множество статей, посвящённых фольклору, экспедициям, а также содержащих тексты народных песен и частушек. Например, такие статьи, как Г. Васильев «Песни Самарского края» (Волж. коммуна. 1965. № 289. 8 дек.), где даётся краткий пересказ книги В. Варенцова «Сборник песен Самарского края»; А. Ещеркин «Частушки» (Волж. коммуна. 1939. 12 фев.); Г. М. Мартышкин «Наши частушки» (Волж. коммуна. 1956. 8 июля); М. О. Рязанова «О чём поют наши девушки» (Волж. коммуна. 1944. 5 янв.); В. Сидельников «О фольклоре» (Волж. коммуна. 1935. 24 сент.); Е. Попова «20 дней в экспедиции» (Волж. коммуна. 1935. 24 янв.); «Кабинет фольклора» (Волж. коммуна. 1944. 22 фев.); Б. Щеголихин «Собиратели сказок, песен и былин» (Волж. коммуна. 1962. № 180. 2 авг.).

В XIX веке большое внимание фольклору уделяли «Самарские губернские ведомости», «Самарская газета» и др. Важнейшими собирателями и исследователями самарского фольклора в XIX веке были П. В. Киреевский, братья Языковы, А. Ф. Леопольдов, В. И. Даль, П. В. Шейн, В. Г. Варенцов, П. И. Якушкин, Д. Н. Садовников, А. А. Коринфский, А. Навроцкий,

А.И. Эртель и др. На рубеже XIX и XX веков была создана книга А. А. Коринфского «Народная Русь», написанная на материалах Поволжья.

Огромный вклад в изучение самарского фольклора XX века внесло Самарское общество археологии, истории, этнографии и естествознания, существовавшее в нашем городе с 1919 по 1929 годы. Материалы о его деятельности находятся в фонде 558 ГАСО, в котором есть и записанные его сотрудниками фольклорные произведения Самарской губернии. В фонде 1820 ГАСО профессора Куйбышевского пединститута В. А. Малаховского также имеются тексты самарского фольклора. Под руководством профессора В. А. Малаховского студенты филфака Куйбышевского пединститута провели несколько экспедиций по Куйбышевской области. Главная их задача — запись фольклорных произведений. В ГАСО в фонде профессора В. А. Малаховского есть дела с материалами экспедиций.

В 20-е и 30-е годы большая собирательская работа проводилась М. Н. Акульшиным, интересные фольклорные публикации появляются в альманахе «Волжская новь».

В 1940 году в Куйбышеве издается книга «Певец Волги Дмитрий Николаевич Садовников», которую составила и прокомментировала В. Ю. Крупянская.

В 50–60-е годы в Самарский край приезжают экспедиции ученых из Москвы и Ленинграда для сбора фольклорных произведений.

В 70-е годы внимание к самарскому фольклору усиливается благодаря собирательской деятельности Н. П. Павперовой и М. И. Чувашева. В 1986 году в Москве вышла книга «Русский фольклор: Песни, сказки, былины, прибаутки, загадки, игры, гадания, сценки, причитания, пословицы и прибаутки».

Важным этапом в изучении самарского фольклора являются 90-е годы XX века.

В 1991 году Самарская областная научная универсальная библиотека (СОНУБ) издала научно-вспомогательный указатель «Устное народное творчество Самарского края», составленный Т. Макаевой и Т. Сенинг, редактор Н. П. Фомичева [1]. А. И. Мартиновская в 1994 году в газете «Культура» напечатала рецензию на него [2]. В указателе дан обзор литературы о русском фольклоре Самары с середины XIX века до 1983 года. К сожалению, фольклор народов, населяющих наш край, в нем не представлен. Но наряду с отдельными просчетами (один из них — недостаточный охват материала) указатель во многом поможет тем, кто интересуется историей самарского фольклора.

Это первое научно-справочное печатное аннотированное издание, посвященное истории собирания и изучения русского устного народного творчества Самарского края. В композиционном отношении указатель состоит из предисловия составителей, вступительной статьи и пяти разделов: 1) сборники текстов и исследований разных жанров, посвящие общий характер; 2) отдельные жанры устного народного творчества, где дается довольно полная подборка фольклорных произведений и исследований, посвященных обрядовому фольклору, пословицам, поговоркам, загадкам, сказкам, легендам, песенному фольклору, былинам; 3) собирание и изучение устного народного творчества Куйбышевской области; 4) творчество сказителей и народных певцов; 5) произведения устного народного творчества Куйбышевской области в исполнении фольклорных коллективов. Указатель, безусловно, имеет ценность не только для Самарской области. Сборник издан в 1991 году. Однако в него включены материалы только до 1983 года. Но за последнее десятилетие появилось немало интересных публикаций даже в нашем городе, не говоря уж о других.

В Самарской академии культуры и искусств работает М. Ю. Паршин, знаток русского обрядового фольклора. Здесь же много лет работает ныне профессор Л. А. Терентьева, посвятившая всю свою жизнь народной песне и возглавляющая кафедру народного хора. В 1981 году вышли методические

указания Л. А. Терентьевой «Руководителю самодеятельного народного хора: Произведения, рекомендуемые для концертного исполнения. План анализа народной песни». В 1983 году была напечатана другая работа Л.А. Терентьевой «Народные песни Куйбышевской области». Этих работ в указателе нет. Сборнику «Жемчужины Жигулей: Предания, сказы, легенды» предпослана аннотация. Перечислено несколько рецензий, даже сообщено, что было три издания. А вот фамилии составителя (Ст. Кузменко) нет. Сборник Д. Н. Садовникова «Загадки русского народа», многие из которых он записал в Самарской губернии, в указателе очень подробно и профессионально расписан. Однако он обозначен как отсутствующий в фондах Самарской областной библиотеки. Но в ней есть два сборника «Загадок» Садовникова. Один в общем фонде, другой в отделе редких книг. Причем в ОРК имеется первое издание 1876 года. Одним из самых слабых в указателе является раздел «Персоналии». В нем названы источники, по которым можно познакомиться с работами о жизни и творчестве М. Балакирева, В. Варенцова, А. Коринфского, Г. Потанина, Д. Садовникова, С. Скитальца, П. Шейна; братьев Языковых, А. Эртеля, П. Якушкина и др. Но исчерпывается ли только этими фамилиями список, помещенный в разделе «Персоналии»? Думаем, что нет. Здесь не указан Ф. Д. Нефедов, собиравший фольклор в самарском Поволжье. Языковым и П. Якушкину посвящено только по одному источнику. Составители обошли материалы, публиковавшиеся на страницах самарских дореволюционных газет. В областной библиотеке имеется «Русский биографический словарь» в 25 томах. Там есть большая статья о Д. Н. Садовникове, написанная П. К. Симони. В ней помещена обширная библиография работ Садовникова и литературы о нем. В пристатейной библиографии названы наиболее значительные дореволюционные публикации о Садовникове известных исследователей его творчества Н. Агафонов, А. Коринфского и В. Чуйко. Ни один из этих исследователей не назван в указателе. В библиотеке есть ряд указателей (Д. Д. Языкова, И. М. Кауфмана и др.), к которым почему-то составители не удосужились обратиться. Не указан и присланный из С.-

Петербурга указатель о Д. Н. Садовникове, составленный сотрудниками публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в 1988 году. Безусловно, трудно всё охватить, готовя указатель. Но материалы, имеющиеся под руками, нужно использовать основательнее. Указатель издан в 1991 году, а включает он лишь работы, вышедшие до 1983 года. Надеемся, что коллектив нашей библиотеки сделает новый указатель, посвященный самарскому фольклору.

В 90-е годы в Самаре появляется ряд интересных фольклорных изданий. Областной центр народного творчества издает 4 тома «Историко-культурной энциклопедии Самарского края», в которых помещены биографические данные об исследователях самарского фольклора. Научно-методический отдел центра народного творчества издает методические рекомендации в помощь руководителям детских самодеятельных коллективов «Детский фольклор Самарского края» [3] (1993). Им же в 1993 году переизданы «Сказки и предания Самарского края» Д. Н. Садовникова [4] и «Сборник песен Самарского края», составленный В. Г. Варенцовым [5], а в 1995 году – книга А. А. Коринфского «Народная Русь» [6]. В 1995 же году историко-культурной ассоциацией «Поволжье» напечатано методическое руководство И. П. Рубцовой «Народная культура в школе: народный календарь и фольклор» [7]. В 1996 году выходит книга Н. П. Павперовой «Ласковое словечушко» [8], где напечатаны собранные автором в самарских селах народные песни. В 2001 году СамГПУ опубликовал созданную коллективом авторов фундаментальную работу «Духовное наследие народов Поволжья: Живые истоки: Антология» [9]. Она в основном состоит из текстов мордовского фольклора, собранного М. И. Чувашевым.

В 2005 году в СГАКИ издана первая часть книги Н. В. Бикметовой «Русский песенный фольклор Самарской области».

В XX веке самарскому фольклору посвящали свои страницы газеты «Волжская коммуна», «Самарские губернские ведомости – 150», «Волжская заря», альманах «Волжская новь», журналы «Самарская область: этнос и

культура», «Самарская Лука», а также районные газеты и периодические издания соседних областей.

Ниже при раскрытии деятельности собирателей и исследователей самарского фольклора мы будем обращаться к некоторым фактам их творчества и к истории изучения их отдельных трудов.

ЗАДАНИЕ. Назовите важнейшие исследования, посвящённые истории собирательской деятельности в Самарской губернии. Работы каких фольклористов имеют огромное значение в истории российского устного народного творчества? Какие источники, по вашему мнению, наиболее значимы в изучении фольклора Самарской губернии?

ГЛАВА 2

ИССЛЕДОВАТЕЛИ САМАРСКОГО ФОЛЬКЛОРА XIX ВЕКА

Публикации «Самарских губернских ведомостей»

В XIX веке на территории Самарского края записано много текстов произведений устного народного творчества и проведено большое количество исследований о самарском фольклоре, не потерявших своей научной значимости и до настоящего времени.

Наибольшую роль в собирании самарского фольклора в XIX веке имела деятельность А. Ф. Леопольдова, В. Г. Варенцова, Д. Н. Садовникова. Много публикаций фольклорных произведений находим мы на страницах дореволюционной самарской прессы. Ведущая роль здесь принадлежит «Самарским губернским ведомостям» (1852-1917).

К рассмотрению истории «Самарских губернских ведомостей» обращались П. В. Алабин в вышедшей в 1877 году работе «Двадцатипятилетию Самары как губернского города», А. Треплев «Начало печатного слова» («Коммуна», 1927, 3 апреля). В 1985 году в Казани вышло исследование Л.П.Бурмистровой «Провинциальная газета в эпоху русских просветителей (Губернские ведомости Поволжья и Урала 1840-1850 гг.)» [10]. В 1997 году к истории газеты обращались А. И. Мартиновская (Важнейший исторический источник // Самарские губернские ведомости - 150, 1997, №1) [11] и Р. П. Поддубная (Первая губернская газета // Самарские губернские ведомости - 150, 1997, №1) [12]. В январе 2002 года в «Самарских губернских ведомостях - 150» появилась статья А. И. Носкова «Первая самарская газета», где описывается история ее возникновения и характеризуются публикации за 1852 год. (В 2006 году она была напечатана в книге А. И. Носкова «Прикосновение к прошлому», с. 406-416) [13]. Это далеко не полный перечень работ о «Самарских губернских ведомостях».

В 1852 году в одном из первых номеров «Самарских губернских ведомостей» в заметке «От редакции» читателям предлагалось присылать сведения о прошлом и настоящем губернии. В 50-е годы И. В. Диков поместил в газете несколько материалов. Это «Народный рассказ о Стеньке Разине», «Процесс о медведе», «Искатель кладов», «Этнографические заметки». К сожалению, в научно-вспомогательном указателе областной библиотеки «Устное народное творчество Самарского края» назван только первый очерк Дикова.

Интересны многие публикации произведений устного народного творчества на страницах газеты. Это и статья «Деревенская музыка» (1853, № 40). Это и работа ученика самарской мужской гимназии Еропкина (1858, № 29, 30) «Свадебные обряды у русских поселян Самарской губернии в Бугульминском уезде» (ее также нет в самарском научно-вспомогательном указателе) [14].

Обратимся к этой записи. Текст песен, приведенных в этой статье Еропкина, по мнению В. Г. Варенцова, кем-то подправлен. Приведем отрывок из работы Еропкина: «По уходу сватов невеста, узнав о решении родителей, начинала плакать, приговаривая:

Что это к тебе, мой батюшка, за гости приходили,
И какие вести тебе приносили?
Это не гости к тебе, батюшка, приходили:
Приходили это мои злые разлучники!
Хотят разлучить меня горькую с батюшкой, с матушкой,
Со всем родом-племенем!
Запоручил ты меня, батюшка,
В поруки крепкия
Не за сто рублей, не за тысячу,
А за одну винную чарочку.

Винная-то чарочка мала, да обманчива!
Опустились у меня белы рученьки,
Подкосились резвы ноженьки:
Нельзя мне горькой ни выйти, не выступить.

...После сего молодых вводят в избу и сажают за стол. Тут свекровь берёт ухват, снимает им с молодой фату и здоровается с ней, говоря:

Здорово, доченька!
Жить бы вам
Богатеть;
Спереди бы вам
Горбатить!
Вот тебе вёдра
И коромысло,
Ходи по воду, не ленись!
Вот тебе копну ржи,
Сама её жни».

Следует обратить внимание и на публикации 1860 года (№ 46, 47) «Поговорки поселян Самарской губернии». В 1883 году в № 83, 85, 87 газета также поместила поговорки Самарской губернии.

Немало публикации фольклорных материалов появилось в газете в период, когда ее редактором был А.Ф. Леопольдов. В XX веке несколько работ о нем сделал Ю.Б. Орлицкий. Леопольдов и сам помещал в газете интересные статьи. Так, в январе 1854 года на страницах «неофициальной части» «Ведомостей» Леопольдов опубликовал статью «Народные поверья в Самарской губернии» [15]. Он привел в газете записанные им у простого народа поверья. Леопольдов просто перечисляет их без особых пояснений. Некоторые из этих поверий сохранились до нынешнего времени.

Например:

«Если кто в доме разобьет зеркало, то быть несчастью.

Подать другому соли и не засмеяться - знак, что с ним поссоришься.

Курица, поющая петухом, предвещает в доме несчастье. А чтобы предупредить это несчастье, надобно курицу заколоть, и тогда говорят: она пела на свою голову.

Крик ворона или филина на доме предвещает беду тому дому, а если птица кричит на церкви, то предвещает бедствие целому селению...

На себе ничего не зашивают, от этого слабеет память.

За подаренных кошку, собаку, нож, бритву и прочее нужно непременно заплатить хоть медный грош - иначе выйдет ссора.

Если выйдет каша из горшка в печи - быть беде в доме.

Через порог не здороваются - иначе выйдет ссора.

Нечетное число гостей не садится за стол, иначе в доме будет покойник. А потому лишний выходит и ест особо.

Постройка нового дома предвещает смерть хозяину.

Ногти обрезают в четверг или в субботу - это легкие дни.

Понедельник - тяжелый день для выезда или какого-нибудь предприятия.

Если собака роет на дворе яму - быть вскоре покойнику в этом доме».

Достоинством этой заметки является то, что в ней автором приведены поверья, записанные со слов местных жителей. Несомненно, она является важным источником изучения духовной культуры населения Самарской губернии.

В апреле 1854 года в газете была помещена заметка А. Ф. Леопольдова «Соколы горы» [16]. Автор пишет о красоте Соколых гор и обращается к народному преданию, говорящему о том, «что в старину эти горы покрыты были дремучем лесом, в котором, как в безмятежном приюте, водились

ясные соколы. Отсюда и название гор этих. В тени лесов обитала эта хищная птица, стерегла над Волгой летавшую дичь и с быстротою молнии поражала свои жертвы. Теперь эти горы отчасти покрыты мелким лесом, а иные вовсе обнажены. В прежние времена в них находили совершенно чистую серу большими гнездами, как и в берегах Самарской Луки». А. Ф. Леопольдов поясняет выражение «ясные соколы». Он пишет, что это народный эпитет. По его словам, когда сокол летает в ясный день, то на его сизых перьях виден отблеск лучей, поэтому люди и стали называть его ясным.

Итак, заметка А. Ф. Леопольдова «Соколы горы» важна для этнографов и фольклористов, так как несет в себе сведения о народном творчестве населения Самарской губернии. Интересна и помещенная Леопольдовым в № 27 газеты за этот же год заметка «Название реки Волга».

В августе 1854 года «Ведомости» опубликовали небольшую статью неизвестного автора «Благочестивый обычай в Самаре». В ней говорится о православном обычае не есть яблок до праздника Преображения Господня. «В этот день они приносят яблоки в церковь на обедню, где по окончании оной, священник благословляет плоды, читает над ними молитву. Уделив из них часть священно-церковнослужителям, приносители разбирают блюда с яблоками, несут домой и разговляются священными плодами». Автор статьи считает, что обычай этот установлен святыми отцами весьма благоразумно. Он видит здесь единственную причину: попытку удержать людей от искушения.

На страницах «Самарских губернских ведомостей» очень часто помещались обширные статьи, повествующие о народных обрядах Самарской губернии. Одной из них является работа Н. Воронова «Обряды сватовства у малороссиян» [17]. В ней говорится о сватовстве украинцев, переселившихся из разных губерний Украины в Покровскую слободу Новоузенского уезда Самарской губернии. Воронов последовательно и подробно описывает все этапы сватовства. «Отец жениха, а если у жениха

нет отца, то кто-нибудь из родственников или близких его призывает двух стариков, которые на этот случай принимают название старост. Жених дает каждому из них палочку и хлеб. Принявши эти вещи от жениха, старосты отправляются в дом, из которого жених хочет взять невесту и, подойдя к окну, творят молитву, потом просят обогреться или постоять на квартире». Старост встречают в доме невесты и договариваются о свадьбе. Отец невесты сажает старост за стол, а те отдают ему хлеб и объявляют о цели своего визита. Если отец невесты согласится отдать свою дочь замуж, то назначает время «брать ручки». Воронов пишет, что старосты в назначенное время идут с отцом, матерью и некоторыми родными жениха к нареченному свату, а тот принимает гостей и угощает их горилкой (вином). «После угощения невеста подносит свекру, свекрови и всем родственникам жениха подарки, а старостам – ручки, т.е. белые льняные, вышитые по краям полотенца, которыми они в то же время перевязываются через плечо. После этого невеста подносит гостям вино, а гости кладут ей на поднос или тарелку деньги, сколько кто может. Когда невеста обойдет всех гостей, тогда староста вынимает принесенный с собою штоф вина и начинает угощать родственников невесты». Далее автор подробно описывает гулянье в доме отца жениха, где и назначают день свадьбы. Воронов упоминает и о подготовке к самой свадьбе, когда выпекают шишки, каравай, ляжень и калач. Большое внимание он уделяет описанию вечера увеселения, на котором все знакомые жениха и подруги невесты находятся в распоряжении выборного дружки. «Старосты отправляются в комнату, где накрыт стол, на котором поставлены каравай, ляжень и калач, убранные цветами, и садятся за него. Когда все готово, тогда дружка открывает дверь в ту комнату, где находятся старосты, и тут начинается с ними разговор молитвой: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!» Старосты отвечают: «Аминь». После этого, пишет Воронов, дружка входит и вводит за собой молодых, которых сажает за стол, а сам помещается возле невесты. Гости садятся

напротив молодых. Заключая свое описание украинского сватовства, автор отмечает, что заканчиваются все представленные сговоры, когда жениху поднесут чарку вина и начнется общее угощение.

В газете помешалась масса публикаций этнографического характера, которые содержали общие сведения о народах, населяющих наш край (расселение, этническая история, быт, материальная и духовная культура). Например, «Сведения об Иловатовской волости Ново-Узенского уезда», «Медико-топографическое описание Бугульминского уезда и города», «Слобода Покровская», «Самарская Лука» и другие. Статья «Слобода Покровская» опубликована в № 29-33. Написана она членом-корреспондентом Самарского статистического комитета Покровской слободы Алексеем Львовичем Любенским. Статья содержит сведения о домашнем быте украинцев, внутреннем убранстве их жилища, одежде, особенностях украинской кухни, внутреннем распорядке в доме.

Массу этнографических сведений содержит публикация «Самарская Лука» [18], помещенная в № 16 за 1857 год, автором является А. Ф. Белокрысенко. Статья содержит краткие этнографические сведения о мордве, татарах, чувашах и русских. Они носят описательный характер. Здесь упоминается о кочевом образе жизни башкир, их пище, напитках (кумысе, чае с молоком). В статье А. Ф. Белокрысенко «Самарский уезд», помещенной в № 20-22 «Самарских губернских ведомостей» за 1857 год, приводятся интересные сведения о начале русской колонизации. Автор описывает разные стороны жизни народов, населяющих Поволжье.

Таким образом, «Самарские губернские ведомости» представляют довольно обширный материал для изучения истории живущих здесь народов, описывают их хозяйственную жизнь, раскрывают особенности быта, сообщают важнейшие сведения об их духовной культуре.

Основное внимание газета направляла на отражение народных обрядов и обычаев жителей различных уездов Самарской губернии, на бытовавшие в их среде произведения устного народного творчества.

Публикации «неофициальной части» «Самарских губернских ведомостей» о духовной культуре народов Самарской губернии представляют определенную ценность для этнографов и фольклористов, так как содержат подробные сведения о творчестве, обрядах и праздниках некоторых народов, проживающих на ее территории. Итак, все фольклорные работы «Самарских губернских ведомостей» являются важными материалами, способствующими более полному и точному изучению расселения, этнической истории, хозяйственной жизни, религиозных верований, обрядов и праздников народов, населяющих Самарский край.

Считаем, что обращение редакции «Самарских губернских ведомостей» к читателям с призывом изучать прошлое и настоящее Самарского края играло важную роль. На страницах газеты появляется немало публикаций этнографического характера и тексты произведений устного народного творчества.

Доказательством этому является опубликованная в 1916 году работа Д. К. Зеленина «Описание рукописей ученого архива Императорского Русского географического общества», выпуск 3 [19]. Раздел XXXIII посвящен Самарской губернии. В нем помещено несколько записей, сделанных в 50-е годы. Это статья А. Каминского «Краткий очерк быта и состояния крестьян Самарского удельного имения» (1854), в нее включены тексты сказок, песен, загадок, побасенок, заговоров, причитаний, записанных в Самарской губернии. Это и статья М. Отровидова «Об исследовании домашних лекарственных снадобьев и других способов лечения, находящихся в употреблении между простолюдинами». В ней есть тексты заговоров от ряда заболеваний. Помещена в сборнике и рукопись М. Спиридонова, сделанная в 50-е годы, «Нечто о русской народности в

этнографическом отношении по Самарской губернии». В нее включены легенды, предания, поговорки, загадки, заговоры, духовные стихи. К 1854 году относится рукопись и статья видного собирателя фольклора Г. Потанина «Дедушка из Самары. Самарский Геродот». В ней помещены рассказы жителя Самары о прошлом города, пугачевщине, жизни в старину, легенда о рыке черте. В 1854 году Потанин создал «Записки о Самаре», где поместил народные рассказы о прошлом города, о праздниках и т. д. Есть в сборнике и две записи Е. Соловьева. Это 1875 года «Народные песни и духовные стихи келейниц Самарской и Рязанской губерний» и 1876 года «Заговор с. Кобельмы Самарского уезда (Самарской губ.)», где помещено два варианта текста заговора на «присуху». Интересно содержание рукописи А. С. Пругавина «Духовные стихи, распеваемые последователями молоканопрыгунской секты, возникшей в конце пятидесятых годов в Новоузенском уезде», включающей 11 текстов духовных стихов, записанных А. Серебряковым.

ЗАДАНИЕ. Назовите важнейшие публикации, посвященные истории «Самарских губернских ведомостей»? Роль газеты в собирании и исследовании самарского фольклора.

П. В. Киреевский – собиратель самарского фольклора

Один из первых фольклористов, собиравший фольклор Самарского края, - Петр Васильевич Киреевский. Деятельность его, начавшаяся еще в 1820-е годы, составляет целую эпоху в истории русской фольклористики. Он не только собирал сам песни, но и сумел организовать вокруг себя большое число увлеченных фольклором энтузиастов. Среди них были А. С. Пушкин, передавший собирателю тетрадь с пятьюдесятью записанными им песнями, а также Н. В. Гоголь, Н. М. и П. М. Языковы, В. И. Даль, А. В. Кольцов,

М. А. Стахович, П. И. Якушкин, московские профессора М. П. Погодин, И. М. Снегирев, С. П. Шевырев. Слава об этом многотысячном собрании песен, создававшемся четверть века, перешла русскую границу. Самарские песни П. В. Киреевский записывал в Бузулукском уезде Самарской губернии и в Сызранском уезде Симбирской губернии. П. М. Языков делал записи в селе Репьевка (Самарская губерния) и собрал песни разных жанров: былины и исторические песни, песни воинские, казачьи, рекрутские, солдатские, матросские, баллады, песни о вольных людях, тюремные, песни свадебные.

П. В. Киреевский стремился записывать песни с голоса крестьян-певцов. Для этого он ездил по селам, посещал сельские праздники и ярмарки.

ЗАДАНИЕ. Какие произведения устного народного творчества были записаны Киреевским в Самарской губернии?

П. И. Якушкин – собиратель самарского фольклора

Одним из ближайших помощников П. В. Киреевского был Павел Иванович Якушкин, родственник известного декабриста, сын мелкопоместного дворянина и его крепостной. О Якушкине в 1969 году А. И. Баландиным напечатана монография «П. И. Якушкин: Из истории русской фольклористики» [20]. К сожалению, в научно-вспомогательном указателе «Устное народное творчество Самарского края» она не названа. В 1992 году в самарской газете «Культура» напечатана интересная статья Ю. Б. Орлицкого «Человек это или нарочно». В «Историко-культурной энциклопедии Самарского края. Персоналии. Со-Я: дополнения», изданной в 1995 году, помещена статья А. И. Мартиновской (с. 288). Обратимся к ней: «Якушкин Павел Иванович (25. 01. 1822 – 20. 01. 1872). Писатель, фольклорист, этнограф. Родился в Орловской губернии. Учился в Московском университете. В студенческие годы начал заниматься сбором

фольклорных и этнографических материалов. В 1860 г. вышел сборник «Русские песни, собранные Павлом Якушкиным». Очерки и рассказы Якушкина публиковались в «Современнике», «Отечественных записках», «Русской беседе» и других изданиях. В 1859 г. был арестован в Пскове (формально – за отсутствие паспорта). На это событие откликнулись газеты многих городов, в том числе и «Самарские губернские ведомости» (№ 46, 47, 50–52). В начале 1860-х участвовал в революционном движении. В 1864 г. арестован, выслан в Орловскую губернию, затем – в Астраханскую. С сентября 1871 г. – в Самаре (проездом в Бузулук). В. О. Португалов ходатайствует перед губернатором Г. С. Аксаковым о лечении Якушкина, после чего Павла Ивановича помещают в земскую больницу. В конце ноября Якушкин заразился тифом и в январе 1872 умер. Хоронила Якушкина самарская интеллигенция, собрав деньги по подписке. Погребен он был на Всесвятском кладбище. В 1902 году на страницах «Самарской газеты» были опубликованы статьи В. Е. Чешихина-Ветринского «Простая душа. Памяти П. И. Якушкина» (№ 6) и П. Юдина «П. И. Якушкин в Самаре» (№ 6). Известный самарский врач и публицист В. Португалов написал воспоминания о своем знакомстве с Якушкиным. Они были опубликованы в объемистом томе «Сочинений» П. И. Якушкина, вышедшем в Петербурге в 1884 году. В поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» прототипом образа Павлуши Веретенникова был П. И. Якушкин.

П. И. Якушкин известен как писатель-очеркист 1860-х годов и собиратель устной народной поэзии. Репутация замечательного фольклориста, знатока народной жизни и устной народной поэзии установилась за П. И. Якушкиным уже в середине XIX века. Было известно, что он обошел пешком все центральные русские губернии. В опубликованных П. И. Якушкиным песенных сборниках насчитывается 330 текстов, среди которых много и поволжских песен. П. И. Якушкин явился совершенно новым типом собирателя. Он, попадая в деревню,

запросто общался с народом, легко заговаривал со случайными встречными. Первое время, чтобы лучше узнать жизнь простого люда, Якушкин ходил по деревням коробейником, переодевшись в крестьянскую одежду. За свой товар он просил не деньги, а песни. Но и роль коробейника не всегда спасала его от подозрений местных властей, не говоря уже о частых болезнях и голодных днях. Страдал Якушкин и оттого, что не знал музыкальной грамоты. Он считал, что песня, записанная без голоса, теряет половину своего значения. Поэтому П. И. Якушкин с готовностью пел услышанные им песни тем музыкантам, которые хотели и могли записать их мелодию.

Фольклорные взгляды П. И. Якушкина выражаются в его немногих статьях, написанных в связи с публикацией собственных сборников песен и в связи с выходом в 60-е годы «Песен, собранных П. В. Киреевским» в 3-х частях и 10 выпусках и «Калик переходных», изданных П. А. Бессоновым тоже в те годы.

В заметке «Несколько слов от собирателя», представляющей предисловие к первому сборнику песен, Якушкин предлагает распределить песни по четырем отделам: 1. Стихи духовного содержания. 2. Песни исторические, с которыми могут быть соединены и солдатские. 3. Песни лирические (из них составитель выделяет баллады и элегии, заметив при этом, что четкой границы между этими песенными разновидностями невозможно провести. 4. Песни обрядовые, т. е.: а) свадебные, б) величальные, в) подблюдные, г) хороводные, д) праздничные (т. е. масленичные, троицкие, колядные, дожиночные и т. п.). Классификация песен, предложенная в свое время П. И. Якушкиным, была чрезвычайно удобна и проста. Выделенные им четыре главных отдела сохраняются в основе современных песенных классификаций.

Деятельность П. И. Якушкина как собирателя фольклора была для своего времени явлением незаурядным. Он обратился непосредственно к народу, обратился сам, без посредников. В его записях запечатлена подлинно

народная фольклорная стихия, в которой существуют и шедевры устной поэзии, и обиходные произведения со всеми присущими им особенностями – диалектными словами и оборотами, просторечием, шутками и бранью. В них запечатлены истинно народные, неприглаженные, неотредактированные песни и сказки. Он дал науке подлинный, «непричесанный», по выражению М. Горького, фольклор.

ЗАДАНИЕ. Познакомьтесь с монографией А. И. Баландина «Якушкин П. И. Из истории русской фольклористики», изданной в 1969 году. Найдите в ней материалы, характеризующие связи Якушкина с Самарой. Какие ещё сведения о связях фольклориста с нашим краем вы считаете важными?

Деятельность В. Г. Варенцова

Сразу же за сборниками песен П. В. Киреевского и П. И. Якушкина вышла в свет книга «Сборник песен Самарского края, составленный В. Г. Варенцовым», как гласит титульный лист этого редчайшего издания, отпечатанного в Петербурге в типографии О. И. Бакста. Книга относится к числу самых первых солидных песенных собраний, изданных в России.

Библиографическая справка о В. Г. Варенцове дана в 1993 году в «Историко-культурной энциклопедии Самарского края. Персоналии. А – Д». Написана она Ю. Б. Орлицким (с. 190): «Варенцов, Виктор Гаврилович (1824–1867). Фольклорист, педагог, писатель.

Родился в Вятке в небольшой дворянской семье. Окончил Казанский университет (1845). Работал учителем словесности в Перми, Пензе, Саратове (где до него работал Н. Г. Чернышевский).

В 1860–1862 гг. – директор самарских училищ и преподаватель русской словесности. Получил широкую известность как автор «Сборника русских

духовных стихов» (СПб., 1860) и уникального для того времени «Сборника песен Самарского края» (СПб., 1862; переиздан, Самара, 1993). Варенцов – один из первых сторонников и популяризаторов идеи детских садов в России, ставший таковым после путешествия по Европе. Научно-фольклорные и педагогические работы Варенцова оказали влияние на П. Алабина, Ф. Буслаева, М. Горького, Л. Модзалевского, Д. Мордовцева, К. Ушинского и др.».

В библиографическом списке Ю. Б. Орлицкий называет статью Варенцова «О народной грамотности в Самарской губернии», опубликованную в «Журнале министерства народного просвещения» за 1863 год, № 11. С. 37–46, а также работу Е. А. Боброва [21]. Называет Орлицкий и рекомендательный указатель литературы, выпуск 5, изданный в Кирове в 1962 году «В. Г. Варенцов // Выдающиеся уроженцы и деятели Кировской области».

Биография В. Г. Варенцова подробно воспроизведена в нескольких публикациях исследователя его творчества Е. Боброва (Одна из них уже была названа Орлицким. Также см.: Е. А. Бобров Педагогические труды В. Г. Варенцова // Из нашей литературной и культурной старины. - Варшава, 1909. С. 48–73; Он же. Заметки по истории русской литературы, просвещения и культуры. 1. Материалы для биографии Виктора Гавриловича Варенцова // Варшавские университетские известия. 1912. № 7. С. 1–12; № 8. С. 17–35).

Всего в книге В. Г. Варенцова представлено 179 русских народных песен, причем большинство из них автор снабжает не только указанием места записи и – соответственно – губернии, откуда переселились на Волгу жители этого места, но и параллелями и вариантами из сборников С. А. Костомарова, П. И. Якушкина, В. Е. Максимова. Обратимся к сборнику песен Варенцова. Советуем студентам охарактеризовать композиционное своеобразие сборника и внимательно отнестись к размышлениям Варенцова о тематических и эстетических особенностях песен, собранных им.

Характеризуя современное ему население Самарского края, В. Г. Варенцов описывает его настолько красочно, что просто невозможно удержаться от объемной цитаты: «Трудно определить общий характер такого населения; можно только сказать, что это были, большею частью, люди, которые покинули родную землю и могилы отцов, или спасая свои религиозные мнения от преследователей, или давимые тяжестью помещичьей власти, или преследуемые грозящим законом за буйную удаль и казачество; наконец, в нынешнем столетии причиною колонизации были неурожаи и бедность крестьян в некоторых губерниях и слухи о богатстве и приволье заволжского края» И теперь сохраняется в этой стороне память о «сиротской дороге», по которой ходили искать себе счастья эти бездомные скитальцы...

Тут, среди этого раздолья степей, пелись, тут, может быть, и сложились, как полевой ветер, и песни про буйную удаль, про темную темницу и тоску по воле...» [22].

Отсюда следует вывод, что песни Самарского края носят не только местный характер, но и содержат элементы, присущие песням других областей России, которые завезли переселенцы. Рассказывая далее о разнообразии говоров, обычаев, поверий и обрядов русских и украинцев-переселенцев, населявших Самарский край, В. Г. Варенцов вполне справедливо заключает, что разнообразие это не могло не отразиться и в песнях, которые поются ими, и делает из этого чрезвычайно поэтический вывод о том, что песни напоминают слушателям «тот или другой край, откуда пришли переселенцы, песни эти своим поэтическим содержанием обнимают всю Россию и выражают народную жизнь во всем ее разнообразии» [23].

В. Г. Варенцов сообщает, что собранные в сборнике песни «большею частью записаны учениками гимназии и Самарского уездного училища, которые, живя в кругу простого народа, сами пели их» [24].

Великолепны также приведенные в книге замечания В. Г. Варенцова, касающиеся различных жанров народной песни. Можно даже сказать, что комментарии В. Г. Варенцова к народным песням представляют для нас сегодня не меньший интерес, чем сами собранные им произведения. В этих заметках Варенцову удастся то, что под силу немногим специалистам-филологам: сочетать чисто научный подход к произведениям словесности и собственно литературное мастерство изложения, делающее сами заметки эти фактом словесности.

Песни распределены в сборнике по четырем основным разделам: семейные, солдатские, разбойничьи, шуточные и сатирические; при этом первый раздел состоит, в свою очередь, из четырех частей: песни детские, про любовь и семейную жизнь, хороводные, игральные, обрядовые и свадебные. К каждому разделу Варенцов дает небольшое предисловие, где объясняет специфику данной темы. Интересны размышления Варенцова о детских песнях. Приведем одно из них: «Наше знакомство с народной поэзией начинается с самого детства. Хорошо тому, кого в колыбели убаюкивало ласковое пение матери, полное глубокой любви к своему беззащитному ребенку, или, по крайней мере, песни няни, которой нежность иногда заменяет любовь и заботы матери. Если мы не в состоянии помнить эти песни над своей колыбелью, то, может быть, мы помним их над нашими братьями и сестрами, которые были моложе нас.

У нас не много колыбельных песен, не много напевов, которые поются над детьми, потому что тут важно бывает не содержание песни, не слова ее, которых ребенок еще не может понимать, — важны одни только звуки, нежные, ласкающие слух. Ребенок любит, чтобы его баюкали: он сам баюкает себя, стараясь напомнить о том матери, и нет средства, которое было бы столь удачно, которое могло бы так скоро и легко успокоить и усыпить дитя, как это тихое, мерное пение» [25].

После прочтения замечаний Варенцова студентов можно спросить: в чем он прав? Вопрос можно задать сразу после прочтения суждений фольклориста, а можно предложить прослушать тексты записанных им песен, а потом задать вопрос.

Читаем тексты двух колыбельных песен из сборника Варенцова:

Баю — баюшки — баю,
Баю милую дитю.
У кота была — кота
Колыбелька золотая,
А у моего Лелиньки
Лучше того,
Новоточенная,
Позолоченная,
Сверху — медью
Околоченная,
Приди, котик, ночевать,
Мово Лелиньку качать,
Уж как я тебе — коту
За работу заплачу!
Кувшин молока
Да конец пирога.
Котик, ешь — не кроши
Да и больно не проси.
Баю — баюшки — баю,
Колотушек надаю.
Колотушек с пять,
Лучше будешь спать!

Интересны комментарии Варенцова к детским песням: «Во всех в них вводится мир, самый близкий, самый доступный детским понятиям, слова, которые он постоянно слышит кругом себя; этот маленький мир одушевляется в глазах его и живет одною с ним жизнью, точно так же, как сказочный мир, о котором он скоро услышит от своей няни» [26].

Знакомим студентов и с текстами игровых песен. Можно предложить вопросы: исполняются ли эти песни в наше время? Что они дают детям? Возможен выбор таких песен:

Ладушки, ладушки!
Где были? У бабушки.
Что ели? Кашку.
Что пили? Бражку.
Кашка слатенька,
Бражка хмеленька,
Бабушка добренька.
Попили, поели,
Долой полетели,
Сели на головку
На маковку...

Текст другой песни:

Сорока, сорока
Кашу варила,
На порог скакала,
Гостей созывала.
Гости на двор -
Каша на стол,
Одному дала,

Другому дала,
Третьему дала,
Четвертому дала,
А пятому не достало.
Ты, шиш, мал,
Крупу не драл,
Воду не носил,
Дрова не колот,
Печку не топил,
Кашу не варил.
Ш-ш-ш... полетели,
На голову сели,
Там и кашу съели.

Текст этой песни можно сопоставить с записью, сделанной Д. Н. Садовниковым в Поволжье и напечатанной в 1874 году в «Симбирских губернских ведомостях»:

Сорока – ворона
Кашу варила,
На пороге скакала,
Гостей скликала.
Этому дала,
Этому дала,
Этому дала,
А этому не дала.
(Перечисляют пальцы руки).
Ты мал:
Круп не драл.
Воды не носил,

Баню не топил,
Шу....полетели,
На головку сели!

Тут пень!

(Трогают то место, где начинается кисть руки).

Тут колода! *(Трогают сгиб).*

Тут студена водица! *(Щекочут под мышкой).*

Предлагаем вопрос о том, знают ли студенты другие варианты этой песни. Допустим и вопрос, заостряющий внимание на педагогической направленности текста.

Здесь проявляется важная особенность фольклора — вариантность. Можно спросить студентов о том, чему эти песни учат ребенка?

Можно познакомить студентов с размышлениями Варенцова о детских песнях и предложить подумать о значении этих суждений фольклориста:

«После песен, которыми, бывало, баюкали и забавляли нас в светлые годы нашего детства, нам припоминаются другие песни, которые мы уже пели сами, играя между собой в детские игры: в них все еще тот же фантастический мир, те же пестрые образы которые может понимать только детская фантазия. Может быть, в этих образах хранятся остатки каких-нибудь доисторических преданий и мифов; но нам трудно восстановить смысл их по этим немногим отрывкам и может быть это — один только набор созвучий, подведенных под какой-нибудь детский напев и лишенных всякого дальнейшего значения, точно так же, как самые понятия детей еще лишены определенности и связи. Такие песни напоминают нам детские игры, которые соединены с приговорами, и эти приговоры точно также представляют набор непонятных звуков, иногда лишенных всякого смысла; таковы, например, «Первый дан, другой дан, на колоде барабан, пятьсот судья, катерин бадья, месяц заяц вырвал травку, положил на лавку, кто возьмет, тот вон пойдет...» — «Первиризи навиризи, кому царь царевый сокол воробей пияицы

на яицы шохман лохман дикинъ выкинь». Кто разгадает, какой смысл в этих звуках и есть ли в них какой-нибудь смысл? — Сюда же я решаюсь вписать и те песни, которые в старину имели более серьезное значение, но теперь, перейдя в область шуточных и сатирических, сделались почти исключительно забавой детей» [27]. Можно предложить студентам прослушать тексты некоторых подобных песен. Например:

Ах ты, радуга- дуга,

Поведи меня в луга.

Там лук — чеснок,

Киселя горшок.

Ложка гнется,

Сердце бьется,

Душа радуется.

Дождик, дождик, перестань!

Я поеду в Арестань

Богу помолиться,

Царю поклониться.

Я у Бога сирота,

Отпирала ворота

Сучком, крючком,

Закорючечком.

Вслед за колыбельными идут детские игровые песни, считалки, такие, например, как вот эта:

Из-за лесу, из-за гор

Едет дядюшка Егор.

Его девушки любили,

Кашей масляной кормили.

Каша маслена,
Ложка крашена,
Нос трясется,
Душа радуется.

Второй раздел посвящен песням о семейной жизни и про любовь. Он также отрывается авторским предисловием, где главное — это грусть и тоска, переполнявшая сердца поющих. «От чего такой невеселой рисуется в этих песнях жизнь семейная: отношения жены к мужу, молодой невестки к свекру или к свекрови? Самая любовь большею частью является своей трагической стороной. Если есть песни, в которых как будто выражается веселье, то часто тоскливый напев их совершенно противоречит веселому содержанию; или наоборот, какой-нибудь живой, вызывающий на пляску напев соединен совсем с невеселым содержанием, и эта противоположность еще больше усиливает тяжелое впечатление. Есть и такие песни, которые звучат желанием махнуть на все рукой и забыться в буйном разгуле. Только обрядовые и хороводные песни как память старины и вместе с ней лучшей, более светлой поры в жизни народа, носят не только печальный характер» [28].

Прекрасны, по-настоящему поэтичны и собранные В. Г. Варенцовым песни про любовь, большинство которых поются от лица девушки, чаще всего покинутой любимым и горько переживавшей свою потерю. Одна из них, например, начинается так:

Подуй, подуй, подушка, холодненькая,
Раздуй, раздуй, подушка, калинушку в саду,
Калину с малинушкой, лазоревый цвет,
Широкой дороженькой, где миленький шел;
Веселой компанией, где миленький пьет,
Он пить не пьет, голубчик мой, за мной молодой шлет.
А я, млада-младешенька, замешкалася,

За утками, за гусями, за лебедями,
За вольной за пташечкой за журунькою.
Журавонька молоденький по бережку шел,
Шелковую травушку пощипывает,
Холодной речной водой прихлебывает,
За реченьку за быструю поглядывает....

Далее в песне описывается слободка из четырех двориков, в каждом из них сидит по подружке. Обращаясь к ним, девица просит их пойти в сад, нарвать цветов, сделать венки и не забывать про нее. Песня эта взята из сборника Якушкина и записана в Ставропольском уезде, в селе Хрящевка.

Одной из самых поэтических песен, по мнению Варенцова, является песня о трагической любви:

По рощице Машенька гуляла,
С правой со рученьки кольцо потеряла;
С той тоски, со досады рощу зажигала;
Гори, гори, рощица, гори, зеленая!
Все пеньица, кореньица, все вон выгорайте!
Все пташечки-кинарейки, все вон вылетайте!
Один-то, один млад соловушек в роще оставался.
Прилетела к солоушку горькая кокушка,
Молодого солоушка журила-бранила:
« Уж ты глупый, неразумный, молодой соловейко!
Ты умеешь, соловейко, только песни пети;
Ты не умеешь, соловейко, тепла гнезда вить.
Уж ты своей-ко гнездо при долине на кусте ракиты!
Что никто тое гнездышко не разовьет,
Малых детушек никто не разгонит».

После ознакомления с текстом данной песни можно предложить слушателям ответить на вопрос о том, в чем заключается, по их мнению, художественное своеобразие данного произведения и почему Варенцов назвал данный текст самой поэтической песней?

Третий раздел сборника посвящен хороводным, игровым и обрядовым песням. По мнению Варенцова, в них заключается много остатков старины. Здесь слышится память о Дунае, синем море, боярах, коляде и авсене, Купале и морене, в них рассказывается и о семейной жизни. Варенцов часто относит их к хороводным, потому что их поют в хороводе. Например, вот текст популярной в Самаре песни:

Ты Настасья, ты Настасья,
Отворяй-ка ворота.
Принимай-ка сокола!
А Настасья выходила,
За белы руки брала,
За белы руки брала,
В высок терем повела,
Как на стульчик посадила,
Графин водки подала,
Во бокальчик наливала,
Милу другу поднесла.

Интересен раздел, посвященный свадебным песням. Варенцов пишет: «Свадьбы и теперь представляются самым поэтическим временем в жизни нашего простолюдина: в них сохраняется много старинных подробностей, которые напоминают нам самое отдаленное, доисторическое время, хотя эти подробности мало-помалу теряют прежний смысл и становятся одним только обрядом. Но все-таки и теперь каждый шаг в течение этого торжественного времени сопровождается известным приговором, обрядом и песней.

Свадебные песни, полные поэтических образов и звуков, проникнуты глубокой грустью. Девушка, расставаясь с родными, с беззаботной жизнью, с воспоминаниями детства, вступает в чужую семью: она не знает еще мужа, потому что не сама выбирала его; но свекровь и свекор представляются ей существами суровыми и грозными, и неприветно встретят ее золовки и деверья. Ее девичья воля миновалась; прошли хороводы, песни и пляски: тяжелая работа и мелкое тиранство убьют ее молодую жизнь. Вот от чего эти стоны, которые слышатся нам в свадебных песнях» [29]:

Мимо моего садика,
Мимо моего зеленого,
О-о-ох, мимо моего зеленого
Пролегала дороженька...
Как по той по дороженьке
Дочь от матери ехала.

Если обрядовые, свадебные и следующие за ними солдатские и шуточные песни, изданные В. Г. Варенцовым, принадлежат в основном к общерусскому фольклору, то в песнях разбойничьих очень заметно проявление уже местного, волжского колорита. Сам составитель пишет об этих песнях: «Приволжские степи издавна были у нас классическим местом удализма и разбоев, точно так же, как и сама Волга...» [30].

Отдел разбойничьих песен — один из самых поэтичных: в них жизнь уже не стесняется узкими отношениями семьи, бедной обстановкой нашего домашнего быта и, наконец, скудной природой сурового края, который представляет плоскую, однообразную равнину и над нею серое без просвета небо. Тут другая и жизнь, и природа: жизнь вольная, широкая, полная тревог и борьбы: природа, кажется, та же, но как будто оживленная иной мыслью, иным светом. В одной из этих песен, про Степана Разина, упоминается и Самара.

На море стояли разбойнички семь годов.

Разбивали судна-корабли армянски, татарски и купчески;

Они думали-гадали думу крепкую заединую:

- Кому у нас, ребята, атаману быть?

— Атаману быть Ивану Тимофееву;

Эсаулу быть Никитушке Васильеву.

- Как-то нам, ребятушки, города пройти?

- Астрахань-то, славно мати, пройдем с вечера,

Царицын городочек – во глуху полночь,

Саратов и Дубровку – на белой заре,

А Самаре городишке не поклонимся,

В Жигулевских горах остановимся;

Кольшки вколотим кленовые,

А причалами причалимся шелковыми,

Атаманушку Иванушку сведем под руки,

Эсаулушка Никитушка и сам сойдет.

В конце сборника составитель дает небольшой словарь «местных слов... занесенных из разных губерний», что еще раз подтверждает серьезность научных притязаний В. Г. Варенцова.

Литературное наследие, оставленное В. Г. Варенцовым, не велико и не мало. Но особое значение представляет для нас сегодня его «Сборник песен Самарского края», по поводу которого Е. Бобров в 1903 году в № 2 журнала «Русская старина» справедливо писал: «Издание В. Г. Варенцова служит примером, чего можно достигнуть на поприще фольклора с самыми обыкновенными средствами, но при колоссальной работе, поставленной разумно и целесообразно» [21]. В ней для современного читателя в равной степени ценны и текст песен, и их характеристики, и способы бытования. А приложенные к старинному сборнику нотные варианты, записанные уже в

наше время, превращают эту книгу из архивной реликвии в живого участника сегодняшней культурной жизни.

Таким образом, В. Г. Варенцов, в отличие от других фольклористов своего времени, выступал не только как собственно собиратель народных песен, но и как организатор (и тем самым пропагандист) такого собирательства, что тоже, несомненно, заслуга исследователя.

ЗАДАНИЕ. Каково значение «Сборника песен Самарского края, составленного В. Варенцовым» для русской фольклористики? Охарактеризуйте его композицию, авторские рассуждения о песнях, собранных в книге. Дайте анализ лирических песен, включенных в сборник Варенцова. Как Варенцов был связан с Самарским краем? Какие исследования этому посвящены?

Д. Н. Садовников – собиратель и исследователь самарского фольклора

У сказочного фольклора нашего края есть свой первопроходец – поэт и исследователь Дмитрий Николаевич Садовников, автор всенародно известной песни «Из-за острова на стрежень». Это благодаря ему дошли до нас бесценные записи самарских легенд, сказаний, загадок, пословиц и поговорок. Еще в 1883 году в журнале «Искусство» знавший его при жизни критик В. В. Чуйко писал: «Самый интерес к Волге, к ее истории, крестьянским бунтам, раскольникам в Жигулях – все эти остросоциальные темы в творчестве Д. Н. Садовникова стали объяснять влечение к красоте, которое носит «рефлекторный, отрешенный от жизни» характер и удовлетворяет «самое себя» [31].

Другой критик, Аполлон Коринфский, заканчивая свою книгу «Д. Н. Садовников и его поэзия», которая вышла в 1900 году, говорил: «Поэт... во всех проявлениях своего творчества неизменно оставался гребцом против течения. Вся поэзия его проникнута умиротворяющей

любовью к Истине, Добру, Красоте. Вся она глубоко человечна, вся искренна. У него не встретите вы бывшей в его время в большой моде:

Гражданской скорби, взятой напрокат.

С аукциона купленных страданий...

На его литературном знамени только и можно начертать один девиз — «Прекрасное» [32].

В 1904 году там же в Петербурге выходит «Русский биографический словарь», в котором помещена статья П. Симони о Д. Н. Садовникове. Он выделяет сборник Д. Н. Садовникова «Загадки русского народа», о котором говорится: «Особенно же здесь следует указать на появление в печати обширного труда Д. Н. Садовникова «Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач»; сочувственные отзывы об этом труде можно найти в «Русском Филологическом вестнике» профессора М. Колосова за 1879 г., № 1, с. 134 и в «Гражданине» № 2 за 1876 год. Трудом этим автор составил себе имя в этнографической науке. Немало труда было положено Д. Н. Садовниковым на собрание такой массы загадок из бесчисленного множества печатных книг, газет редких изданий и из рукописей Архива Императорского географического общества. Достаточно сказать, что до сих пор в издании Д. Н. Садовникова мы имеем единственное полное собрание этого рода памятников народного творчества, никем другим еще не замеченное, несмотря на двадцать лет, отделяющих нас от времени появления его в печати» [33].

В 1910 году в «Историческом вестнике» Н. А. Державин опубликовал свою статью «Певец Волги и воли», где говорил, что «Д. Н. Садовников оставил яркий след в русской литературе и как этнограф» [34]. Далее Н. А. Державин перечисляет созданные Д. Н. Садовниковым произведения и даёт им характеристику.

В 1940 году в Куйбышеве издаётся книга «Певец Волги Дмитрий Николаевич Садовников», которую составила и прокомментировала В. Ю. Крупянская. Она дала биографию собирателя и проанализировала его творчество, посвященное Волге. В. Ю. Крупянская говорит, что скудность сведений «не даёт возможности обрисовать сколько-нибудь полно литературные и общественные связи Д. Н. Садовникова».

В 1959 году в Москве, в издательстве МГУ, была выпущена книга Д. Н. Садовникова «Загадки русского народа». Вступительная статья к ней, редакция и примечания В. А. Аникина. Он, вопреки словам В. Ю. Крупянской, заявляет: «И тем не менее, эти связи можно попытаться установить в общем виде, внимательно прочитав все, что написано Д. Н. Садовниковым» [35]. В заключение биографии Д. Н. Садовникова В. А. Аникин делает вывод о нем как о фольклористе: «В лице Садовникова наука о фольклоре приобрела интересного собирателя, который осуществлял в своей практике принципы демократической фольклористики шестидесятых годов. Основная черта собирательской работы Д. Н. Садовникова — и в этом надо видеть преемственную связь его труда с работой фольклористов шестидесятых годов — состоит в том, что его интерес к устному народному творчеству питало стремление понять, чем живёт народ, куда он стремится, о чём мечтает. Фольклор для Д. Н. Садовникова прежде всего материал, характеризующий духовный облик народа» [36].

На долю Д. Н. Садовникова выпало счастье встретить на своём пути исключительно талантливого сказочника Абрама Новопольцева, от которого он и записал в усадьбе Лазарева 72 сказки. Репертуар А. Новопольцева составляет основное содержание сборника Д. Н. Садовникова «Сказки и предания Самарского края», изданного Русским географическим обществом в 1884 году.

«Об этом замечательном сказочнике, — пишет в предисловии к этому сборнику «Сказки и предания Самарского края» Л. Майков, — покойный

собиратель имел намерение сообщить обстоятельные сведения во введении к своему сборнику; утрата этих сообщений тем прискорбнее, что в нашей этнографической литературе до сих пор вовсе нет сведений о сказочниках, между тем как имеются некоторые заметки о сказителях былин, певцах духовных стихов и причитальницах» [37]. Встреча с Абрамом Новопольцевым, несомненно, определила образ пастуха-сказочника в очерках Д. Н. Садовникова «Языческие сны русского народа» (1882 г.), напечатанных в журнале «Детское чтение». Автор в этих очерках даёт образ сказочника-мастера своего дела, который говорит о себе: «По зимам меня ребята слушают, всю ночь не спят. Долгие сказки умею сказывать». Любимой сказкой этого сказочника автор назвал сказку про «Марью Красу Чёрную Косу», т. е. одну из лучших сказок А. Новопольцева.

В 1988 году Э. В. Померанцева в своей книге «Писатели и сказочники» пишет: «Одним из лучших русских сказочников прошедшего времени является самарский крестьянин Абрам Новопольцев, сказки которого в семидесятых годах XIX века были записаны Д. Н. Садовниковым».

В 1989 году В. И. Болдырев писал: «Д. Н. Садовников всю свою жизнь старательно собирал легенды, сказки, заговоры, пословицы, загадки. Он любил Волгу, волжан, родные края, которые исходил и изъездил вдоль и поперёк. Он отыскивал талантливых и самобытных сказочников, бережно записывал их вдохновенные рассказы, передавал их трепетный голос и живую речь» [38].

В 1993 году в Самаре вышла книга Д. Н. Садовникова «Сказки и предания Самарского края», переиздание от 1884 года. Подготовку текста, послесловие и приложение сделал доктор филологических наук Ю. Б. Орлицкий. В своём послесловии он обещает, что «в ближайшее время в свет выйдут научно подготовленные издания фольклорных сборников Д. Н. Садовникова, которые так необходимы нашему читателю. А пока мы выпускаем в свет его главную книгу в таком виде, в каком её готовил сам

автор. Он доверял нам с вами, дорогой читатель – не обманем же его доверия сегодня, век спустя» [39].

О Д. Н. Садовникове писали и в местной периодической печати. В 1993 году в газете «Волжская коммуна» Р. Чумаш в своей статье «Жигулёвская вольница» пишет: «110 лет назад, в 1883 году, в декабрьском номере журнала «Волжский вестник» была впервые опубликована песня Дмитрия Николаевича Садовникова «Свадьба» («Из-за острова на стрежень»). Д. Н. Садовниковым написано немало песен, сказов о Волге и Жигулях» [40].

В 1997 году в газете «Самарские губернские ведомости - 150» помещён реферат школьницы Елены Дунаевой «Тёмных Жигулей предания и сказки», ученицы 10 класса школы-лицея № 135 Кировского района. Она рассказала о жизни и творчестве Д. Н. Садовникова, о значении его трудов в истории Поволжья. О Садовникове написаны работы А. И. Мартиновской в «Историко-культурной энциклопедии Самарского края», в журнале «Самарская область» и в сборнике 2001 г. «Имена и судьбы». Жизнь и творчество Садовникова привлекали внимание и Ю. Б. Орлицкого.

Обратимся к «Историко-культурной энциклопедии Самарского края» к статье А. И. Мартиновской, с. 303 - 304: «Садовников Дмитрий Николаевич 07.05. (24.04) 1847–19.12.1883. Поэт, этнограф, фольклорист, переводчик».

Автор стихотворений, ставших народными песнями, – «Из-за острова на стрежень» и др. Сотрудничал в журналах «Нива», «Игрушечка». Русская мысль», «Кругозор», «Будильник», «Искусство». Некоторые материалы подписывал псевдонимом Д. Волжанов. Поэтическое наследие опубликовано посмертно (сб. «На старой Волге», 1906; «Песни Волги», 1913).

Родился в Симбирске. В 1870-е жил попеременно в Москве и Петербурге, на лето приезжал в Поволжье, в Симбирск, путешествовал по Жигулям, собирал этнографические и фольклорные материалы. В 1876 издал «Загадки русского народа», многие из которых записаны в Ставропольском

уезде Самарской губернии. Там же Садовников записал у пастуха Абрама Новопольцева 72 сказки, включенные в сборник «Сказки и предания Самарского края» (1884). Садовникову принадлежат очерки по истории Самарского края («Жигули и Усолье на Волге», «На Волге», «Жигулевские горы», «Пески» и др.), поэтическая обработка легенд и преданий Поволжья. Во многих сочинениях Садовников обращается к образу Степана Разина. В 1882 г. журнал «Детское чтение» опубликовал этнографические заметки Садовникова, записанные в Самарском крае – «Языческие сны русского народа», излагающие историю бытования в народном сознании образов Лешего и Водяного. «Сказки и предания Самарского края» Садовникова переизданы в Самаре в 1993 году (послесловие Ю. Орлицкого).

В заключение надо сказать, что наиболее подробно из всех перечисленных авторов дал биографию и анализ работ Д. Н. Садовникова В. А. Аникин: «Есть такие собиратели песен, сказок, пословиц, поговорок, имена которых невольно вспоминаешь, когда речь зайдёт о фольклоре. Заговорят ли о сказках – и сразу вспоминаешь имя Александра Николаевича Афанасьева, о пословицах – припомнишь Владимира Ивановича Даля, скажут о былинах – назовешь Павла Николаевича Рыбникова и его последователя Александра Федоровича Гильфердинга. У каждого жанра в фольклоре был свой прославленный собиратель.

Когда говорят о загадках, память подсказывает имя Дмитрия Николаевича Садовникова. Кто он, чем известен помимо сборника загадок, в какое время собирал фольклор, каких взглядов придерживался и как его мировоззрение отразилось на собирательской работе – на все эти вопросы легче ответить после знакомства с биографией Садовникова и со всем тем, что он опубликовал при жизни» [41].

Д. Н. Садовников родился 25 апреля (по старому стилю) 1847 года на Волге в городе Симбирске. Дмитрий Николаевич любил литературу, изучил несколько иностранных языков. У его отца была небольшая, но

хорошо подобранная библиотека, и будущий писатель рано приохотился к чтению. В 1867 году с дипломом домашнего учителя Д. Н. Садовников выезжает в Москву. Здесь он познакомился с богатым купцом Ломакиным, который пригласил его быть спутником в путешествии по Ирану, но поездка сорвалась. Писатель возвратился в Симбирск и решил принять там приглашение одного из помещиков занять место домашнего учителя.

Очень плодотворными в жизни Д. Н. Садовникова были 70-е годы. В 1872 году в журнале «Беседа» появился его первый крупный историко-этнографический очерк «Жигули и Усолье на Волге», в 1874 году в Москве вышла книга «Наши первопроходцы», посвященная покорению Сибири. В «Симбирских губернских ведомостях» за тот же год печатались «Этнографические материалы Поволжского края». В течение 1874–1876 годов Д. Н. Садовников написал ряд историко-этнографических статей для журнала «Нива». Журнал «Русская старина» публикует «Народные рассказы про старину», где помещены собранные Д. Н. Садовниковым предания об Иване Грозном, Степане Разине и Емельяне Пугачёве. Образу Степана Разина Садовников, основываясь на народных преданиях, посвятил несколько поэтических произведений: «Атаман и есаул», «Астраханский загул», «Стенькина шуба», «Суд», «Приплыл Стенька Разин», «В остроге», «В Жигули», «Зазноба». В 1876 году вышел знаменитый сборник Д. Н. Садовникова «Загадки русского народа», а годом раньше – переводные «Норвежские сказки». Фольклор важнее всего был для Д. Н. Садовникова как материал, характеризующий мировоззрение народа, его взгляд на вещи, его отношение к важнейшим событиям истории России. К концу семидесятых годов к Д. Н. Садовникову пришла слава трудолюбивого собирателя фольклора.

В 1882 году в журнале «Детское чтение» он опубликовал рассказы о народных верованиях в леших и водяных (Д. Н. Садовников. Языческие сны русского народа // Детское чтение. 1862. № 5, 6). Это художественные

рассказы, написанные на основе обильно представленных в них фольклорно-этнографических материалов.

Обратимся к рассмотрению трудов Д. Н. Садовникова.

В «Симбирских губернских ведомостях» за 1874 год печатались «Этнографические материалы Поволжского края» (Симбирские губернские ведомости. 1874. № 34, 36, 40 (заговоры), № 46, 47, 51 (детский фольклор). «Детские песни» подаются Д. Н. Садовниковым как этнографический материал. Текстам песен Д. Н. Садовников предпосылает такое вступление: «Сюда вошло и то, что поют сами дети, и то, что поют им взрослые и прочие» [42]. Интересно примечание Д. Н. Садовникова о том, где они услышаны. Часть их записана в Самарской губернии в селе Озерки Ставропольского уезда. В газете опубликовано 42 песни.

В № 47 «Симбирских губернских ведомостей» Д. Н. Садовников пишет, что половина песенок не более как набор слов без всякого смысла и содержания. Например:

У Ивана
Стоят кони
На притони,
Золоты!
Поты!
Под копытами
Плесть.

Д. Н. Садовников считал, что в таких песнях детское ухо, видимо, тешится лёгкостью подбора созвучия и складных слов. «Песни такого рода редко обращали на себя внимание собирателей, т. к. составляли репертуар исключительно маленьких детей. Д. Н. Садовников отмечал, что сравнительно недавно появились такие песни у В. Г. Варенцова, А. П. Бессонова, П. В. Шейна.

Исполняются эти песни при разных случаях: во время игр, где ряд складных слов при чередовании заменяют счёт (см. № 1, 2, 3, 4) и где не обращается внимание даже на то, чтобы слова были всегда понятны, не говоря о мысли. Таковы выражения *топынец, люпа, трынцы* и пр.; поются на ходу целым хором (например, № 17 и др.), иными из песен дразнят и задирают проходящих. Несомненно одно: русская рифма и тонический размер нашего теперешнего стиха имели готовую почву во многих из этих бессмысленных песенок, в этом складном лепете детей. Народ долго не мог втиснуть осмысленные песни в узкие рамки уже найденной рифмы, не имел досуга выработать механизм более звучного стиха. Он представил эту работу людям образованного класса.

Остальные записанные нами песенки поют детям взрослые. В них больше смысла и содержание их несравненно богаче. Одни из них представляют отрывки из детских сказок и так называемого живого эпоса (№ 18, 19, 21, 22), другие выражают в поэтических образах чувство любви к ребенку, наконец, есть такие, которые понятны только при известных жестах во время самой игры с детьми» [43].

Вот текст одной из таких песен:

Первенчики,
Дружинчики,
Телынцы,
Волынцы,
На шесток,
На порог,
Поди в Торжок,
Купи горшок.
Не мал,
Не велик
В полтора

Ведра.
Из моря вон
Тпрусь!
Квазь!
Князь!

В этой песне-считалке такими «складными» созвучными, но в то же время непонятными и даже бессмысленными словами является: тельницы, волынцы, тпрусь, квазь. Вероятно, «квазь» названо для рифмовки со словом «князь». Многие песни поются на ходу целым хором, иными из песен дразнят или задирают прохожих. Например:

Вольтай трубочку курил.
Из окошка дым валил.
А Татьяна-лепетуха
Залепила ему в ухо.

Вероятно, простой язык и объяснял долговечность песенок, рифмы считалок.

В детских песнях много примеров из поэтической сказки, где есть игра, но герои все объединены единым взаимосвязанным процессом [44].

Предлагаем студентам прослушать песни, записанные Садовниковым в селе Озерки Ставропольского уезда. Главное в них – ритм:

№ 4. Ступа,
Люпа,
Жилезь,
Вылезь.

№ 5. Тень тень потетень
Выше города плетень,
На плетне калачи,
Что огонь горячи.
Расхватили калачи,
Прилетели галки,
Ударили в палки.

№ 8. Уж ты, тетушка,
Мое зернышко.
Топи хату,
Гляди в печь.
А я буду
Блины печь.
Матушка Волга,
Широка да долга.
Стул на горах,
В нем ядро
Говорит добро.

№ 13. Тушки тутушки
Макаровы игрушки.
Еще тень потетень
Выше города плетень.

№ 14. Не плачь, не плачь,
Куплю калач,
Не вой, не вой,
Куплю другой.

№ 18. Козел Васька

Муку мелет,
Коза подсыпает.
Молоденьки
Козлятки
Тоже не гуляют.
Муку подбирают.
А синичка
На количке
В скрыпочку играет.
А вороны –
Стары жены –
Под скрыпочку пляшут.
А совица
Из углица
Глазами-то хлоп! Хлоп!
А сороки-
Белобоки
Ногами-то топ! топ!

Можно предложить прослушать еще несколько песен Садовникова и задать вопрос: когда они исполняются?

№ 28. Тили тили

Тесто!
Наденька невеста.
Тили тили
Тилишок,
А Петенька женишок!

№ 29. -Чей нос?

-Савин.
- Где был?
-Славил.
- Что выславил?
- Копеечку.
- Что купил?
- Калачик.
- С кем съел?
- Один.
- Не ешь один!
- Не ешь один!
(При последних словах
Теребят нос).

№ 31. Идет ко-за

Ро-га-та-я
За ма-лы-ми
Ре-бя-та-ми.
Кто молоко не пьет,
(Кто молоко пьет –
Есть и такой вариант),
Того рогами бьет.
(Делают из пальцев подобие рогов и
Последние две строчки говорят строго).

№ 37. Порасту – нюшки!

Потягу – ножки!
Попрыгу – нюшки! (Протяжно поют ребенку).

Внимание любителей старины и народной культуры привлёк изданный в 1876 году в Петербурге сборник Д. Н. Садовникова «Загадки русского народа», вошедший впоследствии в золотой фонд русской фольклористики. Высокую оценку ему дали И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой. Исследователи рассматривали труд Садовникова как литературный памятник и по научной значимости ставили его рядом со сборниками пословиц В. И. Даля и сказок А. Н. Афанасьева.

В. А. Аникин в своей вступительной статье к сборнику загадок Д. Н. Садовникова в третьем издании пишет, что «...у каждого жанра в фольклоре был свой прославленный собиратель. Когда говорят о загадках, память подсказывает имя Дмитрия Николаевича Садовникова» [45]. Сборник загадок Д. Н. Садовникова вышел в свет во время обострённого интереса передовых общественных кругов страны к быту и мировоззрению крестьянских масс. Желание лучше знать народ заставило Д. Н. Садовникова прежде всего взяться за чтение уже напечатанных сборников былин, исторических и бытовых песен. Д. Н. Садовников ознакомился с «Песнями, собранными П. В. Киреевским» (1861 - 1867), сборником былин П. Н. Рыбникова (1861 - 1864) и песнями, записанными П. В. Шейном – «Русские народные песни» (1870). Обширные источники, которыми пользовался Садовников. Он записывал загадки в Симбирске и в сёлах Ставропольского уезда Самарской губернии – Пальцыно, Рузаново, Озерки, Камышевка, Новиковка, Ново-Урайкино. Но это сборник загадок не только Поволжья, но и всей России. Под каждой загадкой отмечено, где она записана, названо около 25 губерний России.

Своё издание Садовников предварил предисловием и сопроводил комментариями. Он стремился показать, как в загадках отразились «бытовая обстановка и мировоззрение русского крестьянства» и его поэтическое мировосприятие. Он считал загадки одним из самых древнейших жанров, сохранившим остатки язычества. В примечаниях он выяснял смысл

непонятных загадок, ссылаясь на памятники народного творчества, сопоставлял их с соответствующими загадками других народов. И хотя у Садовникова не было специального филологического образования, его анализ загадок находился на уровне состояния фольклористики того времени.

Д. Н. Садовников оспорил правильность взглядов на загадки как на пустое упражнение в слове и придал им серьёзное познавательное значение. По глубокому убеждению Д. Н. Садовникова, жизнь и мировоззрение крестьянина отразились в загадках совершенно своеобразно, отлично от других жанров устного народного творчества. Начиная своё предисловие к сборнику, Д. Н. Садовников прежде всего счёл необходимым провести различие между загадками и пословицами. «В загадке, - писал он, - более древней по форме и происхождению, открылся полный простор для творческой фантазии народа» [46].

Крестьянская «обстановка бытовая» воссоздана в сборнике посредством обдуманного размещения загадок по группам. Сборник начинается загадками, «тему» которых Д. Н. Садовников обобщённо назвал «Жилище». Загадки об избе, её углах и брёвнах, матице и накате на ней, о петлях и двери знакомят с устройством избы, которая, по отзыву этнографов, являлась чудом крестьянского домостроительства. Загадки говорят о печном челе, шестке, загнетке, трубе, заслонке, кочерге, ухвате, помеле, лавке, столе, горшке, котле, чугушке, мутовке, кадке, лохани, самоваре, чайнике, полатях – словом, загадки предметно воссоздают бытовую обстановку, внутреннее убранство, утварь и посуду крестьянского дома.

Из сборника Д. Н. Садовникова можно узнать, что шло в пищу крестьянина, что носил он в будни и праздники, можно узнать по его загадкам двор и огород крестьянина, хлев, закут, конюшню, сени, в подробностях перечислена конная упряжь. Полно и красочно изображена в сборнике Д. Н. Садовникова мужицкая работа в поле, в лесу и на пасеке.

Звёзды, их поблескивание в далёкой выси, месяц на ущербе и восход солнца, тьма и свет с подкупающей искренностью опозтированы в загадках.

Надо обратить внимание на то, что множество, если не подавляющее большинство, загадок посвящено самым привычным предметам крестьянского домашнего обихода: горшку, полотенцу, умывальнику, ножу, ложке, чашке, тому, что произрастает в огороде, в саду - репе, яблоку, моркови, груше, огурцу, а также домашним животным, птице - гусю, курице, лошади, корове, поросёнку и пр. За века существования загадок в народном быту сменилось несколько экономических укладов жизни, и каждый из них оставлял свой след в загадках. Д. Н. Садовников различает главные исторические пласты, составившие основу народных загадок.

Д. Н. Садовников писал: «Древнейшие, каковы загадки о небесных светилах и явлениях природы, носят на себе ясные следы охотничьего и пастушеского быта, когда дикарь-человек почти не знал вещей и обстановки, весь зависел от природы той местности, на которой ловил зверей и пас стада. Следующее наслоение представляют загадки быта оседлого, земледельческого. Теплое жилье, хозяйство и орудия земледелия, большее общение с подобными себе вызвали новый ряд иносказательных представлений, определений одного предмета другим по какому-нибудь сходному признаку. Христианство и грамота отложили одно из последних наслоений; творчество детей внесло также свою дань» [47].

Во взгляде Д. Н. Садовникова особенно ценно то, что в основу развития загадок положены материальные факторы. Он объяснял развитие загадок действием общественно-экономических факторов. «На загадки, — писал он, — всегда влияла окружающая обстановка... Неодинаковые условия вызывали в одном случае иную обстановку, в другом — иную среду. Загадка про кедр могла сложиться исключительно там, где он рос; изречения, полные свободолюбия или приниженности — лишь там, где эти качества вошли в характер сложившего их народа» [48].

Сборник загадок Д. Н. Садовникова вот уже больше восьмидесяти лет верно служит науке. Такую судьбу имеют далеко не все книги. Обилие художественных материалов высокого качества обеспечило сборнику долгую жизнь. Немаловажным было и то, что в книге сказались сильные стороны демократического мировоззрения Д. Н. Садовникова.

В 1882 году в журнале «Детское чтение» он опубликовал «Языческие сны русского народа», где рассказал о леших и водяных. Восхищение «неподдельной прелестью» и «дикой, своеобразной фантазией» верований, идущих с языческих времён, не помешало Д. Н. Садовникову показать их сложный характер. Ирония звучит и в речах пастуха-сказочника деда Сидора. Этот человек, если и верит ещё в нечистую и крестную силу, то непрочно: так или не так, мол, судите сами — такова людская молва [49].

Следующее издание Д. Н. Садовникова — «Сказки и предания Самарского края», — уникальное явление нашей поволжской культуры. Они помещены в XII томе Записок Императорского Русского географического общества.

По причине кончины собирателя труд его явился в свет не совсем в том виде, в каком предполагал издать его автор, а именно — тексту сказок не предпослано введение, в котором Дмитрий Николаевич Садовников намеревался изложить сведения о сказочниках, сообщивших эти сказки, а в конце сборника не приложено указателя эпических мотивов, который он не успел составить.

Хотя сборник озаглавлен «Сказки и предания Самарского края», однако огромное большинство помещённых в нём рассказов по содержанию своему не имеет местного характера.

В сборнике 183 сказки, 72 записано от Абрама Новопольцева, пастуха Ставропольского уезда Самарской губернии. При записывании сказок и преданий собиратель имел в виду преимущественно литературные цели.

Отдельные сказки и предания из книги Д. Н. Садовникова не раз входили в различные сборники и антологии.

Д. Н. Садовников в своём сборнике, как правило, выделяет курсивом ненормативные, с его точки зрения, случаи словоупотребления, в первую очередь — диалектизмы, городские жаргонизмы и отдельные индивидуальные особенности речи сказителей. Отражение идей и образов садовниковского сборника находим в творчестве современного самарского художника Евгения Бабушкина, автора оформления сборника «Сказки и предания Самарского края». Он создаёт две прекрасные графические серии: одну — по мотивам «Сказок и преданий»; вторую — по очеркам «Языческие сны русского народа».

Книга сказок Д. Н. Садовникова завершается байкой про тетерева: в ней позиция сказочника, жизненная и литературная, высказана не по-сказочному, даже строго и однозначно:

«Захотел тетерев дом строить. Подумал, подумал: топора нет, кузнеца нет — топор некому сделать, некому выстроить тетереву домишко.

«Что же мне, — думает, — дом заводить? Одна-то ночь никуда не идёт».

Бултых в снег! В снегу ночку ночевал, поутру рано вставал, по вольному свету полетал, громко шибко покричал, товарищей поискал. Спустился на землю, свиделся с товарищами. Они тут поиграли, носом из носу слюнку принимали; по кусточкам бродили, местечко искали, гнёздышки свивали, яичушки сносили и деток выводили.

С детками они во чисто поле ходили, деток мошками кормили, на вольный свет выводили и вольному свету летали и опять зимой в снегу ночевали.

- А одна-то ночь с детьми никуда не идёт. Чем нам дом заводить, лучше на берёзыньках сидеть, в чисто поле глядеть, красну весну «встречать, шулдар булдары кричать!» [50]

Кстати, «шулдар булдары» — это нигде, кроме как у нас в Поволжье, не встретишь. Соответственно и курочка у А. Новопольцева — не Ряба, как везде, а Татарушка, Татарушечка; и царевну заморскую кличут не Марьей Моревной, а Марьей Еридьевной, и герои живут не где-нибудь, а «близ города, на Волге». А вот как Василиса Васильевна прощается с Иваном Агичем, сыном бабы Яги: «Довелось плыть ей через Волгу; распростились они с товарищем, Иваном Агичем. Перевез он её через Волгу и так крепко жаль ему: а через Волгу место было узкое; он смотрит на неё и низко ей кланяется, и отвечает она ему:

- Эх, Иван Агич, не умел красну девицу ловить!»

Посвятив всю свою жизнь собиранию устных произведений народного творчества, Д. Н. Садовников перед самой смертью успел просмотреть корректуру сборника народных сказок и преданий, записанных в Поволжье от крестьян и горожан. Но смерть помешала собирателю написать вступительную статью к сборнику. Верный своему правилу — не только записывать фольклор, но и обращать внимание на то, кто и как рассказывал ему сказку или старое предание, — Д. Н. Садовников хотел подробно описать сказочника, от которого записано большинство включённых в сборник сказок. Редактор сборника Л. Н. Майков с сожалением писал по этому поводу: «Утрата этих сообщений тем прискорбнее, что в нашей этнографической литературе до сих пор вовсе нет сведений о сказочниках» [51].

В известной мере эта утрата восполнена Э. В. Померанцевой в книге «Писатели и сказочники», где она попыталась воспроизвести творческий облик сказочника: «...Репертуар Абрама Новопольцева, судя по тому, что Д. Н. Садовников записал от него 72 сказки, был исключительно велик и разнообразен. А. Новопольцев в одинаковой мере мастерски рассказывал и монументальные волшебные сказки, и остроумные бытовые новеллы, и детские сказки о животных, и исторические предания, и назидательные легенды, и веселые, смешные анекдоты» [52].

Собрание сказок и преданий Д. Н. Садовникова вошло в число лучших фольклорных сборников. По материалам, включённым в него, можно судить о богатстве и разнообразии сказок русского народа.

Фольклор всего важнее был для Д. Н. Садовникова как материал, характеризующий мировоззрение народа, его взгляд на вещи, его отношение к важнейшим событиям в истории России. В лице Д. Н. Садовникова наука о фольклоре приобрела интересного собирателя, который осуществлял в своей практике принципы демократической фольклористики 60-х годов XIX века. Основная черта собирательской работы Д. Н. Садовникова – и в этом надо видеть преемственную связь его труда с работой фольклористов шестидесятых годов – состоит в том, что его интерес к устному народному творчеству питало стремление понять, чем живёт народ, куда он стремится, о чём мечтает. Фольклор для Д. Н. Садовникова прежде всего материал, характеризующий духовный облик народа.

ЗАДАНИЕ. Назовите важнейшие факты биографии Садовникова. Как связан Садовников с Самарским краем? Какие фольклорные темы разрабатывал он, какие жанры? Охарактеризуйте сборники фольклорных произведений Садовникова, записанных в Самарском крае.

А. Навроцкий

С нашим краем также связано имя и другого собирателя преданий – А. Навроцкого. Александр Навроцкий прежде всего известен как автор стихов «Есть на Волге Утёс». В основу содержания положена одна из многих легенд о Степане Разине. Летом 1864 года 25-летний выпускник Второго Петербургского кадетского корпуса А. Навроцкий путешествовал по Волге. Как-то повстречался ему старик-рыбак. У костра за ухой и поведал юноше волгарь о том, что есть такой бугор Стеньки Разина. И место указал.

В предисловии к стихам, впервые опубликованным в «Вестнике Европы», № 12 за 1870 год, А. Навроцкий (под стихами стоял его псевдоним Н. А. Вроцкий) точно назвал место расположения Стенькиного утёса на правом берегу Волги в Саратовской губернии меж пароходными пристанями «Золотое» и «Камышин», на версту ниже деревни Банной.

Собирательская деятельность П. В. Шейна

Младший современник П. В. Киреевского, начавший собирательную работу почти одновременно с П. И. Якушкиным, – Павел Васильевич Шейн. Его многочисленные и многообъемные труды занимают одно из самых выдающихся мест в истории отечественной и мировой фольклористики. С именем П. В. Шейна в русской фольклористике связано много новаторских начинаний. Он предложил записывать не только старинные песни, но и все то, что поет народ в настоящее время, включая и совсем новые произведения. П. В. Шейну удалось создать коллективное собрание фольклора, что, казалось бы, под силу только большой организации. Песни передавали ему А. Н. Островский, А. Н. Афанасьев, И. А. Худяков, М. И. Семевский и другие видные деятели русской культуры того времени, но главные корреспонденты его – школьные учителя.

Сам П. В. Шейн обладал замечательной способностью находить и записывать песни среди простого народа. В его долголетней практике не было случая, чтобы ему певец отказался спеть песню. Если же он сначала «отнекивался», то П. В. Шейн спрашивал его какую-нибудь определенную песню. Если и в этом случае следовал отрицательный ответ, то П. В. Шейн начинал сам петь эту песню. Тогда, по его воспоминаниям, тот час на лицах окружавших его певцов или певиц непременно появляется непритворное выражение удивления и нетерпеливости, и едва он успевал пропеть несколько фраз, как сразу замечал, что его внимательные слушатели

потихоньку начинают ему вторить, подтягивать, и все громче и смелее, пока кто-нибудь из них не возмутится громко: «И кто так пел тебе? Ее не так поют». А собирателю это-то только и нужно. Он тут же замолкает и говорит своему критику: «А как же у вас поют? Я не здешний, но люди горят, что вы поете хорошие песни. Спойте мне какую-нибудь». И ободренные певцы начинают петь.

Фундаментальный вклад в науку внесли сборники П. В. Шейна: «Русские народные песни» (1870); «Белорусские народные песни» (1874); «Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края» (т. 1 - 3, 1887 - 1902); «Великоруссы в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.» (Т. I, вып. 1-2, 1898-1900). К некоторым из них обращались Н. А. Некрасов, А. Н. Островский, П. И. Мельников-Печерский, М. П. Мусоргский и другие. Сборники П. В. Шейна отличаются обилием и разнообразием материалов, стройностью систематизации. Он отводил особый отдел детскому фольклору в своих собраниях, где помещены тексты из разных губерний России с распределением их на группы, с указанием мест записи и т. п. Издавая свои сборники, П. В. Шейн понимал, что без нот они не полны. Поэтому он привлек и музыкантов для главного своего издания «Великоруссы в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.». П. В. Шейн собирал и тексты детских обрядовых песен. В Самарской губернии записано 47 текстов. Из них: детских — 25, хоровых — 5, плясовых — 7. Им также собраны тексты обрядовых песен (свадебные, погребальные). В Самарской губернии записано 20 песен. Есть описание свадебного обряда Самарской губернии.

Материалы по Самарской губернии предоставил П. В. Шейну самарский педагог, писатель Гавриил Никитович Потанин (1823 - 1910). В «Историко-культурной энциклопедии Самарского края. Персоналии. М — См», изданной в 1995 году, есть статья Ю. Б. Орлицкого: «Потанин Гавриил Никитович (1823 - 1910). Прозаик. Автор популярного в свое время романа

«Старое старится, молодое растет» (1861). Сотрудничал в журналах «Современник» и «Русское слово».

В 1850-е жил в Самаре, служил учителем в уездном училище, затем — смотрителем. В 1859 за выступление против губернатора уволен, вскоре уехал из города. Самарские впечатления послужили основой повестей Потанина «Уездное училище» (1864) и «Штатный смотритель» (1866). Потанин известен также как собиратель фольклора; в частности, поставлял материалы для книг Д. Садовникова» (с. 230).

В сборнике П. В. Шейна «Русские народные песни: Песни былевые», изданные в 1877 году, есть тексты песен, собранных Г. П. Потаниным в Самарской губернии. Это, например, «Горемычную свою песенку запела», «Гнев царя на стрельцов».

ЗАДАНИЕ. Охарактеризуйте деятельность Шейна.

А. А. Коринфский

В 1901 году вышла книга «Народная Русь». Её автор Аполлон Аполлонович Коринфский (1868-1937). О нем написана биографическая статья Ю. Б. Орлицким в «Историко-культурной энциклопедии Самарского края. Персоналии. Е - Л», изданной в Самаре в 1994 году, с. 276. Обратимся к ней: «Коринфский Аполлон Аполлонович (29.08.1868—12.01.1937). Поэт, прозаик, критик, переводчик, этнограф, собиратель фольклора. Внук М. П. Коринфского [архитектор, представитель позднего классицизма. — А. М.]».

Родился в Симбирске в небогатой дворянской семье. Окончил Симбирскую гимназию, учился в одном классе с В. Ульяновым (Лениным). С 1886 г. публиковал в симбирских и казанских газетах заметки и фельетоны, в 1888 г. дебютировал как поэт в столичной печати. Коринфский — один из самых плодотворных авторов в дореволюционной России.

Биография Коринфского богата удивительными совпадениями. Начать хотя бы с имени поэта. Многие собиратели считают его безусловным псевдонимом, на самом деле «классическую» фамилию присвоил деду поэта, арзамасскому крестьянину-мордвину, Александр I — за блестящий архитектурный проект, выполненный в коринфском стиле.

В конце XIX — начале XX вв. А. А. Коринфский неоднократно путешествовал по Самарской губернии, собирая материалы для сборников «Бывальщина и картины поволжья» (СПб., 1899), «Волга. Сказания, картины и думы» (М., 1903) и книги «Народная Русь: круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа» (М., 1901).

В советское время Коринфский пробовал писать о «новой деревне» и рабочих «чудо-городах», работал в Тверском издательстве. Умер в полном забвении.

В 1995 году Самарский областной центр народного творчества переиздал «Народную Русь». Ей предпослано предисловие, написанное Коринфским в декабре 1900 года.

«Народная Русь: круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц» — одна из лучших книг писателя. Книга посвящается Алексею Сергеевичу Ермолову. Это посвящение облечено Коринфским в форму небольшого стихотворения:

Слово сказаний живых
Мощное, вечное слово —
Светлый, кипучий родник,
Кладезь богатства родного!..

...старый таинственный сказ,
Словно странник с клюкою, в народе
Ходит-бродит, пророка порой...
Нет ему ни в чем помех!
Это — славный русский витязь,
Богатырь последний — Смех... [53]

А. А. Коринфский в предисловии пишет: «Настоящая книга — плод более чем двадцатилетних наблюдений над современным бытом крестьянина-великоросса, дополненных сравнительным изучением всех ранее появившихся в печати материалов по русской и славянской этнографии». И продолжает: «Самостоятельные наблюдения сосредоточиваются преимущественно на нижегородско-самарском Поволжье (губерниях Нижегородской, Казанской, Симбирской, Самарской). Волгу я изъездил вдоль и поперёк, на берегах её провёл детство, юность и раннюю молодость, поставившие меня лицом к лицу с народной жизнью, обвеявшей меня неотразимым дуновением самобытной поэзии ярких преданий прошлого.

С юношеских лет стали наполняться одна за другой мои записные тетради — то пословицами, поговорками и ходячими народными словами, то обрывками деревенских песен, то содержанием подслушанных сказок...

Чем жива народная Русь — в смысле её самобытности? На чём зиждутся незыблемые устои её вековых связей с древними, обожествлявшими природу, пращурами? Какими пережитками проявляется в современной жизни русского крестьянства неумирающая старина стародавняя?

Где искать источников того неиссякаемого кладезя жизни, каким является могучее русское слово — запечатлённое в сказаниях, песнях, пословицах и окруженных ими обычаях? Чем крепка бесконечная преемственность духа поколений народа-богатыря? Что даёт свет и тепло жизни народа-пахаря? Что темнит-туманит и охватывает холодом эту подвижническую трудовую жизнь, идущую своими заповедными путями-дорогами?

Вот семь вопросов, на которые я — по мере сил — пытался ответить в этой своей книге. Внешний мир, обступающий суеверную душу русского крестьянина, и внутреннее бытие этой детски-пытливой умудрённой многовековым жизненным опытом, стихийной души, — вот что желал я

отразить с большей или меньшей полнотой на предлагаемых вниманию читателей страницах.

Приблизился ли я хоть сколько-нибудь к задуманной цели – судить не мне, а моим будущим читателям и критикам, за каждое существенное указание со стороны которых я буду искренне признателен.

Если только суждено увидеть свет следующим изданиям этой книги, являющейся вместе с «Бывальщинами» – заветным трудом всей моей жизни, то я не премину воспользоваться всеми такими указаниями, чтобы устранить, по мере возможности, те ошибки и неточности, которые, несомненно, могут встретиться здесь, и пополнить допущенные теперь пробелы.

Жизнь русского пахаря красна праздниками: к ним приурочено и огромное большинство простонародных сказаний, поверий и обычаев. Потому-то в основу своих очерков я и положил эти «красные» дни, отведя месяцеслову («круглый год») народной Руси чуть ли не две трети своей работы. На общие вопросы жизни, отразившиеся в сказаниях русского народа, пришлось остальная треть (первые семь и десять последних очерков).

Перечитав отпечатанные листы своей «Народной Руси», я считаю особенно приятным долгом посвятить эту книгу глубокопочитаемому Алексею Сергеевичу. Без его нравственной поддержки, без его драгоценных для меня писем, она если бы и увидела свет, то – в лучшем случае – только в отдаленном будущем.

Аполлон Коринфский.

9 декабря 1900 г., С.-Петербург» [54].

Книга А. А. Коринфского «Народная Русь» – это сборник, раскрывающий накопленные народом за многие века знания, сосредоточенные в пословицах, поговорках, песнях и сказаниях, собранных автором в Поволжье.

ЗАДАНИЕ. Кому посвящена книга «Народная Русь»? Какова особенность ее композиции? Какие фольклорные материалы Поволжья ее наполняют? Сделайте выписки, раскрывающие связь данного сборника с Самарским краем. Какие элементы языческой культуры содержатся в данной книге? Какие этические и эстетические идеалы русского народа воплощаются автором в книге «Народная Русь»?

А. И. Эртель

С изучением самарского фольклора связано имя еще одного собирателя – Александра Ивановича Эртеля. Доктором филологических наук, профессором Ю. Б. Орлицким написана биографическая статья об Эртеле в «Историко-культурной энциклопедии Самарского края. Персоналии. Со - Я» в 1995 году, с. 272. Обратимся к ней: «Эртель, Александр Иванович (7(19).07.1855-7(20).02.1908). Прозаик. Родился в Воронежской губернии. Начинал как поэт, затем издал сборник рассказов «Записки степняка» (1883). Особую известность получил роман Эртеля «Гарденины» (1889). От народничества через увлечения социал-демократическими идеями Эртель пришел к толстовству, а затем к полному отрицанию всякой общественной деятельности».

В 1862 приезжал «на кумыс» в Самарскую губернию, жил в селе Хилково. Здесь он начинает собирать народные песни и сказки с целью издания их отдельной книгой. Для завершения сборника Эртель намеревался приехать в Самарскую губернию в 1886, но эта поездка не состоялась. По самарским впечатлениям Эртелем написан очерк-фотография «Самарская деревня», опубликованный в «Этнографическом обозрении» (1910). В нем же напечатаны две сказки, записанные писателем в Хилково. Действие повести Эртеля «Две пары» (1887) происходит на водах, расположенных в самарских степях. В своих письмах к будущей жене

Эртель признавался, что Волга «расширила мои горизонты» и «перевернула душу».

Он вырос в деревне, и почти вся его жизнь прошла в непосредственном общении с мужиком. В двадцать один год он чувствовал, что знает жизнь народную «лучше и глубже» П. В. Засодимского», которым в юности был увлечён и который ко времени их личного знакомства написал известную «Хронику села Смурина» (1874).

С детства постоянно соприкасаясь с простонародным бытом, А. И. Эртель не мог не знать народных песен: «Я был своим человеком в застольной, в компаниях, в деревне «на улице», на посиделках, на свадьбах, везде, где собирался молодой деревенский народ», — писал он. Его юношеские незрелые стихотворные опыты отразили знание народного песенного творчества. Он включил сюжет «Моздокской степи» в поэму «Ночь на покосе», которая осталась незаконченной. А. И. Эртель видел сквозь них еще не написанную народную историю. Его восхищало запечатлённое ими удалство как черта русского национального характера.

Народные песни пелись и в семье писателя. В письме к нему от 26 декабря 1877 года П. В. Засодимский вспоминает о святах, проведённых в семье А. И. Эртеля, и пишет: «Желательно, чтобы для праздников <...> она [жена писателя Мария Ивановна Эртель. — А. М.] повеселила вас, поплясала бы, как в прошлый год, и попела бы вам песенки деревенские, которые петь она такая мастерица» [55]. И много лет спустя Засодимский с удовольствием вспоминает о святочных вечерах на хуторе А. И. Эртеля в Усмани.

Из работ над «Записками степняка» и «Волхонской барышней» (1882-1883) видно, что А. И. Эртель знал особенности фольклора различных местностей: по наблюдению героя (Батурина), в родной ему степной стороне не поют исторических песен, которыми славится Поволжье.

Очерк «Самарская деревня» появился в результате знакомства А. И. Эртеля с деревней Хилково Самарской губернии. Здесь он записал

53 фольклорных текста, главным образом любовных песен (но также рекрутские, исторические, свадебные и причитаний). Многие из них он включил в очерк, подвергнув при этом незначительной правке грамматической формы отдельных слов.

О скудности и непритязательности духовной жизни хилковцев свидетельствовали их рассказы (легенда об ухе, который, собственным телом заткнув отверстие в ковчеге Ноя, спас его от гибели и в награду получил от Бога «на голову венец» в виде желтого пятна; или о целебных свойствах уха, выбравшем болезнь «из нутра» крестьянина и поставившего его на ноги). В суевериях, заговорах А. И. Эртель видит живую бытовую современность.

Постепенно Эртеля начинает занимать весь круг проблем, которыми интересуются фольклористы: темы, сюжеты и их варианты, социальные мотивы в фольклоре, процессы, характерные для его бытования, методика записей.

А. И. Эртель интересуется главным образом песнями. Но он записывал и сказки. Среди самарских материалов имеются две записи сказок. Одна — о жестокой матери (царице), приказавшей зарезать и зажарить новорожденного сына за то, что он из чрева назвал её потаскухой. Другая — о трех сестрах, похвалю которых подслушал царь (женится на третьей, обещавшей ему родить сыновей).

В лице А. И. Эртеля соединились фольклорист и беллетрист, оба высокого профессионального уровня. Выступая в качестве важного идейного эстетического компонента литературного творчества А. И. Эртеля, фольклор предстает одновременно как выдающееся явление национального искусства России. В отношении к фольклору А. И. Эртель являлся типичным представителем демократического народознания второй половины XIX века, с его вниманием к народной душе и соотношением важнейших черт народного сознания с современной действительностью.

Александр Иванович Эртель вошел в историю русской литературы как автор одной книги – романа «Гарденины», получившего высочайшую оценку Льва Николаевича Толстого. Однако творчество Эртеля, которого тот же Л. Н. Толстой называл «самым крупным художником в России» 1880-1890-х годов, далеко не исчерпывается этим единственным романом.

14 ноября 1881 года Александр Иванович пишет известному русскому критику и литературоведу А. Н. Пылину: «Если ничто не помешает, с будущей весны отправлюсь в Самарский уезд и проживу там до зимы». А полгода спустя, летом 1882 г., признается ему же: «Если не кумысом, так другим Самара сделала мне услугу. Она расширила мои горизонты. Я этим не хочу сказать, что мир знаний раздвинулся передо мной, несомненно, раздвинулся мир познаний... добра и зла». В январе 1886 года А. И. Эртель делится с А. Н. Пыпиным замыслом сборника русских народных песен, указывая общее количество записанных в Самарской губернии. А в мае того же года сообщает: «На днях я ожидаю ответа от министра, которого просил об отпуске на три месяца в Самарскую губернию. Если ответ будет удовлетворительным, постараюсь пополнить имеющиеся у меня самарские песни» [56]. Этого замысла писатель так и не сумел осуществить. И в нашем распоряжении имеется только очерк «Самарская деревня», опубликованный в «Этнографическом обозрении» в 1910 году: «Село Хилково, о котором я хочу рассказать вам, находится в Самарском уезде, от ближайшей железнодорожной станции отстоит в 25 верстах. Лежит оно, как и все самарские поселки, в глубокой ложине, образуемой сыртами, и становится видно лишь тогда, когда вы по крутой дороге начинаете спускаться в эту ложину. Тогда вам бросается в глаза небольшая деревянная церковь с оградой, раскрашенной яркими цветами, широкая и пустынная улица, кабак в новом двухэтажном домике и длинные ряды невзрачных изб, сплошь покрытых соломою. Около села блестит и воняет небольшая речонка.

По правде сказать, невеселое впечатление получается при виде самарской деревни вообще, и Хилкова в особенности. Благодаря

совершенному отсутствию деревьев, поселение представляется каким-то жалким и скучным становищем... и особенно, когда летний зной нестерпимо палит избушки этого поселения и распространяет на все тоскливые тоны. Раскрытые дворы; неуклюжие жерди загородок; кучи темного навоза, неподвижными пирамидами возвышаются около гумен, всё это, не прикрытое свежою зеленью деревьев, кажется особенно печальным и настоятельно рекомендуемым вам деревенскую хилость и беспомощность. А между тем только поселок и торчит без деревьев.

Часто тут же рядом, где-нибудь на склоне сырта, весело зеленеет дубовый лесок или свежие липы будят тишину непрерывным шелестом... Так около Хилкова» [57].

А. И. Эртель приводит ряд исторических песен. Из этих песен ясно видна сила новейших влияний, превращавших «воеводу» в «губернатора» и одевших Стенькина сына в енотовую шубу. Эти же влияния, по всей вероятности, изгнали из памяти народа более содержательные и поэтические песни, а старую песню о Ваньке Ключнике превратили в прозаичный пересказ.

Более посчастливилось песням лирического характера и особенно свадебным. В них ярко отражаются поэтические чувства героев. Например:

«Когда по рукам ударять» за невесту, она «завопит»:

Ох не продавай, родимый батюшка,

Мою буйную головушку,

Не заporučай, родима матушка,

Мою русу косыньку...

Отходила я с любезными подружками

По широкой улочке...

Ты не жди-ка меня, родный батюшка,

Со любезными подружками

В передняя воротнички...

Дождись-ка меня, родима матушка,

С горячими слезами

В задняя воротнички...

ЗАДАНИЕ. Охарактеризовать важнейшие особенности творчества А. И. Эртеля и идейно-эстетическое своеобразие его фольклорных записей, сделанных в нашей губернии.

Таким образом, в данной главе дается обзор наиболее значительных работ фольклористов, связанных с Поволжьем. Крупнейшими собирателями произведений устного народного творчества в Самарском крае были П. В. Киреевский, П. И. Якушкин, В. Г. Варенцов, Д. Н. Садовников, П. В. Шейн, А. А. Коринфский, А. Навроцкий, А. И. Эртель. Их труды составляют основу для исследования русского фольклора Самарского края. Большое значение в сохранении произведений устного народного творчества имела деятельность редакции «Самарских губернских ведомостей». Мы ставили перед собой цель рассмотреть деятельность названных выше фольклористов и пытались заострить внимание на значении их работ в истории русской фольклористики.

ГЛАВА 3

ИССЛЕДОВАТЕЛИ САМАРСКОГО ФОЛЬКЛОРА В XX ВЕКЕ

Обратимся к собирателям самарского фольклора XX века послереволюционного периода. Одним из крупнейших исследователей отечественного фольклора был уроженец Самарского края П. Н. Сакулин (1868-1930 гг.). В 1887 году он окончил самарскую гимназию, в 1891 году — истфак Московского университета. В 1902-1911 гг. он доцент МГУ. Его труды оказали большое влияние на отечественную фольклористику. П. Н. Сакулин исследовал вопросы периодизации русского фольклора и специфических особенностей его жанров. Многие его высказывания не потеряли значения и для XXI века. Так, в 1918 году в «Истории новой русской литературы. Эпоха классицизма» (с. 28) он писал: «Старое поэтическое наследие подвергалось изменению: каждый более или менее талантливый сказитель, певец, сказочник и т. д. оставлял отпечаток своего творческого духа на этих произведениях, изменяя их форму, композицию, отчасти сюжет... наука теперь очень дорожит этим индивидуальным моментом...». Данные слова П. Н. Сакулина могут быть эпиграфом ко всей деятельности фольклористов XX века.

В первые послереволюционные годы изучением и сохранением самарского устного народного творчества занимались преподаватели пединститута, открытого земством в 1917 году и преобразованного в 1918 в университет. Многие из них активно работали в действовавших в Самарском университете с 1917 по 1923 годы историко-филологическом обществе и с 1919 по 1929 годы Самарском обществе археологии, истории, этнографии и естествознания. Так, П. А. Преображенский в «Очерках истории Самарского края», изданных в Самаре в 1919 году, писал о необходимости устных народных памятников, призывал изучать местную историю и быт и приводил текст программы сбора фольклора Самарской губернии.

В 1923 году в первом номере журнала «Гонг» была опубликована заметка о работавшем в Самарском университете семинарии по поэтике. В программе занятий были и вопросы об устном народном творчестве.

Большое внимание самарскому фольклору уделял первый декан историко-филологического факультета академик В. Н. Перетц. Еще в 1893 году он издал сборник «Современная русская народная песня», где давал анализ двух песен, записанных в Самарской губернии. В 1907 году в журнале «Русский филологический вестник» появилась рецензия В. Н. Перетца о семи томах «Великорусских народных песен», изданных профессором А. И. Соболевским. Многие из них были записаны в Самарской губернии.

Приехав в 1917 году в Самару, В. Н. Перетц много сделал для сохранения памятников культуры, в том числе и фольклора. В 1918 году он выступает с публичной лекцией «Святочная поэзия на Руси и Украине». А на одной из конференций Самарского общества археологии, истории, этнографии и естествознания он выступил с докладом «Исторические песни Самарского края».

Самарское общество археологии, истории, этнографии и естествознания

Самарское общество археологии, истории, этнографии и естествознания ставило своей целью исследование, изучение, собирание и сохранение памятников древности, старины, искусства края с точки зрения археологии, истории, этнографии и смежных с ними наук. В структуре общества выделились комиссии, возглавляемые ведущими специалистами, в частности, этнографической комиссией руководил А. Л. Баранников. Работало оно с 1919 по 1929 годы.

К 1922 году была подготовлена группа молодых работников по изучению местного края. Следует отметить деятельность Ф. Г. Яковлева,

который, еще будучи членом Самарского археологического общества (1916-1919), обращал внимание на необходимость сбора народных песен и частушек и сам этим активно занимался. В ГАСО в 588 фонде есть немало записей, сделанных им. Записи песен и стихов, преданий, поверий и обрядов, собранных членами этнографической комиссии, до сих пор имеют огромную ценность для исследователей. В 1929 году общество археологии, истории, этнографии и естествознания было реорганизовано в Самарское окружное краеведческое общество.

Еще в 1925 году члены общества ставили себе задачи широкой разработки вопросов, связанных с дисциплинами, названия которых входили в наименование общества. Позже, в зависимости от разного рода обстоятельств, задачи сузились, и общество сосредоточило свое главное внимание на краеведческой работе. Результаты большей части произведенных работ зачитаны в виде докладов на конференциях общества:

Перетц В. Н. Исторические песни Самарского края;

Богданов Д. Ф. Этнографические особенности Самарской губернии и задачи этнографического исследования этого края.

В ГАСО есть ряд дел в 588 фонде, где имеются фольклорные записи членов общества. Так, в делах 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11 помещены тексты песен. В 70 деле свадебные народные обычаи Пугачевского уезда, в 200 – описание свадебного обряда в селе Студенцы. В 246 деле собраны народные поверья Самарской губернии, записанные Ф. Яковлевым из дореволюционных «Самарских губернских ведомостей». В 248 и 249 делах есть предания Самарского края. 250-е дело – свадьба у чувашей Бугурусланского уезда. Мы ставим перед собой цель – назвать некоторые из них. Считаем, что возможно детальное исследование этих записей. Как свидетельствуют дела, к ним обращались от случая к случаю. Основательного же изучения этого фонда как важнейшего источника фольклорных материалов Самарского края (во всем жанровом многообразии)

не проводилось. В библиографии будет дан перечень дел, посвященных самарскому фольклору.

Р. М. Акульшин

Среди исследователей 20–30-х годов особенно выделяется деятельность Р. М. Акульшина. Собранные им фольклорные произведения печатались в изданиях тех лет. В «Историко-культурной энциклопедии Самарского края. Персоналии. А - Д», с. 40, изданной в Самаре в 1993 году, есть статья доктора филологических наук, профессора Ю. Б. Орлицкого об Акульшине: «Акульшин (псевд. Березов) Родион Михайлович (1896-1988). Поэт, прозаик, публицист, член СП СССР (1934).

Родился в с. Вилватое Самарской губ. Ок. учительскую семинарию. Начал печататься в самарских газетах с 1917. В 1921-1923 работал воспитателем детского дома в Самаре. Был чл. лит. объединения «Слово». В 1923-1924 студент лит.-худож. ин-та им. Брюсова. До 1941 выпустил несколько десятков книг: «О чем шепчет деревня» (М., 1924), «Страницы моей жизни», сб. «Частушки» и др. Во время Великой Отечественной войны попал в плен. После освобождения уехал в США, где печатался под псевдонимом Березов. Выиграл судебный процесс, связанный с отказом вернуться в СССР, получил американское гражданство (1958). В 1978 г. в США вышла книга рассказов и мемуаров А. «Лебединая песня» (переизд. М., 1991). А. упоминается в «Записных книжках» С. Довлатова. Мы считаем, что Акульшин не только «поэт, прозаик, публицист», но и талантливый фольклорист».

Собранные Акульшиным фольклорные произведения во многом дополняют страницы устного народного творчества Самарского края. В 1926 году в журнале «Новый мир» в № 1 им опубликованы частушки Самарской губернии «Земля Советская: «Капитура» и культура».

В № 36 1926 г. «Красной нивы» им же помещены были тексты плясовых частушек. В № 3 журнала «Музыка и революция» Акульшин напечатал тексты частушек Самарской губернии. В этом же журнале, но уже в № 7-8 Акульшиным напечатаны тексты и ноты традиционных лирических песен Самарской губернии. В 1935 году в № 8-9 самарского журнала «Волжская новь» помещены представленные Акульшиным «Народные песни: свадебные. Песни военные и про военных». В № 10 этого же журнала напечатана сказка «О серпе, молотке и орле золотом», записанная Акульшиным. В начале текст сказки был опубликован в газете «Волжская коммуна» 24 сентября. В этом же номере напечатано описание свадебного обряда с. Утёвка Куйбышевской области. Тексты свадебных песен обработаны были С. Лукьяновым еще в 1929 году.

Во 2 номере «Волжской нови» за 1937 год напечатано несколько мордовских песен, а в номере 3 — народные песни, легенды и сказы о Чапаеве.

В 1937 году в «Волжской нови» № 8-9 были напечатаны «Народные песни, сказки и сказы. Частушки». Среди них было 16 текстов старинных свадебных и военных песен, записанных Р. Акульшиным в Самарской области еще в 1923 году. Были помещены и тексты, собранные М. Яровым, Е. Винлаховым и С. Лукьяновым.

В 1938 году в журнале «Волжская новь» в № 5 помещены тексты свадебных песен, записанных самарским поэтом В. Алферовым от колхозницы Е. И. Андреевой.

В 1939 году появился сборник «Хор имени Пятницкого», где помещена песня «Вы поля», записанная Акульшиным в Борском районе Куйбышевской области.

ЗАДАНИЕ. Перечислить основные этапы деятельности Акульшина как собирателя фольклора.

Во второй половине 30-х годов XX века появился ряд крупных исследований о фольклоре, где говорилось и о Куйбышеве. Так, в 1937 году в Москве вышла книга «Волжский фольклор». Её составители В. М. Сидельников и В. Ю. Крупянская. Редактором был крупнейший отечественный фольклорист Ю. М. Соколов. В сборник вошли произведения устного народного творчества, записанные в Куйбышевской области. Это 19 текстов сказок А. Новопольцева, 10 текстов преданий и легенд, 35 текстов исторических, свадебных и бытовых песен, частушки. Книга имеет комментарии, есть и небольшой раздел (одна страница) о собирателях фольклора. Книга имела много откликов. Были помещены рецензии в «Литературном обозрении», «Литературной газете», «Звезде», «Новом мире», «Советском фольклоре».

В 30-е годы появился ряд исследований об отражении в народном сознании образов Степана Разина и Емельяна Пугачева. Это составленный и прекрасно прокомментированный в 1935 году сборник А. Н. Лозановой «Песни и сказания о Разине и Пугачеве». Ею же в 1947 году, но уже в Куйбышеве, издана книга «Пугачев в Среднем Поволжье и Заволжье: народное творчество, отрывки из литературных произведений, исторических документов». В 1939 в Куйбышеве издан составленный М. А. Емельяновым сборник «Степан Разин на Волге: народное творчество, художественные произведения». Ряд текстов, вошедших в книгу, записаны в селах Куйбышевской области. Работы Лозановой и Емельянова включают много текстов, но анализа их в сборниках нет, как нет и подробных комментариев, за исключением только указаний на то, где и от кого они записаны.

В 30-е же годы издаются и тексты сборников, посвященных В. И. Чапаеву. В книге Т. М. Акимова «Сказы и песни о Чапаеве», изданной в 1957 году в Саратове, наряду с текстами сказов и песен, часть которых

записана в Куйбышевской области, есть 20 страниц комментариев. Так, в 1938 году в Москве вышел составленный В. Пайменом сборник «Чапай: Сборник народных песен, сказов и воспоминаний», включающий и тексты, записанные в Куйбышевской области. В 1938 году и в самом Куйбышеве издается книга «Чапай: песни, былины, сказки, устные сказы и воспоминания о легендарном герое Гражданской войны, славном комдиве Василии Ивановиче Чапаеве».

По инициативе безвременно скончавшегося председателя краевого правления ССП И. И. Куликова, при активном участии профессора Ю. М. Соколова и редактора краевой чувашской газеты «Колхозник» Иванова-Паймена, летом 1935 года была организована фольклорная экспедиция в районы тогда еще Куйбышевской области.

В состав экспедиции вошли старшие научные сотрудники фольклорного отдела Государственного литературного музея В. М. Сидельников (руководитель экспедиции) и В. Ю. Крупянская; студенты литературного отделения краевого Педагогического института Г. Ф. Васильева, О. А. Громоковская, Г. И. Коновалова и Е. И. Попова. Экспедиция поставила своей задачей собрать произведения фольклора, отражающие эпоху крепостного права, события революций 1905 года и 1917 года, крестьянские революционные движения времен Разина и Пугачева, записать сказы и песни об Октябрьской революции, Гражданской войне.

Маршрут экспедиции охватил, главным образом, районы левого побережья Волги: Красноярский район с селениями Малая и Большая Царевщина, село Ширяево; Ставропольский район: Русская Борковка, Ставрополь и Хрящевка; Киндяковка; Ульяновской области: Чердаклинский район село Дмитриево-Помряськино, село Чердаклы и село Яксашное-Помряськино Малокандалинского района.

Таким образом, подверглись новому обследованию почти все те районы, в которых производил свои фольклорные записи Д. Н. Садовников.

Это дало возможность произвести интересные сравнения, проверить собранные им материалы и дополнить их.

Все участники экспедиции разбивались на бригады. Каждая бригада получала свое задание и определенный участок для обследования и записи фольклора.

Песни записывались с голоса, черновики записей, как правило, переписывались начисто после окончания «полевой» работы и снабжались необходимой паспортизацией.

Экспедиция подготовила почву для работы следующих, более широко организованных, экспедиций и за 20 дней собрала около двух тысяч номеров произведений фольклора.

В селе Большая Царевщина Красноярского района собиратели встретили талантливую рассказчицу русских сказок Анну Тимофеевну Исаеву, 77 лет. От нее записано 7 сказок и 10 песен. Записи песен и сказок производились возле её дома. «Рассказывала она, не стесняясь посторонних лиц, окружающих её. Сказки и песни А. Исаева «сказывает» ровным глуховатым голосом, изредка плавным движением руки поправляя платок на голове. Лицо ее сосредоточено, глаза устремлены вперед, поверх слушателей». Сказки А. Исаевой разнообразны: здесь есть волшебные, сказки о животных, бытовые. В её песнях обрисовано тяжелое положение женщины в «старое доброе время». Например:

Первое горе - вышла замуж молода,
Второе горе - за старого старика,
Третье горе - стар не пустит в ночь гулять,
Хоть и пустит, сам на лавочке сидит,
В расхрустальное стеклышко глядит,
Расшелковую нагаечку готовит.
Я думала: нагаечка шуточка, -
Где ударит, посинеет бело тело,
Помрачится в глазах вольный свет.

Много песен и сказок записано в Чердаклинском районе. Этот район представлял любопытнейшее «фольклорное гнездо». Сказочная традиция здесь выражена очень ярко.

Записанные сказки в Самарском крае по содержанию разнообразны. Главными хранителями и исполнителями сказки являются представители старого поколения. Домна Дмитриевна Мирюнчева поет замечательные старинные долгие песни, 72 лет, из села Чердаклы. Она сохранила в своей памяти громадное количество песен.

В сборник «Волжский фольклор», изданный в 1937 году, вошла только часть собранного экспедицией материала. Сюда вошли и легенды и песни, найденные местным краеведом М. А. Емельяновым на Самарской Луке в 1935 году, песни, собранные поэтом Р. М. Акульшиным в селе Вилотово Богатовского района, и другие произведения фольклора, записанные местными краеведами.

А в 1938 году вышел сборник «Волжские песни», в который тоже вошли результаты фольклорной экспедиции. Ко времени выхода «Волжских песен» Средневолжский край был уже расформирован, и в результате в книгу вошли песни, записанные в разных областях Среднего Поволжья.

В 1950-1956 гг. два научно-исследовательских учреждения Ленинграда — кабинет народного творчества Государственного научно-исследовательского института театра и музыки и сектор народного творчества Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР — проводили песенные фольклорные экспедиции в Ставропольском, Утевском, Богатовском, Елховском, Кинель-Черкасском и Новодевичьем районах, где были записаны классические, давно известные произведения и песни, сложенные в основном местными авторами. Новые песни в художественном отношении еще далеко не полноценны. Например, шуточная плясовая:

Дили-дили-дили бом,
Загорелся чей-то дом,
Вот пожарники идут,
Сбрую конскую несут,
Говорят одна другой:
- Сбегай, Лиза, за Кузьмой!
- Что стоишь, разинув рот?
- Кузьма пашет огород.
Лиза топает к Кузьме,
К крайней в Кротовке избе.
Говорит Кузьма-отец:
Огород-то я вспахал,
Лошадь Анатолий взял.
Анатолий сдал Фоме,
А Фома своей куме,
А кума снабдила свата,
Всем вспахал пожарный конь,
А избу доел огонь.

Ленинградская экспедиция института русской литературы Академии наук СССР провела в Утевском районе работу по сбору произведений народного творчества. Члены экспедиции побывали в селах Богдановке, Зуевке, Домашке и Покровке. Всюду оказался интересный и ценный песенный материал, который был записан на пленку. На пленку также записывались частушки, загадки, предания о местном крае. Всего по району сделано 100 песен и свыше 100 текстовых записей. По характеру песенного материала и по исполнительской манере отдельные селения отличаются друг от друга. В Богдановке и Зуевке жители привыкли петь хором и высоко развили культуру хорового исполнения народной песни. Крепкий хоровой

коллектив оказался в Домашке. В Покровке хорошие певцы поют небольшими группами в 3-4 человека.

Песни по своему составу в разных селах частично совпадают, но повсюду встречаются и местные напевы, неизвестные соседям. Это в значительной степени объясняется тем, что жители района в свое время прибыли из разных местностей и принесли с собой свои исконные песни. Что касается песен советских композиторов, то они одинаково широко известны во всех селах района.

Большой интерес представляет собой смешанный (мужской и женский) хор жителей села Богдановки. Исключительное впечатление оставляет хоровой коллектив села Зуевки во главе с прекрасным певцом В. В. Пеньковым. Большим репертуаром старинной народной песни владел певец села Покровки Н. А. Рыльнин. От молодежи района экспедиция записала десятки местных частушек. (Об этом сообщает Н. Колпакова, старший научный сотрудник Института русской литературы Академии наук СССР).

«Праздник песни», проведенный в 1954 году во всех районах области, помог дополнительно прояснить общую картину жизни народной песни и подтвердил правильность и целесообразность выбора районов, где проходила работа экспедиций ИРЛИ.

Вот как писала газета «Советская культура» в 1955 году за 3 февраля: «Два года подряд в Куйбышевскую область выезжают экспедиции сектора народного творчества Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. Только в восьми районах — Утевском, Богатовском, Ставропольском, Кинель-Черкасском, Новодевичьем и других в 1953 и 1954 годах собрано свыше пятисот текстов, сделано более трехсот магнитофонных записей. Здесь и песни строителей Куйбышевской гидроэлектростанции, и старинная лирика, и игровые напевы. В деревне Домашка Утевского района научные сотрудники отыскивали интересную партизанскую песню времен

гражданской войны. Замечательную песню о В. И. Ленине они записали от Е. К. Медянцевой – создательницы этого произведения.

Среди материалов – более 1,5 тысяч волжских частушек. Сто волжских песен войдут в первый выпуск сборника «Русские народные песни Поволжья», подготовленный коллективом научных сотрудников института.

Во время экспедиционных работ 1953-1954 гг. сотрудники Института русской литературы наряду с длинными песнями на волжских берегах слушали и записывали частушки во всех селениях на своем пути. Исполнителями их, как правило, была всюду в основном молодежь. Частушки (чаще всего в хоровом исполнении – под баян) звучали вечерами на деревенских улицах, на молодежных гуляньях и вечеринках в перерыве между танцами в клубе.

В 1955 году выходит сборник «Волжские частушки», составленный Н. П. Колпаковой, в который вошли свыше полутора тысяч частушек.

Образ Волги выступает в самарских частушках:

Волга-матушка широка,
И велик приволжский край,
Повышаем урожай.

Частушки исполняются на напев, называемый в Самарской области «подгорным».

В 1959 году вышел сборник «Русские народные песни Поволжья. Выпуск I. Песни, записанные в Куйбышевской области». Его выпустило издательство АН СССР. Этот сборник вновь, как и варенцовская книга, включил в себя только местный материал. В книгу эту, вышедшую в свет под общей редакцией Н. П. Колпаковой, вошла часть песенного материала, собранного экспедицией и отделением сотрудников сектора народного искусства Института русской литературы Академии наук СССР в 1948, 1953 и 1954 годах. Особую ценность изданию придает то, что в нём самарские

песни впервые даются полностью, т. е. с нотной записью (ранее печатались в основном только тексты).

Планируя работу по записи народных песен Самарской области, сектор народного творчества ИРЛИ при помощи работников отдела культуры Куйбышевского обкома КПСС и Куйбышевского областного дома народного творчества наметил для обследования районы, в которых имелось оседлое старое русское население с традиционной песенной культурой. В 1962 году в седьмом выпуске «Русского фольклора» была помещена статья Н. П. Колпаковой о деятельности русского географического общества в Самарской губернии. В ней говорилось, что в истории русской этнографии и фольклорной науки важное значение имеет день 6 августа 1845 года. В этот день в Петербурге открылось Русское географическое общество (в дальнейшем – РГО). Одно из его отделений – Отделение этнографии. Главная его задача заключалась в организации систематического собирания документальных сведений о материальной и духовной жизни народов Российской империи, особенно народных песенных напевов. Как пишет Н. П. Колпакова, 27 апреля 1884 года на заседании отдела действительный член РГО С. Я. Капустин сделал доклад, где подчеркивал необходимость изучать русские народные песни. Предложение вызвало горячее сочувствие собравшихся. Тут же было постановлено: снарядить экспедицию для собирания русских народных песен и для выработки программы создать комиссию.

Основная задача комиссии – собирание народных песен, организация краеведческой работы на периферии, популяризация среди широких масс населения традиционного песенного фольклора.

Собирательская деятельность осуществлялась одиннадцатью экспедициями. Ими была исследована и Самарская губерния. Экспедиция носила лишь разведывательный характер. Она дала сотни записей традиционного фольклора различных песенных жанров.

В 1962 году в газете «Волжская коммуна» Б. Щеголихин писал о том, что уже в четвертый раз на берег Волги приезжает научная фольклорная экспедиция Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена. В ее составе – студенты отделения русского языка и литературы историко-филологического факультета во главе с доцентом Леонидом Семеновичем Шептаевым. Фольклористы собирали хранящиеся в памяти народа песни, легенды, сказы о Степане Разине. Щеголихин пишет, что впервые ленинградцы приезжали в 1959 году в Борский район и собрали около тысячи народных песен. В десятках вариантов были записаны четыре сюжета народной песни «О сынке Степана Разина», причем под словом «сынок» здесь имеется в виду посланник, агент. В 1960 году был обследован Богатовский район, где около двух тысяч песен записали студенты; причем большое количество хоровых. В 1961 году ленинградцы побывали в Алексеевском районе.

Если Богатовский и Алексеевский районы оказались «песенными», как их окрестили члены экспедиции, то Жигулевский район, где велись фольклорные записи, отличился обилием сказов и преданий. Только за один день активная собирательница народного творчества Галина Ульянова записала двадцать три сказа. Сюжеты сказов самые различные. Много интересных записей у студенток Эммы Щербаковой и Галины Мининой.

Члены фольклорной экспедиции побывали в селах Жигулевского района: Винновке, Ермаковке, Лбище, Малой Рязани, Большой Рязани, Переволоках.

В 1964 году в девятом выпуске «Русского фольклора: материалы и исследования» помещена статья Н. П. Колпаковой «Народная песня советской эпохи», где автор упоминает песни Поволжья. В 1968 году в газете «Волжский комсомолец» Е. Жоголев посвящает свою статью «Нити благодатные» Ивану Афанасьевичу Бретанцеву, который знал множество «старинных песен». В 1970 году в Москве вышла книга В. К. Соколова

«Русские исторические предания». Автор в своем произведении рассказывает о преданиях, которые были посвящены Степану Разину на Волге и разбойникам.

В 1978 году в Куйбышевском книжном издательстве вышло второе издание «Жемчужины Жигулей». В нем предпринята попытка собрать в одну книгу хоть малую часть легенд, сказов и преданий о Жигулях. Рядом с устными народными творениями, с поэмами и сказами старых мастеров, писавших по мотивам фольклора, в сборнике «Жемчужины Жигулей» представлены и произведения современных писателей. Большинство легенд, сказов, преданий, напечатанных в книге, относятся непосредственно к Жигулям.

В 90-е годы в Самаре выходит газета «Самарские губернские ведомости - 150» (приложение к «Волжской коммуне»), носящая краеведческий характер. На страницах «Самарских губернских ведомостей - 150» систематически в 90-х годах появлялись материалы Светланы Евстигнеевой. Она вела разделы «Обряды и обычаи» и «Народные игры». Считаем, что важность ее публикаций заключается в раскрытии особенностей проявления одинаковых явлений в культуре народов, населяющих Поволжье. Ее публикации наполнены текстовым материалом и полнотой его анализа. Интересны ее работы, посвященные свадьбам у русских, калмыков и мордвы. Особенности самарских календарных обрядов тоже посвящен ряд публикаций С. Евстигнеевой. В библиографии помещены найденные работы Евстигнеевой. Кроме нее в газете публиковались статьи П. Лупаева. Так, в ноябрьском номере за 1999 год помещена его статья «Песенное село», где говорится об изучении песенного творчества в самарских селах и о работе в 1953 году в самарском селе Утевка фольклорной экспедиции Института русской литературы АН СССР.

Ассоциация «Поволжье» много лет издает журнал «Самарская область: этнос и культура». На его страницах публикуются исследования,

посвященные проблемам самарского фольклора. Интересны публикации о фольклоре на страницах журнала «Самара и губерния». В журнале был введен раздел «Природа. Этнография», составителем которого является Н. Локтева. В № 4 за 2000 год в нем помещена статья А. И. Мартиновской «Из-за острова на стрежень...», в которой рассказывается о собирателе самарского фольклора Д. Н. Садовникове. Пятый номер за этот же год включает ряд статей. Это работа Т. Ведерниковой «История заселения», «Типы селений» и др. В шестом номере этого раздела помещена интересная, на наш взгляд, статья Ольги Арзязевой «Русская свадьба в Самарском крае».

В 1984 году более двадцати рукописных сборников, посвященных волжскому фольклору, поступило в фонды библиотеки Куйбышевского государственного института культуры. Подготовили их студенты факультета культурно-просветительской работы.

Летом они побывали во многих сёлах, беседовали со старожилами, встречались с фольклорными коллективами. Материалы для сборников самые разнообразные: и географические карты районов, и фотографии с видами сёл, и портреты самобытных исполнителей народных песен. Но самое главное – это песни, малоизвестные, с вариантами текстов и нотами.

Многие из этих песен выпускники – будущие руководители народных хоровых коллективов – включили в концертную программу при подготовке дипломной работы.

В 1991 году в Самаре вышел сборник «Детский фольклор Самарского края», составителем которого выступили Ю. Б. Орлицкий, кандидат, а ныне доктор филологических наук (предисловие, I-V разделы, библиография и комментарии) и Л. А. Терентьева, профессор СГАКИ (I-II разделы, нотные приложения). Это издание адресовано широкому кругу читателей, заинтересованных в воспитании детей в фольклорных традициях. Отдельные её главы с особым интересом прочтут молодые родители, в большинстве не знающие сегодня ни колыбельных песен, ни пестушек и потешек, без

которых прежде всего не обходилась ни одна мать или нянька. Другие разделы будут более интересны руководителям самодеятельных кружков. Много полезного для себя в книге найдут и организаторы детского досуга. В приложении даны нотные записи календарных песен, а также краткие справки о фольклористах и сборниках, из которых взят соответствующий материал.

В 1991 году в Москве вышел сборник «Песенные традиции Поволжья». Его авторами являются Т. Ананичева и Л. Суханова. Здесь говорится о песенных традициях в русских сёлах Среднего Поволжья. В 1992 году в Дзямбуле Ф. В. Шкаликос посвящает свою рукопись «Очерки по истории жизни крестьян Самарской области» русским суевериям, свадьбе, сказам и песням. В 1993 году в журнале «Наука и религия» Е. Лазарев пишет статью «Обитель уготованная». Там описываются легенды, посвященные Самарской Луке.

Два года подряд, в 1993 и 1994 годах, выходят два выпуска «Жигулевских сказок», собранные самарцем Игорем Мухаевым. Книга написана на основе сказок, преданий и легенд, собранных автором в Жигулях.

Советские собиратели большое внимание уделяли песням, посвященным В. И. Ленину, партии, колхозам, заводам. Традиционный фольклор в их трудах стоит на втором месте. Только в последние годы у фольклористов появляется интерес к более древним темам фольклора. Это ярко проявилось в переизданиях Областного центра народного творчества, многие из которых подготовлены доктором филологических наук Ю. Б. Орлицким. Он выступил составителем книги «Детский фольклор Самарского края» (1991 г.), он же подготовил текст и написал предисловие к «Сборнику песен Самарского края, составленному В. Варенцовым». Орлицкий же подготовил для переиздания сказки Д. Н. Садовникова. Его перу принадлежит ряд статей в «Историко-культурной энциклопедии

Самарского края». В 1989 году им написана книга «Хранить вечно», посвященная некоторым страницам самарского фольклора.

ЗАДАНИЕ. Назовите основные этапы собирательской деятельности XX века. Какие фольклорные экспедиции и когда были в Самарской области?

В. А. Малаховский – исследователь самарского фольклора

В Самарском государственном областном архиве есть фонд известного отечественного ученого-лингвиста Всеволода Антоновича Малаховского (1890 - 1966 гг.), доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РСФСР, основателя и в течение 35 лет бессменного заведующего кафедрой русского языка. К сожалению, до сего дня никто к нему не обращался за исключением архивных работников.

В. А. Малаховский родился 18 декабря 1890 года в Чите. В 1910 года окончил Пермскую гимназию, а с 1910 по 1914 учился на славяно-русском отделении историко-филологического факультета Казанского университета. Свои первые шаги как педагог он сделал в Пермской мужской гимназии Циммермана. В 1917-1919 годах он работает в Пермской гимназии, школе для взрослых, выполняет обязанности инструктора-методиста Пермского городского отдела народного образования. Летом 1919 года преподает в Верхнеудинске (ныне Улан-Уде) в учительской семинарии и работает инструктором внешкольного отдела Министерства народного просвещения Дальневосточной республики. В 1920 году его назначают ректором Прибайкальского народного университета. В 1921-1922 годах он преподаватель кафедры русского языка государственного института народного образования в городе Чите. В 1923 году Малаховского переводят доцентом во Владивостокский государственный университет. В этом же году его приглашают в Иркутский университет для ведения методики русского

языка и литературы, где он, получив в 1929 году звание профессора, работает до 1930 года. В эти годы появляются научные труды В. А. Малаховского, имевшие немалое значение в развитии отечественных языковедческих дисциплин: языкознания, диалектологии, методики преподавания русского языка и др. Он сотрудничает в столичных и периферийных изданиях: «Родной язык в школе», «Сибирский педагогический журнал», «Сибирская живая старина», «Вопросы просвещения на Дальнем Востоке», «Вопросы новой школы», «Родной язык в трудовой школе», «Русский язык в советской школе».

В 1930 году Малаховский переезжает в Самару и возглавляет кафедру русского языка Самарского пединститута. На этой должности он проработал до конца своей жизни, сделав ее одной из лучших кафедр страны. В 1953 году он был награжден орденом Ленина, а в июне 1961 года ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки РСФСР.

В. А. Малаховский вел огромную педагогическую работу, активно занимался научной деятельностью. Он воспитал много замечательных педагогов и научных работников, создавал и участвовал в многочисленных изданиях для учителей.

В 1931 году он организовал краевой съезд учителей. С 1956 года он возглавлял Поволжское зональное объединение кафедр русского языка, был секретарем Куйбышевского отделения географического общества и членом Ученой комиссии по русскому языку Министерства просвещения РСФСР. В. А. Малаховский известен и как диалектолог. Он исследовал народные говоры Восточной Сибири и Поволжья, много занимался диалектами и фольклором Куйбышевской области. В 9 номере альманаха «Волжская новь» за 1940 год им было напечатано «Несколько сказок». В этом же году в Куйбышеве появилась его работа «О диалектологическом атласе Куйбышевской области». Он исследует влияние говоров на орфографию школьников некоторых районов Куйбышевской области.

В течение четверти века В. А. Малаховский организовывал экспедиции по изучению говоров Поволжья. В результате многочисленных экспедиций куйбышевских ученых отечественное языкознание пополнилось новыми сведениями о средневожских говорах, что имело огромное значение для изучения истории заселения Средней Волги. Под руководством В. А. Малаховского учеными пединститута были подготовлены материалы для Атласа русского языка юго-восточной зоны Европейской части СССР.

В 1957 году на основе собранных диалектологических материалов вышла составленная В. А. Малаховским «Куйбышевская областная диалектологическая хрестоматия». В ней помещены тексты традиционных и советских песен, сказок, рассказов, пословиц, поговорок и частушек, записанных в Куйбышевской области.

Личный фонд В. А. Малаховского (1820), хранящийся в ГАСО, включает 157 единиц хранения. В нем собраны материалы 1939-1966 годов. Опись дел 1820 фонда составил старший научный сотрудник ГАСО Н. И. Лепеха. Она состоит из нескольких разделов. Эта опись рукописей В. А. Малаховского, его писем, материалов к биографии, материалов о нем.

В обширный раздел рукописей вошли машинописные тексты монографий, учебных пособий, статей, заметок. В нем указаны работы В. А. Малаховского, написанные им до 1961 года. Наиболее значительный труд профессора, бесспорно, монографическое исследование «Язык Ф. И. Тютчева». Это докторская диссертация, над которой В. А. Малаховский работал в 1939-1942 годы. Текст напечатан на машинке. Есть и машинописный текст с авторской правкой автореферата докторской диссертации. Напечатаны только отдельные фрагменты из этого фундаментального труда.

Есть в фонде личные документы (автобиография, характеристика, фотокопии трудовой книжки), материалы о служебной и общественной деятельности В. А. Малаховского. В этот раздел вошли и две довольно

интересные папки о самарском фольклоре. В одной помещены «Материалы русского фольклора» (сказки, обряды, песни, пословицы), собранные студентами Куйбышевского пединститута под руководством В. А. Малаховского на территории Куйбышевской области до 1940 года. Это 128 дело, состоящее из 311 листов и представляющее собой машинопись с авторской правкой В. А. Малаховского. В другой, дело 139, помещены на 94 листах «Материалы русского фольклора (обряды, сказки, шутки)», собранные и записанные В. А. Малаховским. Дата на папке не написана. Фольклорные записи В. А. Малаховского, как свидетельствуют документы, не привлекали внимания исследователей. В них же сосредоточен богатейший материал о фольклоре Самарской области. Он ждет своих исследователей. В папках собраны тексты фольклорных произведений без какой-то систематизации и анализа. Записи некоторых текстов в данных папках иногда повторяются несколько раз. Это относится к загадкам, сказкам и песням.

В данной части работы мы попытаемся сделать обзор этих фольклорных материалов.

В деле 128 фольклорные записи передают языковые особенности речи информаторов (рассказчиков) в соответствии со своеобразием диалектов, бытующих в данной местности. Иногда указывается населенный пункт, где была сделана запись, реже называется фамилия информатора. Многообразны фольклорные жанры, помещенные в этом деле. Это загадки, сказки, частушки, песни, побасенки, рассказы о прошлом, воспоминания и т. д. Часть своих фольклорных записей В. А. Малаховский опубликовал. Например, сказка «Тыква» была напечатана в книге 1957 года «Куйбышевская областная диалектологическая хрестоматия». Эта же сказка привлекла внимание составителей серии Библиотеки русского фольклора, и они поместили ее в третью книгу сборника «Сказки» в 1983 году. Среди имеющихся в папке сказок есть «Сивко-бурко вешее каурко», «Сказка про Котофея Ивановича», «Как поп коз пас», «Иван-царевич», «Снегурочка», «Сказка о трех братьях» и т. д. Тексты

некоторых сказок в папке повторяются несколько раз. Это сказки «Про хитрого Макарку» (с. Михайловка, Новобуянского района), «Лиса-поберушка» (с. Узяково, Новобуянского района) и др.

Интересна судьба бытования в Поволжье сказки «Про кота Котофея Ивановича». В 1884 году она вошла в сборник Д. Н. Садовникова «Сказки и предания Самарского края» под номером 52. Записал ее Садовников от ставропольского пастуха Абрама Новопольцева и назвал «Лиса и Кутафей Иванович». Резко отличаются сказки своим началом. У Садовникова: «Жила-была лиса, при беседе краса. Такая была при беседе красота, ходила в деревню и обгадила ворота; пошла по гуменью гулять, Кутафея Ивановича поискать. Кутафей Иванович идет, на плечах саблю несет, хочет лисыньку срубить, ее душу погубить. Лиса его в гости позвала, Кутафеем назвала». Далее лиса в лес побежала и пригласила в гости зайца, волка и медведя с дарами, чтоб они посмотрели на Кутафея. Совсем иное начало у Малаховского: «Вот был кот. Стал кот стар и не мог больше мышей ловить. Старик вынес его в лес. Лиса увидела кота и говорит:

— Айда в мою избушку жить.

Кот пошел к ней в избушку. Лиса спрашивает:

— Как тебя звать?

— Котофей Иванович.

Если в первом варианте сказки лиса хвалится своим знакомством с котом, то во втором лиса показывается как доброе существо, пожалевшее старого кота, и как любительница прихвастнуть. Окончание сказок незначительно отличаются. Но у Садовникова подробно описываются действия кота и поведение приглашенных поглядеть на него животных, а у Малаховского конец очень сжат: «Как лиса выпустила кота, кот бросился на барана, его волк принес и кричит:

— Мау, мау! (Мало, мало).

Как услышали они, что кот кричит «мало», волк с сушила-ти, медведь из-под крыльца и бросились бежать. Они испугались тут:

— Большущий котище-то, еще нас съест».

Данные примеры дают нам возможность проанализировать своеобразие вариантов традиционного сюжета о лисе и коте. Думаем, что подобные аналогии между записями В. А. Малаховского и сказками Д. Н. Садовникова можно наблюдать и на других сюжетах.

Есть среди записей В. А. Малаховского и побасенки (короткие бытовые рассказы, сказки, анекдоты, небылицы), содержание которых интересует и читателя начала XXI века, так как в них ставятся вечные вопросы. Вот текст побасенки, записанной в Новом Буяне: «Пошел охотник в лес. Видит, сидит на поляне заяц. Он к нему подкрался, в него целится и думает: «Вот убью сейчас зайца, продам его на базаре. На эти деньги куплю свинью. Когда она зажиреет, принесет 12 поросят. У этих поросят, как вырастут в больших свиней, опять будет по 12, и тогда стану я богат». Пока он так думал, заяц-то и убежал» (Д. 128. Л. 59).

Вот текст другой нравоучительной истории, бытовавшей у татарского населения нашей области. Называется она «Кто всех сильнее». Мы приведем текст в современной его грамматической и звуковой оформляемости. «Жил татарин. У него было три снохи. Ему было интересно узнать, которая из них умнее. Стал он спрашивать старшую:

- Скажи, что на свете всего слышнее?

Она говорит ему:

- Колокол.

Вторую стал спрашивать:

- А вы что скажете?

Вторая сказала, что гром.

Потом последнюю, младшую спрашивает:

- Вы как скажете?

- Слышнее всего хлеб да соль.

Он ее отметил: «Правильно!» (Д. 128. Л. 76).

Интересная запись была сделана в селе Томылово, находящемся близ Чапаевска. Песня о Великой Отечественной войне. Запись, вероятно, относится к послевоенному времени: «Захотелось немцу в России побывать, стал он втихомолку войско собирать. Набрал он немало всяких сортов, двинулся к России и стал воевать. Матушка Россия много приняла, потому, что не готова к этому была. Но собравшись с силой отпор дала. Он хотел в Москве пообедать [пообедать. — А. М.], а в Куйбышеве чай попить, но ошибся он в расчете, этому не бывать! Ненавистный Гитлер лишился страны и теперь на части распалась она, и Гитлер владеть [нами? — А. М.] не будет никогда!» (Д. 128. Л. 87.).

В селе Услава Шигонского района В. А. Малаховский сделал запись сказа о Степане Разине, где он представлен защитником бедноты (Д. 128. Л. 89).

В деле 139 есть также тексты сказок («Про промзель бабу», «Про девочку Снегурочку», «Про хитрого Макарку», «Лиса-поберушка» и др.), рассказы о поверьях, детский фольклор, тексты лирических песен. Но в 139 деле есть и описание бытовавших в Самарском крае обрядов. Приводится два календарных обряда: «Как весну провожали» и «Как девки венки завивают» перед Троицей. Есть и подробное описание свадебного обряда. Называется он «Свадьба лет 20 тому назад», то есть в предреволюционные годы. В начале идет общая характеристика свадьбы и описание свадебного чина с текстами исполняемых в определенные моменты воплей. Затем помещаются тексты свадебных песен. Вопление первое после заоя. Вопление второе, когда косу плетут невесте. Вопление третье утром после сна будить отца с матерью. Утром после сна будить девок. Вопление четвертое после катанья, невеста встречает девок. Девки катались на девишнике. Вопление пятое.

Последнюю ночь перед венцом на закате моются в бане. Много «привапливают», когда ведут невесту из бани. Вопление шестое перед венцом. Невеста обращается к подружкам, к своим братьям, батюшке с маменькой. Потом посадят невесту с женихом за стол. С женихом придет сваха. Она будет у невесты косу расплетать, и невеста вопит. Затем исполнялись особые свадебные песни, приуроченные к определенным этапам свадьбы. Например, когда невесту увозят венчать, приходят за ней, жениха сажают за стол и поют тоже особую песню. В деле приводятся тексты воплей и песен.

Приведем текст общей характеристики свадьбы, расписанный со слов женщины, которая была невестой на этой свадьбе: «Пришел жених к родным и нас позвали. Поймал меня и разговаривали. Я и говорю: «Уши выше лба не растут. Отец меня не отдает».

Дня за два до венца девки с суслом ходют, на другой день с подушками ездют кататься. Подушки положут под жопу и катаются.

Утром, как устает, посидят у невесты. На вечеринки на первый раз соберут всех. Поставят капусты, огурцов, груздей перво-наперво, потом щи, лапшу, картошку, кашу, макушки, помазнушки, оладышки, с капустой пирог, с кашей пирог, с изюмом, с курагой, с дулей, с яблоками, с рожками, после пирогов яичница, лапшевник, курник, жареная рыба.

После вечеринки соберут лошадей и катаются, с отвозкой ездют (родных привозят на свадьбу три раза; это и называется отвозкой), а то горных созывают - это уже когда обвенчают. Утром молодые переспят ночь и придут невестины мужики, родные ярко искать. У жениха невеста всю квартиру завешает утиральниками расшитыми и скатерть постелют: это горный стол. Жених уедет горных собирать: «Милости просим в горные». Садятся и угощаются. Посидят на горном столе, а на утро оптирки бывают. На оптирках сойдутся и к невесте и к жениху, а потом, как оптирки сойдут,

по домам гуляют. На свадьбу созывают. Муж своих дядьев, теток, крестнова, крестную, сватьев».

Вот далеко не полный обзор фольклорных материалов, имеющих в фонде В. А. Малаховского в архиве города Самары. Надеемся, что к архиву В. А. Малаховского еще обратятся исследователи.

ЗАДАНИЕ. Назовите основные факты деятельности В. А. Малаховского как исследователя самарского фольклора. Каково значение его деятельности?

Н. П. Павперова

В 70-е годы XX века отмечается повышенный интерес к самарскому фольклору. В этом огромная заслуга областного Дома народного творчества (ОДНТ). Особенно велика в этом отношении роль методиста Нины Павловны Павперовой. Она организовывала экспедиции по области, активно участвовала в них сама, занималась деятельностью фольклорных ансамблей. В начале 70-х годов в стране стали проводиться первые фольклорные фестивали, цель которых – сохранение традиций, спасение наследия знатоков и носителей фольклора. Усилиями фольклорно-этнической секции при ОДНТ, особенно Н. П. Павперовой, 21 марта 1970 года в Самаре прошел первый День фольклора. Перед самарскими зрителями предстали десятки самарских коллективов. В мае 1971 года в городе прошел второй день фольклора. Впоследствии эти праздники в нашем крае стали традиционными.

Фольклорно-этническая секция при ОДНТ с 1970 года, а затем с 1973 года при ВООПИиК, активным членом которого была Н. П. Павперова, сделала многое. Объединенные усилия хорового общества, музыкального факультета педагогического института, госуниверситета, радио, телевидения всколыхнули фольклорную работу на местах. Стали проводиться Дни

фольклора в районных центрах, создавались фольклорные ансамбли, выявлялись талантливые исполнители. Заработал радиожурнал «Народное творчество», а затем одноименная редакция при телестудии. Количество фольклорных ансамблей увеличилось и улучшилось качество их работы, после того как в области появились выпускники института культуры кафедры народного хора, открытого в 1970 году в Куйбышеве.

Если в 60-е и первой половине 70-х годов в основном членами фольклорных ансамблей были пожилые певцы (средний возраст 50-70 лет), то во второй половине 70-х участники ансамблей начинают «молодеть». Конечно, это произошло в немалой степени благодаря подвижнической деятельности выпускников кафедры народного хора.

Немалая роль в популяризации самарского фольклора принадлежит Н. П. Павперовой. Она объездила почти всю нашу область. Село Усманка, поселок Лесной, села Новодевичье, Калиновка, Красное Поселенье, Васильевка, Крепость Кондурча.

В 1991 году Н. П. Павперова начинает активно работать в ассоциации «Поволжье» и вновь отправляется в экспедиции. В 1996 году была издана книга Н. П. Павперовой «Ласковое словечушко», где помещены записи, сделанные ей в многочисленных экспедициях. Автор сопровождает свою работу интересными комментариями. В книге собраны тексты свадебных песен и хороводных, прибаски, побасёнки, частушки, сказки и песни, наиболее характерные для сёл, где проходили записи. Рецензентами сборника были кандидат филологических наук, доцент Самарского педагогического университета А. В. Молько и кандидат философских наук, доцент Самарского государственного университета В. Л. Митителло. Материал расположен по историко-географическому принципу, внутри репертуарного списка он располагается по жанрам. Каждому селу Павперова предпосылает его краткую историю, далее идут тексты записанных именно в нём

произведений, а затем приводится репертуарный список текстов именно этого села.

ЗАДАНИЕ. Охарактеризуйте композиционную структуру и тематическое и жанровое своеобразие записанных Павперовой произведений, собранных в сборнике «Ласковое словечушко». Какова роль Н. П. Павперовой в истории собирания и исследования самарского фольклора?

М. И. Чувашев – собиратель самарского фольклора

В 60-е годы начинается собирательская деятельность М. И. Чувашева. В эти годы вновь начал возрождаться интерес к народному творчеству.

Кто такой Чувашев? Какова его роль в собирательской деятельности в истории изучения фольклора XX века?

Михаил Иванович Чувашев родился 9 сентября 1909 года в селе Красные Ключи Подбельского района Бугурусланского уезда в семье крестьянина-середняка, мордвина. Семья была большой (отец Иван Петрович, мать Неонила Петровна, 8 детей (пять сыновей и три сестры) и бабушка с дедушкой - всего 12 душ).

В конце 20-х годов от холеры умер глава семьи Иван Петрович. Мать, Неонила Петровна, смогла дать детям хорошее образование. Начальная школа в Красных Ключах - начало пути к обучению всех Чувашевых. Неполное среднее образование Михаил Иванович получил в 15 школе-интернате для мордовских детей в Самаре на улице Пионерской. Здесь он встретил свою будущую жену - Анну Ивановну Инчину. После года работы поступил в Ульяновский педагогический техникум, трехгодичный курс закончил за полтора года, получил диплом учителя начальных классов.

Работал в школе в селе Новая Малыкла. Затем он закончил Куйбышевский индустриальный институт, химический факультет.

Началась Великая Отечественная война. Михаил Иванович добровольцем уходит на фронт через месяц после жены (она была врачом в госпитале). Воевал на Дальнем Востоке, под Сталинградом, был дважды тяжело ранен. Награжден орденом Славы. В августе 1946 года устроился работать в школу в селе Шентала учителем физики. Вместе с учениками с 1962 г. М. И. Чувашев начинает сбор мордовских песен. Первое время его интересовал только текст, но уже в 1965 году он не отделяет слова от напева и записывает песни на магнитофонную пленку.

Все его записи представляют научный интерес. Михаил Иванович был человеком необыкновенно скромным, спокойным, внимательным к людям. Эти его качества и природное чутье позволяли легко входить в контакт с людьми.

В 1966 году он ушел из школы по состоянию здоровья, но сбор фольклора продолжал.

Собирая песни, причитания, Михаил Иванович обошел многие села Шенталинского, Клявлинского, Челно-Вершинского, Похвистневского районов, села Татарии и Оренбургской области. Он собирал песни не только мордовские, но и русские, украинские, эстонские, чувашские. Не только собирал фольклор, но и широко его пропагандировал, поддерживал постоянные контакты с Мордовией, Эстонией. По мнению И. А. Касьяновой, с именем М. И. Чувашева связан целый период активной фольклористической деятельности в Куйбышевской области. Архив Чувашева содержит около двух тысяч интереснейших записей, среди них около 100 плачей-причитаний.

Часть собранных материалов хранится в Саранске, в Мордовском научно-исследовательском институте языка, литературы, истории и экономики при Правительстве Республики Мордовии и в музее имени

М. И. Чувашева в селе Старая Шентала Шенталинского района Самарской области.

Работа, выполнявшаяся с энтузиазмом, была прервана обострившейся болезнью. М.И. Чувашев скончался 15 февраля 1973 года и похоронен в Шентале.

Еще в 1969 году родилась идея издать книгу, в которую вошли бы тексты записанных Михаилом Ивановичем песен, ноты, комментарии. Рукопись была почти готова. Именно в это время М. И. Чувашев и И. А. Касьянова, которая помогала ему в создании книги и была соавтором, познакомились с эстонской фольклористкой Ингрид Рюйтель. Благодаря ей песенный материал был продублирован в Тарту. Но только в 1979 году вышла книга «Мордовские (эрзянские) причитания», к которой прилагалась мягкая пластинка. Авторами книги были М. И. Чувашев и И. А. Касьянова. В течение четырех часов эта книга исчезла с прилавков Москвы, превратилась в библиографическую редкость...

Тогда жанр плача-причитания практически еще исключался из народной культуры. Его считали несоответствующим духу времени. Но именно к этому жанру, как истинно древнейшему, с особым вниманием относился Михаил Иванович. Осознав неразрывную связь слова и напева в песне, он начал записывать все в единстве; работал как профессиональный фольклорист-собираатель, обращая внимание не только на саму песню, но и на условия ее бытования, ее место в обряде, народной жизни.

Те, кто сотрудничал с М. И. Чувашевым в школе, и кто учился у него, с огромным уважением и глубокой симпатией вспоминают и по сей день об этом необыкновенном человеке и педагоге.

Как прирожденный педагог, Чувашев не мог равнодушно относиться к тому, что в мордовских молоканских поселениях (и там его принимали за своего, даже разрешали присутствовать при обрядах!) по их обычаям молодежь была лишена возможности продолжать образование. Он убеждал

родителей, ходатайствовал перед руководством вузов, прося уделить особое внимание этим ребятам. И добивался своего. Сколько молодых людей обязаны ему своей путевкой в жизнь!

Понимая, что в одиночку такое большое дело не свернуть, Михаил Иванович Чувашев находит союзников, прежде всего, на радио. Пример уникальный – каждую неделю он вместе с В. Л. Митителло, тогда с музыкальным редактором на радио, готовит передачу «Шкатулка песни народной», построенную целиком на его полевых записях. Короткое слово о тех, от кого записаны песни, а главное – звучащий материал, сами песни в первозданном виде. Всего пятнадцать минут в неделю, но какой резонанс в области! В редакцию передачи потоком шли письма, в которых люди просили записать от них уникальные образцы народного творчества: они-то отдавали отчет в том, что вместе с ними уйдет из жизни неповторимый пласт культуры! И, взяв магнитофон, Чувашев едет по новым адресам, без всяких командировочных, едет по зову сердца и привозит новые неожиданные записи, торопится их обработать, расшифровать и обязательно показать в очередной передаче «Шкатулка песни народной». Этот подвижнический труд трудно переоценить. После ухода Чувашева из жизни любимая земляками передача просуществовала недолго – иссяк источник новых поступлений.

Сейчас многие задают вопрос: почему архивы М. И. Чувашева оказались в Тарту, в Фольклорном архиве Литературного музея им. Ф. Р. Крейцвальда АН Эстонии? Мы должны быть благодарны Ингрид Рюйтель, что она сохранила это богатство, поскольку в нашем городе в то время не нашлось места. Перед тем как отправить в Тарту пленки с рукописями, М. И. Чувашев обошел в Самаре все учреждения, которые могли бы принять от него такой дар. Благодаря деятельности Ингрид Рюйтель, Оттилии Кыйва, сотрудников Литературного музея имени Крейцвальда АН Эстонии и других фольклористов Эстонии живо имя М. И. Чувашева. Богатая коллекция записей собирателя бережно хранится в Тарту. Звучат собранные

им редкие образцы творчества мордовского народа. Архивные фонды продублированы в Финляндии, в Старошенталинском музее. Большая творческая дружба связывала его с Ингрид Рюйтель, неутомимой подвижницей финно-угорской культуры, кандидатом филологических наук. В архивах Чувашева есть множество книг Рюйтель с ее автографами. Это говорит о том, что она ценила фольклориста и дорожила его мнением.

И вот теперь, спустя почти 30 лет, президент Эстонии по просьбе директора музея им. М. И. Чувашева Т.П. Волковой финансировал копирование всех материалов Михаила Ивановича Чувашева.

В 2001 году благодаря Т.И. Волковой, которая привлекла большой коллектив соавторов, была издана книга «Духовное наследие народов Поволжья: живые истоки: Антология». Ее авторы-составители: М. И. Чувашев, И. А. Касьянова, А. Д. Шуляев, А. Ю. Малыхин, Т. И. Волкова. В ней собраны те материалы, записями которых располагают НИИЯЛИЭ при Правительстве Республики Мордовия в Саранске и музее им. М. И. Чувашева в селе Старая Шентала Шенталинского района Самарской области. Они частично печатались в книге Г. И. Сураева-Королева «Мордовские народные песни», в журнале «Сятко», в сборниках, в серии «Устно-поэтическое творчество Мордовии». Эти сокровища вошли и в настоящее издание. Основой книги являются записи Чувашева. Это песни, сказания, легенды, обряды мордвы. Книга издана Самарским государственным педуниверситетом. Кто же ее авторы-составители? Это А. Д. Шуляев, старший научный сотрудник Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории, экономики при Правительстве Республики Мордовия, член Союза писателей Мордовии, заслуженный работник культуры Мордовии, лауреат Государственной премии Республики Мордовия. Это Инна Александровна Касьянова, профессор Самарского государственного педагогического университета. Это преподаватель педуниверситета А. Ю. Малыхин. Это Т. И. Волкова, директор

музея имени М. И. Чувашева в селе Старая Шентала Шенталинского района Самарской области. В розыске пленок с записями песен активное участие принял племянник Михаила Ивановича Чувашева – Михаил Алексеевич Акользин. Книгу рецензировали несколько видных ученых.

Среди авторитетной группы рецензентов, известных ученых России, вы встретите ряд имен. Это Владимир Львович Митителло, кандидат философских наук, доцент, с которым сотрудничал Чувашев (Самарский государственный университет). Это М. В. Мосин, доктор филологических наук, профессор, академик финно-угорской Академии наук (Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева). Это Р. Н. Бузакова, доктор филологических наук, профессор (Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Правительстве Республики Мордовия). Это О. М. Буранок, кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, профессор (Самарский государственный педагогический университет). Это А. К. Носков, Заслуженный артист России, профессор (Самарская академия культуры и искусств).

Книга была создана коллективом авторов, но в основе лежат записи, сделанные М. И. Чувашевым. В нее вошли 28 плачей из книги 1979 года, около 200 новых расшифровок и 3 работы М. И. Чувашева: «Девичий дом пива у эрзян» (с приложением), «Эрзя-мордовская свадьба» и «Мордовские эрзянские причитания», а также статьи И. А. Касьяновой, А. Д. Шуляева, А. Ю. Малыхина, Т. И. Волковой, которые представляют духовную культуру мордвы, живущей на территории Поволжья. Это сводное издание охватывает широкий спектр жанров: начиная от песенного эпоса, заговорной магии, необрядовой и обрядовой лирики, в том числе свадебных и похоронных причитаний, вплоть до малых жанров фольклора, а также народные праздники с ритуальными текстами.

В книге приводится описание молодежного праздника «Дом девичьего пива». Запись сделана М. И. Чувашевым 14 марта 1964 года в с. Шентала

Шенталинского р-на Самарской области по воспоминаниям уроженцев разных селений мордвы-эрзи. Оригинал машинописной рукописи на 66 страницах вместе с подстрочным переводом поэтических произведений на русском языке хранится в РФ МНИИЯЛИЭ. Рукопись озаглавлена «Обобщенное описание старинного девичьего праздника в эрзя-мордовских селениях левобережья реки Волги, собранные М. И. Чувашевым в 1964 году». Впервые опубликована в сборнике «Музыка в обрядах и трудовой деятельности финно-угров». Сост. И. Рюйтел. Таллин, 1968.

Праздник обычно проводился осенью, по окончании тяжелых полевых работ. Девушки, желавшие принять участие в празднествах, подыскивали подходящий дом и арендовали его у хозяина на один осенний месяц (октябрь или ноябрь). Арендную плату хозяин брал обычно не деньгами, а трудом самих девушек. Для организации и проведения праздника выбирали двух девушек, которые носили название «отоман» или «андямо». После приглашения всех жителей села и обращения к богиням праздник считался открытым. Первый день посвящался старикам, на второй день приходили матери и старшие невестки девушек. В остальные дни старики и женщины веселились днем, а вечером собиралась молодежь. За время празднеств несколько раз выезжали в соседние мордовские села, чтобы повеселиться с девушками соседнего селения.

Во время праздничного месяца девушки не только веселились. Если осенняя погода мешала приходу посетителей, они занимались рукоделием. Рано утром все девушки в своих нарядах выходили выгонять стадо. Они наряжали двух своих подружек в одежду парней. Их называли «казаками». К девушкам присоединялись женщины и подростки. С песнями и плясками стадо провожали за околицу.

На заключительном празднестве в последний день, так же как и в первый, старики были почетными гостями.

Данный обряд свидетельствует о сохранении в народном традиционном обиходе XX столетия традиций ряженья, мистерий, пародийных молитв, приговорок, шуточных реплик и являет собой зримое подтверждение мысли о тесной взаимосвязи различных видов и жанровых разновидностей с обрядовыми формами культуры. В них обнаруживается особая «игровая» природа фольклора, когда слово и обряд соотносятся как тема и ее развертывание, а само описание предстает как своего рода народный театр, демонстрирующий с характерными персонажами (казаки, атаманы) типичные ситуации и многообразие словесно-игровых норм праздничных зрелищ. Они воплотили стихию народной комедии, некогда определявшую весь строй жизни.

Статья «Мордовские эрзянские причитания» впервые была издана в книге «Музыкальное наследие финно-угорских народов». Сост. И. Рюйтел. Таллин, 1977. В 1979 году, как уже упоминалось, вышел отдельный сборник под тем же названием. Записи причитаний сделаны М. И. Чувашевым в 1965-1971 годах в мордовских селах Куйбышевской области (лишь одна песня — из Оренбургской). Из предисловия И. А. Касьяновой мы узнаем о разных видах причитаний (свадебные, рекрутские, похоронные), о бытовании жанра в нынешних условиях (слова одной из певиц: «Сяду за рукоделие и начну вспоминать и причитывать»). Самым важным свидетельством жизнеустойчивости жанра оказывается его способность усваивать и воплощать новое содержание. В этом отношении чрезвычайно интересны опубликованные «Плач о летчике-космонавте Ю. А. Гагарине», «Причитание по космонавту В. М. Комарову» и заключающее сборник причитание по М. И. Чувашеву, скончавшемуся до выхода издания в свет.

Третья работа М. И. Чувашева, вошедшая в сборник — «Эрзя-мордовская свадьба». Мордовский свадебный обряд в древности был достаточно сложен и трагичен: невесту брали в дом прежде всего как рабочую

силу. И потому, теряя свою волю, невеста причитала, как бы заживо себя хороня.

Каждый из разделов обряда имел свой цикл песен. Особое место в них отводилось причитаниям. «К исполнению этих песен девушка начинала готовиться с детских лет. Наблюдая свадебные церемонии односельчан, она прислушивалась к песням, а затем, оказавшись одна дома или в поле, начинала их воспроизводить». (Чувашев М. И. Обрядовые песни мордовской свадьбы по материалам, записан в Куйбышевской области. Рукопись, НИИ. Саранск, 1965). И когда наступал ее черед, она уже была готова к роли главного действующего лица в обряде.

Стараниями авторской группы перечисленные работы М. И. Чувашева стали известны широкому кругу читателей, учащихся, специалистов, но остались и неопубликованные рукописи, например: Чувашев М. И. Обрядовые песни мордовской свадьбы по материалам, записан в Куйбышевской области. Рукопись. НИИ, Саранск, 1965.

В Шенталинском музее имени М. И. Чувашева проводятся вечера памяти М. И. Чувашева, был выпущен сборник «Михаилу Ивановичу Чувашеву посвящается», в котором собрана информация о знаменитом земляке, которую рассказали люди, лично его знавшие: родные, друзья, исполнительницы песен. Именно Т. И. Волкова в феврале 2001 года выиграла грант на издание материалов по записям М. И. Чувашева.

Настоящее состояние мордовского языка и фольклора неблагоприятно, иссякают источники возрождения национальной культуры. Даже в селах компактного проживания мордвы немного людей, знающих песни, сказки. Материалы, собранные Михаилом Ивановичем Чувашевым, являются бессмертным источником возрождения, настольной книгой для работников культуры.

Мы ставили перед собой цель дать общее представление о книге и значении деятельности Чувашева в истории отечественной фольклористики.

Надеемся, что исследователи не раз еще обратятся к этой книге и проанализируют собранные здесь фольклорные источники.

ЗАДАНИЕ. Назовите основные факты биографии М. И. Чувашева. Раскройте роль Чувашева в истории отечественной фольклористики. Расскажите об истории создания книги «Духовное наследие народов Поволжья». Охарактеризуйте книгу. Какова ее композиция? Какие проблемы поднимают ее составители? Насколько они важны для истории фольклористики? Охарактеризуйте один из разделов книги.

В истории самарского фольклора немаловажное значение имеет сборник «Жемчужины Жигулей», составленный Кузменко. Рекомендуем студентам познакомиться с его содержанием и охарактеризовать его идейно-эстетическую значимость. Советуем обратить внимание на особенности композиции сборника, его образную структуру и тематическое своеобразие. Сборник издавался в 70-е и 80-е годы XX века. Надеемся, что в XXI веке он будет переиздан с существенными дополнениями.

В 90-е годы XX века в Самаре стала издаваться газета «Самарские губернские ведомости - 150». На ее страницах периодически появлялись заметки и статьи о самарском фольклоре. Систематически публиковались материалы С. Евстигнеевой. Она вела разделы «Народные игры» и «Обряды и обычаи». В ее публикациях, что особенно важно, говорится об особенностях проявления одних и тех же обрядов у народов, населяющих наш край. Интересны публикации краеведа Русяева. В библиографии мы приводим некоторые их работы. Немало страниц самарскому фольклору посвящает журнал «Самара и губерния». Например, в № 6 за 2000 год помещена статья О. Арзязевой «Русская свадьба в Самарском крае».

Таким образом, в XX веке самарский фольклор привлекал внимание многих исследователей. Большинство из них, занимаясь собирательской

деятельностью, относились к нему как к важнейшей составной части национальной культуры. Начало этому процессу было положено Обществом археологии, истории, этнографии и естествознания. Было много энтузиастов, которые стремились сохранить произведения устного народного творчества, записывали и изучали фольклор Самарского края. Велико значение работ Р. М. Акульшина, В. А. Малаховского, Н. П. Колпаковой, Н. П. Павперовой, Ю. Б. Орлицкого, М. И. Чувашева и многих других. Неоднократно в Самарский край приезжали ученые из Москвы и Ленинграда (ныне Санкт-Петербург). Их записи впоследствии воплощались в серьезные научные сборники. Немалое значение имеет деятельность ассоциации «Поволжье» и национальных центров Самары. Большую роль в пропаганде фольклора Самарского края имел Дом народного творчества, архив которого был, к сожалению, уничтожен одним из последних его руководителей.

На наш взгляд, материалы третьей главы позволяют сделать вывод об этапах собирательской деятельности XX века. Значительными вехами в изучении и собирании самарского фольклора являются 20-е годы (Общество археологии, истории, этнографии и естествознания), 30-е годы (публикации в альманахе «Волжская новь»), вторая половина 50-х (научные экспедиции из Москвы, Ленинграда), 70-е (деятельность Н. П. Павперовой и М. И. Чувашева) и 90-е годы XX века (издания областного центра народного творчества, публикации в местной периодической печати).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данном пособии-хрестоматии мы попытались систематизировать материалы о собирателях самарского фольклора. Одним из основных источников для нас явился научно-вспомогательный указатель по «Устному народному творчеству Самарского края», изданный в 1991 году сотрудниками СОУНБ. Мы обратились к изданиям, находящимся в фондах областной библиотеки, а также к документам ГАСО. Это дало нам возможность обнаружить исследования, не указанные составителями указателя. В ходе работы выяснилось, что трудов, обобщающих тему «Собиратели самарского фольклора», практически нет. Исследователи, обращавшиеся к этой проблеме, касались лишь отдельных ее сторон: чаще всего рассматривалось творчество одного из фольклористов. Давая общую характеристику особенностей собирания самарского фольклора в XIX веке, мы рассмотрели деятельность П. В. Киреевского, П. И. Якушкина, А. Ф. Леопольдова, В. Г. Варенцова и Д. Н. Садовникова. Большое внимание обращено на собирательскую деятельность В. Г. Варенцова и Д. Н. Садовникова и значение их трудов в истории отечественной фольклористики. Говоря о Садовникове, мы обратились к его работам, которые почти не изучаются современными исследователями. Это этнографические заметки 1874 года, опубликованные в «Симбирских губернских ведомостях», и «Языческие сны русского народа», изданные в 1882 году в журнале «Детское чтение». Поэтому мы поместили их тексты.

Важнейшими источниками изучения собирания самарского фольклора XX века явилась деятельность Общества археологии, истории, этнографии и естествознания и профессора В. А. Малаховского, а также работы Р. М. Акульшина, Н. П. Колпаковой, Н. П. Павперовой и М. И. Чувашева.

Подводя итоги, следует отметить несколько этапов в истории собирания устного народного творчества Самарского края. В XIX веке это 50-е годы и

публикации «Самарских губернских ведомостей». В 60-е и 70-е годы в Самарском крае собиранием фольклора занимались В. Г. Варенцов и Д. Н. Садовников, создавшие уникальные работы.

В XX веке большое значение имела деятельность по сохранению фольклора общества археологии, истории, этнографии и естествознания (1919-1929 гг.). В 20-40-е годы проводилась большая собирательская работа М. Н. Акулиным и В. А. Малаховским. К архиву Малаховского, хранящемуся в ГАСО, до нас никто не обращался. В эти же годы значительна роль публикаций альманаха «Волжская новь». В 50-60-е годы в Самарский край приезжают экспедиции ученых из Москвы и Ленинграда для сбора фольклорных произведений. В 70-е годы внимание к самарскому фольклору усиливается благодаря деятельности Н. П. Павперовой и М. И. Чувашева. 90-е годы XX века — важный этап в изучении самарского фольклора. В периодической печати появляются интересные материалы о фольклоре Самарского края. Ряд переизданий памятников устного народного творчества делает Областной центр народного творчества. Он же издает четыре тома «Историко-культурной энциклопедии Самарского края». Собиранию фольклорных произведений большое внимание уделяют ассоциация «Поволжье» и национальные культурные центры. Полагаем, что материалы о собирательской деятельности самарских фольклористов позволяют сделать вывод об огромной значимости их трудов для изучения быта и нравов населения Самарского края. Труды же самарских исследователей являются важнейшей составляющей частью отечественной фольклористики. Надеемся, что последующие исследователи смогут конкретизировать и детальнее проанализировать не только собирательскую деятельность исследователей самарского фольклора, но и рассмотреть собранные ими произведения устного народного творчества.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Садовников Д. Н. Симбирские губернские ведомости. 1874 г. (заговоры)

ЗАДАНИЕ. Назовите важнейшие особенности композиции заговоров, предложенных вашему вниманию.

Три заговора от крови (№ 36)

Надо взять земли из-под левой пятки и этой землей засыпать, а не то - соли и три раза плюнуть.

1. На море Окияне, на острове на Буяне сам Христос почивает, руды кровавые покрывает. Тут стоит дерево купарис, под этим под деревом купарисом стоит золота часовня, в этой часовне стоит золота гробница; в этой гробнице лежит красная девица; ничем она не умывается и не утирается, только она умывается росой травой, утирается Владычицы нашей Богородицы нашей пеленою. У этой гробницы горит свеча воску яраго. Как она горит не тает, так чтобы кровь не текла и не канула. Аминь. Аминь. Аминь. (Самарская губерния, Ставропольский уезд, село Пальцыно).

2. На море на Кияне, на острове на Буяне лежит камень горюч; на том на камне сидит Пресвятая Богородица, шелком шьет, серебром кладет. У Пресвятой Богородицы шелку не стало, серебра не достало; так бы у меня раба Божия крови не стало. Не пухни, не боли; на призор не бери. Во веки веков. Аминь. (Симбирск).

3. На море на Кияне, на острове на Буяне на тесовой на кровати сидит девица, Мать Пресвятая Богородица, шьет булатной иголкой шелковой ниточкой петленную ризу. Шелковая ниточка порывалась, кровавая ранка

закрывалась. Поди ты, кровь горячая, по суставам, по костям, по старым местам. Аминь. (9 раз). (Самарская губерния, Ставропольский уезд, Село Озерки).

Четыре заговора от зубной боли (№ 40)

1. Светел месяц! В тебе, месяц, есть два покойника: Каин и Авель; у вас зубы не болели и десны не мозжали; так у меня раба (имя) зубы не болите и десны не можжите. Аминь.

Заговаривают на полный месяц. (Симбирск).

2. Белая береза! Зубную боль уйми! Коли уймешь – наряжу, красну ленточку привяжу, а не уймешь – иссушу. (Перед заговором отрезают от спицы колеса небольшую щепочку, причем шепчут молитву – щепочка берется непременно с правой стороны. Больному до крови расковыривают его зубы и, поставив его позади, говорят, обратившись к березе, вышеприведенные слова. После заговора забивают щепочку под кору, а больному велят идти назад, не оглядываясь). (Самарская губерния, Ставропольский уезд, деревня Рузаново).

3. Как тебе, дерево, на корню не стоять, так у раба Божия (имя) скорбям болезням не бывать! (Эти слова говорят три раза при вырезывании сосновой щепочки из избной щели. Ночью щепочку кладут на зуб, а утром – в щель). (Самарская губерния, Ставропольский уезд, деревня Рузаново).

4. Стоишь ты, рябинушка, корнем на восток, чтоб мне тебя, рябинушка, не едать и моим зубам не болеть отныне и до веку. Аминь. (3 раза). (После этого надо плюнуть и дунуть).

Вариант: Матушка рябина! Мне тебя не ламывать, а моим зубам не баливать. (Симбирск).

Есть на Волге утес, диким мохом оброс...

Н. Вроцкий

Памятен Стенька народу. История рассказывает про него одно, совсем другое говорят народные предания. В них он и богатырь, и чародей.

«Еще до Разина услышите вы на Волге, Ураков разбойничал, только и давно же это было. Стенька совсем мальчишкой, лет пятнадцати, в шайку к нему пришел, из Ярославля, и в кашевары поступил. Скоро не поладил он с атаманом. Идет раз судно купецкое, Ураков и хотел его остановить, а кашевар кричит: «Брось! Не стоит: бедно!». Тот и пропустил. Идет другое. Стенька опять кричит: «Бедно! Брось!». Пропустил атаман и это судно, только озлился на Стеньку и ударил в него из пистолета. А Стенька хоть бы пошатнулся, вынул пулю, да назад и подает: «Возьми, говорит, - пригодится в другой раз». Ураков со страху на земь пал, а шайка – врассыпную; потому – такого чуда ей видеть не доводилось. После того Стенька Уракова разряженным пистолетом застрелил и сам атаманом стал. И пошел Стенька по Волге разбойничать да вольничать... Ему, бывало, все одно – царские ли, купецкие ли суда идут – со всех брал положенное. Вот и шлет ему раз царь строгий спрос: «Зачем ты, Стенька, мои царские суда грабишь? А Стенька в ответ: «Не знаю, говорит, ваше царское величество, которые суда ваши, которые не ваши». Тут царь на свои-то гербы велел ставить, Стенька посла того долго их не трогал; купцы и догадались: давай гербы на своих посудидах прибивать. Стенька опять без разбору начал грабить, не стало от него ходу по Волге. Царского войска он не боялся. Пускай тогда, слышь, и силы у царя немного больно было. Шел он раз с войском мимо Царева Бугра и велел каждому по полной шапке земли с него взять – так только чуть

вершину сняли; ну, а у Стеньки, кроме людской, другая сила была: он себя с малых лет нечистому продал — не боялся ни пули, ни железа; на огне не горел, и в воде не тонул. Бывало сядет на кошму, по Волге на ней плывет. На воздух подымался на ней, потому был чернокнижник, глаза умел отводить. Его в острог посадят за решетки, да за запоры; а он возьмет уголь, напишет на стене лодку, спросит воды испить — плеснет этой водой — река станет. Сядет в лодку, кликнет товарищей — глядь, уж и на Волге Стенька.

Ничем убить его нельзя было: ото всего был заговорен — ну и не знал страху. На что грозный был воевода в Астрахани, а какую над ним Стенька шутку сшутил! Приехал из персидской земли и стал ему челом бить, что вот, мол, разбойничал, а теперь царю русому новую землю покорил, отпиши, что прошу у него милости. Много Стенька добра всякого вывез из-за моря. Воевода кричать было начал, задарил Стенька его и разбежались у воеводы глаза: всего-то ему хочется: и того, и другого — что ни завидит. Понравилась шуба, а была она у Стеньки заветная «Поддай шубу! Подари! Нешто тебе, говорит, жалко ее?» — грозит воевода: «Царю пожалуюсь!». Отдал Стенька, да и молвил: «На тебе шубу, да смотри, не наделала бы она шуму!». Так оно и вышло; Стенька после всю Астрахань разорил, а с воеводы астраханского с живого шкуру спустил по самые пятки. И добро сделал Стенька городу — комара не заклил. Астраханцы все к нему приставали: «Закляни, да заклини у нас комара!» — «Не заклину, говорит, вы же без рыбы насидитесь!». Так и не заклил.

Из персидской земли княжну красавицу вывез да и милуется с ней. Товарищи и давай смеяться: «Видно, говорят, тебе она дороже нас стала — все с ней возишься...». Так что же Стенька? Взял княжну в охапку да в Волгу и бросил. Не пожалел. «На, кормилица, говорит, — ничем-то я тебя не даривал!»

Стеньке все нипочем было. Безбожник был Стенька: грабил он со своей шайкой и обители святыя — монастыри, на все Бог Стеньку попускал, только раз остановила его Казанская Божия Матерь. Подошел он к Усть-

Медведицкому монастырю на Дону и стал требовать с него откуп. «Не ладите откупа — разорю, говорит, и вас, монахов, всех перебью». Просил монастырь Стеньку повременить до утра, ночь накрыла; шайка круг стен стоит, спать улеглась. И явилась ночью Стеньке, во сне, чудной красоты женщина, явилась и сказала: «Отойди от этого места». Утром Стенька пришел в монастырь и требует, чтобы ему все иконы показали, какие есть. Показывают Стеньке иконы, все не та. Наконец, сыскали одну старую греческого письма. Икона была Казанской Божьей Матери — взглянул Стенька и признал в ней ту женщину, что ночью во сне видел. Зазрила Стеньку совесть, помолился он Владычице, монастырь наградил и ушел, ничего не тронул. После опять Бога забыл и много погубил крестьянских душ. Дворян больно не любил Стенька, мучил их всячески, а в Астрахани архиерея с колокольни бросил. Прокляли за это Стеньку на всех соборах, а после свои же начальству выдали, да он опять бежал, и смерти ему по сию пору нет. Где пропадает — неведомо. Старые люди рассказывают, что будто в горах, у моря Каспийского, мучается — видали, говорят, его там. Постарел Стенька, индо мохом весь оброс, выходит из гор и все спрашивает у прохожих, не умножился ли грех на Руси, не зажигают ли по церквям сальных свечей вместо восковых.

И по-другому рассказывают — в Жигулях будто Стенька. «Шло раз по Волге судно, а на нем один бурлак хворый был. Видит хозяин, что работать бурлаку не в силу — дал ему лодку и ссадил в горах. «Иди, говорит, куда-нибудь выйдешь, а кормить я тебя даром не хочу — кто тебя знает, выздоровеешь ты или нет». И пошел бурлак по тропинке в лес, еле тащится. Ночь пришла, ни зги не видать, только впереди огонек мелькает. Пошел он на него и пришел в землянку — сидит в землянке старик, волосатый весь и седой-преседой. Попросился бурлак переночевать — тот сперва не пускал, а после говорит: «Пожалуй, ночуй, коли не боишься!». Прохожий человек подумал: «Чего бояться? Разбойникам взять у меня нечего»; лег и заснул.

Вдруг просыпается – шум, свист, ветер в лесу, и влетела в землянку всякая нечисть. Давай старика мучить: тискают, груди у него сосут, а груди большие такие, ровно у бабы. Только зорька черкнула, они и отлетели. Передохнул старик и говорит бурлаку: «А знаешь ли, у кого ты ночевал и кто я?» – «Не знаю», – говорит тот, – «Я Стенька Разин – великий грешник – смерти себе не знаю и здесь за грехи свои муку терплю». У бурлака хворь давно как рукой сняло – стоит, слушает старика. «Далече отсюда, в земле, с кладом вместе ружье зарыто, – говорит Стенька, – спрыг-травой заряжено – там моя смерть. На вот тебе грамотку!». И дал бурлаку запись на богатый клад – зарыт был он в Симбирской губернии в селе Шатрашанах и столько казны в нем было, что на нее, по его сказням, можно было Симбирскую губернию сорок раз выжечь и сорок раз обстроить лучше прежнего. Все было прописано в грамотке – сколько чего и как взять. Первым делом надо было икону вынести Божьей Матери, часть денег по церквям и по нищей братии раздать, а после взять из ружья выпалить, да сказать три раза: «Степану Разину вечная память!». Тогда бы в ту же минуту умер Стенька и кончились бы его муки. Да не случилось так... Клад бурлаку не дался: человек он был темный, грамоте не знал и отдал запись в чужие руки; а грамотники словом одним обмолвились – клад в землю и ушел; совсем было до него дорылись: дверь видно было... Перед тем, как сгинуть, много успел Стенька всякого добра по берегу схоронить. Денег девать было некуда. Струги у Стеньки разукрашены, уключины позолочены, на молодцах бархат с золотом, дорогие шапки набекрень сбиты – едут Волгой – песни удалые поют, казной сорят... По буграм, да по курганам Стенька ее закапывал.

В Царицынском уезде, неподалеку от Песковатовки, курган небольшой стоит, всего каких-нибудь сажени две вышины. В нем, говорит народ, у него заколдованный клад положен – целое судно, как есть, полно серебра и золота. Стенька в полую воду завел его на это место: когда вода сбыла – обсохло судно, он курган над ним и наметал, а для приметы наверху

яблонную палку воткнул. Не простой человек посадил ее: стала палка расти, выросла палка в большое дерево и яблоки с него были только бессемянные, сказывают. Все доподлинно знали, что в кургане клад лежит, да рыть было страшно: клад не простой был положен; из-за кургана всякий раз кто-то выскакивал страшный-престрашный. Нечистые стерегли Стенькино добро. Есть еще на Волге Настина гора – не клад в ней схоронен, а Стенькина полубовница. Сам он одно время жил здесь, и Настасья при нём жила. Уходил Стенька куда – а подле неё разбойников ставил сторожить. Берег Настасью атаман пуше глаза, да не уберег от смерти – умерла девка. Зарыл её Стенька на бугре и закручинился: не знает, чем место заметить, чем помянуть. А с бугра всё видно: и обозы в степи и суда на реке, Вот и видит Стенька: едут три воза со стеклами. «Стой! Опрастывай! Тащи наверх!» В степи взять было больше нечего; на Волге, как на грех, тоже не видать ничего – высыпал на бугор кучу битого стекла – тем и место заметил, а возчикам на память отвалил не одну меру серебра, да по разным доргам и отпустил, чтобы они, выходит, друг над другом худа какого не сделали. Вот какой был Стенька! Битого стекла на бугре и сейчас много находят. На Дону у Стеньки камень был, а на Волге – бугор. Атаман на кошме на своей то и дело перелетал с Волги на Дон, с Дона на Волгу.

По правому берегу последней реки действительно много показывают Стенькиных бугров. Чуть покруче – глядишь и его. Народ сам забыл, где настоящий бугор Стеньки Разина и крестит его именем то один, то другой. Тут Стенька станом стоял...» – говорят вам, «Здесь шапку оставил, так и зовут это место «Стенькиной шапкой». На том бугре столничал, там клад положил и заклил». У всех этих бугров есть общие сходные черты: все они крутой стеной обрываются в Волгу, а от соседних возвышенностей отделяются глубокими ущельями. Недалеко от деревни Банновки, между с. Золотым, Саратовской губернии, и устьем Большого Еруслана, обрыв к

Волге носит название Бугра Стеньки Разина. Этот бугор изображен на прилагаемом рисунке [имеется в виду рисунок журнала «Нива». — А.М.].

Столообразный утёс, сажень в шесть-десять вышины, отделен от соседних, сходных по очертанию, гор широкими оврагами, по которым сбегает каждый год вешняя вода. Народ показывает в бугре яму, где была у Стеньки своя канцелярия. «Костей много в ней находят», добавляют рассказчики. По преданию, Стенька долго жил на этом бугре. Жильё у него было богатое: всё дорогим бархатом обито, а на самом шихане кресло стояло с насечкой из кости слоновой; с него он суда высматривал и расправу чинил. Только платком, бывало, махнет — судно сейчас, что надо, и выплывает. Большой у Стеньки клад в бугре зарыт, только взять его до сих пор никто не мог, а один человек, так, не так давно пропал через него. Вот как дело было: «Заночевало у Стенькина бугра судно. Один бурлак и стал товарищей спрашивать, не согласен ли кто идти с ним на бугор, посмотреть, что там есть. Сыскался охотник, пошёл. А бурлак то был из дошлых: хотелось ему клад добыть. Вышел с товарищем на берег и говорит ему: «Молчи знай, что бы тебе не померещилось». Ну, ладно. Влезли на самую вершину, видят: яма не яма, а словно погреб какой, с дверью, спустились туда - в землянку попали. В переднем углу перед иконой лампадка горит и так хорошо убрана землянка — что не вышел бы из неё. По середине гроб стоит; на гробу три железных обруча и молоток большой возле лежит, да пучага прутьев железных. А по стенам чего только нет? И бочки с серебром, и бочки с золотом, камней разных, золота, посуды сколько!.. И всё как жар горит.

Помолились бурлаки иконе, а потом дока поднял молот и сбил обручи с гроба долой. Крышка у гроба отскочила вышла девица красавица — раскрасавица и спрашивает: «Чего вам, молодцы, надо? Берите всего, сколько хотите!» Красавица эта была Маришка безбожница. Дока, ни слова не говоря, схватил железные прутья — давай её полосовать, что есть силы. Товарища инда жалость взяла. «Что ты, говорит, делаешь? Побойся Бога!»

Только он эти слова сказал, как в ту же минуту всё пропало; подняло его невидимой силой и вынесло наверх. Нет ни ямы, нет ни двери. Только слышал, из-под земли крикнул кто-то: «Восемь! Девятого!» Клад был заклят на много человеческих голов. От страха бурлак обеспамятел, через силу сполз со Стенькина бугра и три года немым был после этой оказии. С той поры не выискивалось охотников клад добывать, потому — кто его знает, на сколько он голов заклят.

Выше Камышина верст на сорок, показывают еще бугор Стеньки Разина, а верст на восемь выше слободы Даниловки лежит ущелье, Стенькина тюрьма, прозванное Дурманом. В старые годы оно, говорят, окружено было таким густым лесом, такой чащей, что пленному выйти некуда было — оставалось только кинуться в Волгу.

Ниже Камышина, возле Карованновой и у Дубовского посада стоит еще по бугру. И они Стенькины. Весной в глубокие боковые ущелья первого из них заливается полая вода и бугор высится над рекой как скалистый остров.

И Уракову гору укажут вам неподалеку от колонии до Бринки. Это высокий, сажень в семьдесят, бугор, из которого убитый Стенькой Ураков, говорит предание, сряду семь лет после смерти кричал зычным голосом проходившим по Волге судам: «Привора-чи-ва-ай!». Где только не жил Стенька по рассказам? Пещеру его показывают и в Жигулях; толкуют про подземный ход. В несколько верст, вырытый им подо всю Луку. Про Стенькины ходы говорят и в Симбирске.

Народ помнит своего неумирающего атамана и ни о ком нет столько преданий, как об этом удалом разбойнике, чародее-богатыре.

ЗАДАНИЕ. Назовите важнейшие особенности личности Степана Разина и их отражение в народном сознании.

Памятники народного творчества находятся между собой в тесной, неразрывной связи. Они уясняют нам отношения народа к природе и собственной жизни, важны не только для этнографа, но и для историка. Находя неуместным распространяться здесь о значении обширного отдела сказок и песен, ограничимся проведением небольшой параллели между краткими ходячими изречениями, каковы загадки и пословицы. В первых отразились взгляды народа на природу и окружающую обстановку, в последних — вся житейская мудрость и нравственная личность простолудина. В загадке, более древней по форме и происхождению, открылся полный простор для творческой фантазии народа; в пословице — для его здравого смысла и критики. На загадки всегда влияла окружающая обстановка, для распространения многих из них существовали географические, резко очерченные границы; на пословицы влияла людская среда, в них всегда сквозила личность, характер сказавшего. Возьмите для примера старые пословицы новгородцев и москвичей, и вы найдете между ними значительную, местами резкую разницу. Неодинаковые условия вызывали в одном случае иную обстановку, в другом — иную среду. Загадка про кедр могла сложиться исключительно там, где он рос; изречения, полные свободолюбия или приниженности — лишь там, где эти качества вошли в характер сложившего их народа.

Происхождение загадки относится к темной древности, к тому времени, когда человек глядел на природу, как на что-то живое, когда явления ее были для него подавляющей, страшной тайной. Олицетворяя их, дикарь первобытных времен слагал свой образный миф, и многие из загадок носят на себе несомненный отпечаток этой мифической давности. По мере того как борьба человека с природой подвигалась вперед, загадка, бывшая прежде хранилищем верований, постепенно утрачивала свое важное

значение, стала удовлетворять одной народной любознательности. Осталась ее иносказательная, аллегорическая форма, уцелел образный сильный язык, но прежний смысл затерялся. Народ стал смотреть на загадку, как на праздное упражнение ума, и предоставил ее почти исключительно детям, существам только еще раскрывающим глаза на окружающий мир. Благодаря этому, образование загадок пошло новым путем.

Круг их заметно расширился, по мере того как увеличивался кругозор самого народа. Накопление чувственных и умственных впечатлений отражалось в непрерывавшемся творчестве. При поверхностном взгляде на народные загадки можно различить их главнейшие наслоения, самый порядок отложения последних. Древнейшие, каковы загадки о небесных светилах и явлениях природы, носят на себе ясные следы охотничьего и пастушеского быта, когда дикарь-человек почти не знал вещей и обстановки, весь зависел от природы той местности, на которой ловил зверей и пас стада. Следующее наслоение представляют загадки быта оседлого, земледельческого. Теплое жилье, хозяйство и орудия земледелия, большее общение с подобными себе вызвали новый ряд иносказательных представлений, определений одного предмета другим по какому-нибудь сходному признаку. Христианство и грамота отложили одно из последних наслоений; творчество детей внесло также свою дань.

Взгляд на большинство загадок, сложившийся у нашего народа, как на пустое упражнение в слове, не стоящее внимания, передался по наследству и образованному классу. Загадки собирали и записывали сравнительно в небольшом количестве, чего нельзя было объяснить какими-нибудь особенными трудностями их собирания. Напротив, загадку можно вызвать по желанию, как сказку и всякое другое эпическое произведение; это не то, что пословица, говорящая к слову, за которой надо следить в разговоре. Понятно, что никто не станет высказывать внутренних убеждений без всякого повода: душа человека не открыта первому встречному и для отысканий новой

пословицы надо разговаривать с простым человеком; загадку же скажет всякий знающий, каждый ребенок: стоит лишь заговорить, возбудить любознательность, которая направлена, как известно, в ранние годы больше на конкретные понятия, как более доступные, в зрелые — на понятия отвлеченные.

Сахаров первый дал место русским народным загадкам в своих «Сказаниях». За ним, после долгого промежутка, явился в свет небольшой сборник Худякова и обширное собрание русских пословиц Даля, где составитель, придавая последним самое широкое значение, поместил более тысячи загадок. Во второе дополненное издание книжки Худякова (оно было помещено в шестом выпуске Этнографического сборника) вошло все, что было у Сахарова, Даля и др., с прибавлением нескольких сотен новых.

В расположении загадок Сахаров не держался другой системы, кроме нумерации; Худяков и Даль, обладавшие уже значительным материалом, разошлись в тех целях, для которых собирали: Худяков, видимо, увлекся исключительно филологией, упуская из вида другое, более важное значение загадок в истории культуры, и расположил собранное в алфавитном порядке; Даль смотрел на все плоды народного творчества как на полное отражение народной жизни и разместил загадки заодно с пословицами, в группы. И то и другое имело свои неудобства: у первого можно было сразу найти любую загадку, но не вынести ничего цельного; у второго — наоборот. В первом издании худяковских загадок варианты были отнесены в примечания, во втором — они заняли надлежащее место в тексте, с указанием, где записаны; у Даля же последнее не было отмечено ни в словаре, ни в пословицах.

Считаю должным сказать теперь несколько слов про то, что послужило поводом к изданию настоящего сборника, и про те задачи, которые я имел в виду при его составлении.

Желание ближе познакомиться с культурным и умственным развитием нашего народа заставило меня прежде всего взяться за словесные памятники

его творчества. В этом случае сборники русских песен оказали наибольшую услугу той цели, с которой я взялся за них. Несмотря на массу чисто научных примечаний гг. Киреевского и Рыбникова, система расположения песен была уже строго намечена и последовательно укладывалась в рамки исторической жизни народа. Жизнь русского крестьянина, от колыбели до могилы, отразилась в сборнике бытовых песен, собранных Шейном. Взгляд г. Костомарова на народную поэзию указывал тот путь, которым надо идти.

Одно лето, проведенное в деревне, навело меня на мысль собрать народные загадки, бывшие в таком забросе и почти неизвестные публике. Приходилось внести значительный вклад от себя и разбить весь материал, разбросанный в печати, на группы по однородным предметам и в строгой последовательности перехода от конкретного к отвлеченному.

Цель ставилась такая: выяснять группировкой загадок бытовую обстановку и мировоззрение русского земледельца, затем дать читателю возможность найти любую из них в приложенном отдельно алфавитном указателе. Работа была начата, задача поставлена, и я решил довести ее до конца. Не дело составителя судить о том, насколько его работа вышла удовлетворительна, знаю одно, что она не лишена свойственных всякой систематизации недостатков. Размещение загадок по группам предметов представляло не раз довольно большие трудности и было причиной устранения значительного числа вопросов в особый отдел. Вводные загадки, имеющие отношение по смыслу, отделены чертами; загадки о совершении разнородных предметах, соединенных вместе, попали в отдел, наиболее соответствующий первому слову отгадки. Варианты, по возможности полный свод которых делается в настоящем сборнике, распределены сообразно с тем порядком, в котором идут предметы сравнения. При записывании соблюдался свойственный большинству загадок размер, терпящий столько нарушений при устной передаче. Строки прозы несомненно стерли бы этот своеобразный склад народных загадок и

затруднили бы самое чтение. Единственно этому обязаны своим появлением большей частью те коротенькие созвучные строки и большие бумажные пробелы, которые так бросаются в глаза при просмотре издания. Отсутствие ударений в сборнике (это могут поставить мне в упрек) объясняется тем, что он печатался в новой типографии, не успевшей ими обзавестись. По вариантам означено до двадцати пяти великорусских губерний. Большая часть загадок, собранных лично мной, записана в Ставропольском уезде Самарской губернии (Пальцыно, Рузаново, Озерки, Камышовка, Новиковка, Новое Урайкино) и в Симбирске; незначительное количество — на Каме до Перми и в Петербурге.

Приношу искреннюю благодарность всем, оказавшим мне содействие в деле пополнения сборника, особенно Гавриле Никитичу Потанину, доставившему целую тетрадь народных загадок. При обязательном содействии Леонида Николаевича Майкова я имел возможность получить доступ в небольшой архив Географического общества и просмотреть в нем некоторые рукописи, хотя непредвиденные обстоятельства и помешали довести этот просмотр до конца.

Делая местами указания на загадки западных народов, я пользовался немногими, преимущественно немецкими, источниками, которые выставлены в нижеприложенном списке. Материалы, которыми пользовался составитель, следующие:

Сахаров. Сказания русского народа.

Снегирев. Русские народные пословицы и притчи.

Худяков. Великорусские загадки.

Худяков. Русская книжка.

Даль. Пословицы русского народа.

Даль. Толковый словарь живого великорусского языка

Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу.

Афанасьев. Народные русские сказки.

Народные сказки, песни и загадки, 1874.
Воронежские губернские ведомости, 1852, 1854 и 1864.
Тульские губернские ведомости, 1852 и 1861.
Тамбовские губернские ведомости, 1854.
Вологодские губернские ведомости, 1859, 1864 и 1866.
Черниговские губернские ведомости, 1859.
Вятские губернские ведомости, 1859.
Томские губернские ведомости, 1859 и 1863.
Полтавские губернские ведомости, 1861.
Олонецкие губернские ведомости, 1863, 1867 и 1870.
Псковские губернские ведомости, 1864 и 1865 (сб. Евлентьева).
Ясная Поляна, 1862. Воскресный досуг, 1867.
Этнографический сборник, вып. II и VI.
Пермский сборник, 1859.
Памятная книжка Архангельской губернии, 1864.
Труды Архангельского статистического комитета, 1865.
Новгородский сборник, 1867.
Записки И. Г. общ. по отд. этногр. 1869, т. II (сб. Носовича)
Сборник сведений о кавказских горцах, 1870, вып. II и IV.
Михайлов С. Предания чуваш.
Левшина В. Загадки, служащие для невинного разделения праздного времени (изд. 1773 г.).
Закревский. Старосветский бандурист.
Сементовский. Малорусские загадки (изд. 1872 г.).
Simrek. Rathselbuch.
Friedreich. Geschichte des Rathsels.
Schleicher. Litthauische Märchen und s. w.
Несколько азбук и педагогических сборников.

ЗАДАНИЕ. Внимательно прочитайте предисловие Садовникова. Какие проблемы поднимает в нем автор? Какие его размышления об особенностях жанра загадок не потеряли своего значения и для нашего времени?

Охарактеризуйте композицию и тематику сборника «Загадок» Д. Н. Садовникова. Какие загадки изменили свою идейную направленность и почему? Каково значение этого сборника в истории русской фольклористики?

Сравните с загадками Садовникова загадки, записанные в 40-е годы XX века В. А. Малаховским (ГАСО. Ф. 1820. Д. 120. Л. 225):

Какой камень лежит на дне Волги? (мокрый).

Чёрна корова весь свет поборола (ночь).

Еду, еду, следу нету; режу, режу, крови нету; рублю, рублю, щепок нету (вода).

Летит - воет, сядет - землю роет (жук).

У кого борода да рога? (у козла).

Среди двора стоит копна, спереди вилы, а сзади метла (корова).

Стоит поп низок, на нём сто ризок (капуста).

Семьдесят одёжек и все без застёжек (капуста).

Плющенко дашечка, по краям апшивочка, в серединке дырочка, как придет бядя, пaticёт вода (глаза и слёзы).

Пониже пупенца, повыше коленца, а чево суют, как зовут (карман).

Примечание: запись воспроизведена в том виде, в каком она была сделана Малаховским.

В 1882 году в журнале «Детское чтение» в № 5 и 6 появилась подборка, записанная Д. Н. Садовниковым, «Языческие сны русского народа». Она включала теоретическую часть (размышления Садовникова об особенностях русского язычества) и два очерка «Леший» и «Водяной». Обратимся к ним.

Д. Н. Садовников. Языческие сны русского народа

В те далекие годы, когда наши предки еще были язычниками, молились лесам, озерам и камням, народное воображение создало домовых, леших, русалок, каждое явление природы понималось человеком-дикарем образно, по-своему, и в шуме леса, ветра, воды, ему чудилось не то, что нам.

Ему на самом деле представлялось, что дерево стонет; ветер воет: вода бежит; слова, потерявшие теперь для нас свой первоначальный смысл. Когда в хижину такого дикаря ударяла молния, он решал, что громовик сердится, и его надо задобрить приношениями; когда охота была удачна, он благодарил этими приношениями лесного духа за то, что тот оказал ему покровительство. Дикарь сознавал, что он вполне зависит от окружающего; а природа русской равнины была сурова и неприветна. Леса и степи тянулись на сотни верст; из топей и болот медленно выступали широкие многоводные реки; лето стояло жаркое, зима — холодная и долгая. Он видел, что после снегов, вьюг и морозов приходила каждый год весна, и все оживало, зеленело и цвело, для того, чтобы опять заснуть долгим зимним сном, а на следующую весну снова воскреснуть. Глядя на своих товарищей звероловов и пастухов, он замечал, что одни из них стареют и умирают, пропадая неизвестно куда, что другие рождаются на их места, для того, чтобы в свой черед вырасти, состариться и умереть. Все это в глазах дикаря было страшною тайной; ко всякому подобному явлению он невольно относился со священным трепетом.

Он верил, что каждым из этих явлений управляет какое-то высшее существо, с которым ему не под силу вести борьбу. Будучи человеком, он не мог себе его представить иначе, как в человеческом образе; наделял это существо теми чертами характера, какие в нем замечал, причем пользовался своим образным выразительным языком.

Таким образом, еще в доисторическое время сложилась целая связанная мифология (ряд верований), целый ряд языческих снов, полный дикой, своеобразной фантазии.

Сны эти передавались от отца к сыну, дошли до нас отрывки и в сильно измененном виде. При Владимире Святом Русь крестилась, и с этого времени началась борьба христианских верований со всем языческим. После этой долгой борьбы следы прежних мифов (верований) остались, однако, в языке в виде загадок, заговоров, волшебных сказок нашего простого народа. Следы эти ясно видны, если взять, например, хоть загадки о небесных светилах, дне и печи и пр. Язык народа сохранил все, что мы зовем «суеверием», только многие старые представления облеклись у него в новую форму.

Все олицетворенные явления и силы природы: яги бабы, змеи, лешии, домовые, русалки стали существами темными, злыми, нечистой силой, желающей, во что бы то ни стало, погубить человеческую душу. Так говорили вероучители, и впоследствии христианский бес стал принимать на себя образы всех этих развенчанных языческих богов, что опять-таки отразилось на языке, стоит припомнить хоть следующие пословицы: было бы болото, а черти найдутся; ты за порог, а черт поперек, и другие.

Как бы ни были ложны прежние языческие представления, народная фантазия продолжала работать, и устные рассказы суеверного народа дышат неподдельной прелестью природы и всей свежестью первых впечатлений. Вот почему нам всегда доставляет удовольствие слушать эти сказки о том, что пронеслись в далеком смутном сне, и чего теперь ни от кого, кроме как от самого народа, нам не услышать.

Идемте дальше от города, в деревню, в луга, леса и поля! Присядем там к какому-нибудь бобылю-пастуху, живущему грудь в грудь с природой; он словоохотлив и расскажет нам много чудесных историй, искренне веря во все, что ему завещала через деда седая старина. Речь его течет мерно, не

торопясь, и, сидя под старой ветлой, у разложенного костра, слушая этого простого человека, дыша запахом зеленого леса и цветущих лугов, вы невольно перенесетесь мыслью в тот цельный, совсем особенный мир, про который он повествует, и убедитесь, что это действительно был сон, о котором стоит рассказывать.

Леший

Раз перед вечером, в одних из своих летних приездов в деревню, вышел я на речку, протекавшую недалеко от усадьбы, разрядить ружье. Это маленькое обстоятельство послужило неожиданным поводом к новому, очень для меня интересному знакомству. Ни на какую дичь, я, понятно, не надеялся, а просто рассчитывал на то, что какая-нибудь птица пролетит же на ночевку, и не ошибся в расчете. Не доходя сажен двадцать до берега реки, за которой тянулись красивые, местами поросшие мелкоколесьем, луга, тяжело взлетела ворона. Я ударил в нее: она, как сваренная, упала в воду. Собаки со мной не было, да и вытаскивать ее не стоило. Вслед за выстрелом, из-за ближних кустов противоположного берега, вышел небольшого роста мужик, в лохмотьях и с зимней шапкой на голове.

Не говоря ни слова, он вошел в воду, достал убитую птицу, затем пощупал ее и спросил:

- Перекидывать, аль нет? А то я возьму.
- Бери, да тебе-то что в ней?
- Как что? Съем. Я всякую птицу ем. Всю.
- Так я тебе этого добра, сколько хочешь, набью. Как тебя кликать-то?
- Кликать-то Сидором. В пастухах я, господское стадо пасу.
- Слышал я по этому Сидора. На деревне его считали за колдуна и доку.
- А сказки умешь сказывать?
- Как не уметь; да ведь, поди, тебе Антип Клейменов все пересказал?

- Нет, он настоящих, каких мне требуется, не знает, - заметил я, желая польстить самолюбию Сидора. - Про тебя вот слыхал, да до нынешнего дня повстречать не удавалось.

- Коли не лень будет, так приходи утре в луга. Новеньких найдем.

- Ладно, приду.

Так завязалось мое знакомство с пастухом-сказочником.

На другое утро я пошел в луга, захватив на всякий случай ружье и четверку табаку. Под выстрел попала пара горлинок и случайно залетевший мартын - рыболов. Все это я забрал с собой.

Недалеке полуверсты от мельничной плотины, на одном из изгибов речки Нетайки, под густой веткой, застал я Сидора, прилежно раздувающим кострок из сухого валежника. Невдалеке паслось стадо. День был жаркий, и часть скотины спустилась к речке. Мальчишка подпасок старательно наблюдал за тем, чтобы свиньи не ушли на ту сторону, и как-то особенно ловко хлопал длинным пастушьим кнутом.

- Здравствуй, Сидор, пришел тебя послушать. На поклон дичи тебе принес.

- Вот спасибо. Завтрак, значит, сегодня будет у нас заправский, а то одна картошь с хлебом приелась малость.

Я сел на траву и стал разглядывать своего собеседника. Сидору было лет под сорок. Плутовские глаза и взъерошенная черная борода на первый взгляд не особенно говорили в его пользу. Не пастухом гляделся он, а скорее каким-то беглым, или прямо разбойником.

- Ты давно в пастухи-то пошел?

- Третий год исходит. Допрже я колесовщиком был годов пять в Краснореченском бору, слыхал, чей, а може и бывал там?

- Как не слышать, слыхал, а быть не доводилось. Говорят, пошаливают в лесу-то у вас? - спросил я, намекая на темные слухи, ходившие по поводу этого леса.

- Кому там шалить-то, окромя лешего? - отвечал, как-то нехотя, Сидор, высыпая в жар с десяток картофелин из грязного посконного мешка.

- Ну, вот, про леших и расскажи мне коли что знаешь - я их, признаться ни разу не видал. А ты?

- Поживи в лесу-то, так мало ли чего увидишь. Он по весне из-под земли выходит, как только первая трава пробьется, а зимой спит. Придут Марьи, зажги снега, заиграй овражки (праздник 1-го апреля, Преподобной Марии Египетской), станет шука хвостом лед разбивать, тут его и жди; а там медведь из берлоги выйдет, Мартын лисогон (праздник - 14 апреля, св. Мартина, папы Римского) лису новую нору рыть погонит, ласточки прилетят, леший тогда по лесу гуляет, весело ему...

Он в трущобу забивается, в глушь, ночью в дупле спит; да в большом лесу не разоспится: за всем присмотреть надо. Ведь в лесу-то он хозяин. Ты думаешь, у нас в Краснореченском лесничий набольший, - это Иван Антонович? Куда ему! На что уж леший полный хозяин, и то стается по такому лесу дозором ходить. - Ведь лес-то в Казанскую губернию ударился, на полсотни верст идет. Одному трудно в такой трущобе, вот леший и берет себе в помощники медведя; он стало быть у него за полесовщика и ходит. Они ведь с медведем-то друзья неразстанные.

- А каков он из себя, леший-то?

- Известно: лесом идет с лесом ровен; травой идет, с травой ровен; с человеком идет, с человеком ровен. В лесу-то он с большую сосну ростом, страшный, мохнатый. Ходит с дубинкой, да посматривает: ладно ли у него в лесу, чужого кого нет ли. Когда по лесу идет - издали слышно. Треск, шум, с деревьев лист рвет, следы вихрем замечает... Вот об эту пору, в летнее время лучше в лес ночью не ходи: леший тогда шутит. Разыграется, разгочется, жуть в лесу. Известно, весело ему: теплу рад, вот он и свищет, а то учнет в ладони хлопать, на деревья вешаться. Повиснет и начнет качаться, словно в зыбке. В своем настоящем виде он редко кому показывается, больше все

нашим братом-мужиком обертывается. Раза три мне доводилось видеть. Здоровый такой старик, полушубок на нем бараний, левой полой на правую запахнут, распоясной; бровей нет, волосы с зеленцой. Захочет попугать, так бесом обернется. Тогда добра от него не жди: уж что-нибудь над прохожим человеком созорничает, потому недолжблнвает он нашего брата шнбко. Мешаем мы ему: деревья рубим, бревна вывозим, костры зря в лесу оставляем. Тоже ведь лес-то сгорит, ему куда деваться-то? В большом лесу ничего, а в маленьком, куда ни сунься — везде люди. Там деревня, тут выселок, в третьем месте хутор, либо сторожка, хоть вон иди.

Иной раз сосну рубишь, так леший-то воем воет, стонет: жаль ему дерева-то. Донимают его всячески — зверя из ружья бьют, на птиц силки ставят; по лесу ягоды щиплют; ну, а он и сердится, попугивает, чтобы хоть малость отвадить. Большого худа не сделает, а памяти даст: с дороги собьет, да в болото куда-нибудь и заведет. Ребята с девками разбредутся по лесу, аукаются, а леший тут как тут: голос им подает: Ау!!! Кричит. Отведет от дороги в сторону, а сам хохочет, заливается; рад, что сбил. В темную ночь вдруг огоньком в кустах засветит, обманывает — как попадешь на то место, где он прошел, так и плутай до утра; всю ночь на одном месте провертишься: обойдет. Либо столбом верстовым обернется, либо приметным деревом. Я снова ехал ночью с крестин, да малость задремнул. Очнулся — дорога будто не та — гляжу, не узнаю. Свернул в сторону, вижу виловатая береза стоит, место знакомое, пустил лошадь. думаю, теперь сама доведет, хоть не правь. Отъехал с версту, опять сон клонит... Так что ты думаешь? Как ни проснусь — все на одном месте; Так и кружил до утра вокруг березы-то. На робкого человека попадет, до смерти запугает: стонать учнет, филином заушает. Случись со мной теперь — я бы сметил, а в те поры еще молод был, не знал, что постилку в лаптях перевернуть надо, да задом от того места отойти. - всего только и есть... Как рукой снимет, потому леший глуп: подумает, что следы-то из лесу; загочечет, да и уйдет в трущобник.

- Не зря про тебя, Сидор, говорят, что ты колдун.

- Тут колдовство-то невелико, - заметил Сидор, помешивая деревянной ложкой в небольшом котелке, где начинала закипать вода, - картошь вот что-то не пропекается. — Ты, барин, тут посиди, дрова подбрось, а мне сбегать надо: свиньи-то по ту сторону ушли. Мальчишка один с ними не справится.

С этими словами Сидор встал, поднял кнут и пустился от меня бегом к реке, за которой кричал и хлопал мальчуган подпасок.

Было часов десять утра. Солнце грело, а не пекло. От старой развесистой ветлы падала широкая тень... Тишина была почти мертвая. Ни один листок не шевелился. Точно не один я, а и окрестный лесок, вся эта луговая зелень, внимательно слушали сказку пастуха, чуя в ней что-то близкое, родное. Если бы эта развесистая ветла, думалось мне, могла говорить понятным языком, может быть, она много бы рассказала про зеленый лес такого, о чем мы не знаем и не догадываемся.

Через какие-нибудь четверть часа Сидор вернулся с пастушонком завтракать. После завтрака он попросил у меня табаку, закурил коротенькую корневую трубку и спросил:

- Что, про леших-то еще сказывать?

- Сделай милость. Ведь знаешь, что я тебя слушать пришел.

- Да на что это тебе? Пускай, я господам сказки сказывал, оставались довольны. А лешего-то тебе на что?..

- Любопытно, Сидор. Ведь я о них мало от кого слышал, а ты вон, как о знакомых, о них рассказываешь.

- О знакомых. Это ты верно сказал: он и знакомым обертывается. Здравствуй, сват, скажет. Здорово, сват. — Куда идешь? Заведет разговор, а сам норовит подальше от дороги отвести. Обойдет да и заржет. Обернешься, а свата и след простыл. Вот он какой знакомый-то! Ведь я про него много рассказней знаю. Тоже и он на какого мужика нападет!.. Парень раз стало быть в лесу колоду колол, а колода-то была старая, крепкая. Заколотил в нее

два клина, а разворотить не может. Откуда ни взялся, подошел леший и спрашивает: «Ты что, мужик, делаешь?» Тот и говорит: - Старую колоду вот колю, да разворотить не могу. «Давай-ка я!» Подошел, да обе лапы в щель и засунул, промеж клиньев: лапами хотел растащить. Мужик вынул топор, выбил оба клина и защемил лешему обе лапы. Закричал леший на всю дубраву. «Как тебя звать?» - спрашивает. А мужик хитрый был: - «Вчерась», говорит. - «А?» - «Третьеводни!» - «Не слышу! Как?» - «Намедни!» - Заткнул мужик топор за пояс, пошел домой, а леший кричал-кричал, и набежала лесовиков тьма тьмушая. - «Кто тебя? Кто тебя?» «Да вчерась», - говорит. «Да кто?» - «Да третьеводни». «Да кто тебя?», - «Да намедни лапы в колоде защемил». Бились, бились лешие, так и не узнали ничего; думают, что сам как-нибудь невзначай в колоду попался, и давай его же дурака бить. Избили да и бросили...

- Откуда же их столько набежало?

- Как откуда? Из лесов; сколько лесов, столько и леших. В ином их десятками считай. Мало литератур у нас лесов, а Мусаил-лес над всеми старший. Он, выходит, царь, а эти - воеводы, каждый в своем участке. У них и рекрутчина, слышь, есть. Как у людей война, так и лешие дерутся; кончится война, и они шабаш. Бобыли у них в моховые болота уходят, в дебри, а другие к товарищам жмутся, избы себе строят. По дремучим лесам, туда к холодному морю, деревнями живут, все одно, как мы. У нас теперь хозяйка с ребятами, а у них лешачиха с лешенятами. Грани у них в лесу свои. Из-за этих граней у них такие драки бывают, что только шерсть клочьями лбетит. Шум по лесу, вой...

Как ночью сучки затрещали, значит, где-нибудь на поляне леший с лешим дерется, из своего леса гонит. Сберется их на драку целая уйма. Ну, силы лешим не занимать стать. Деревья из корня рвут, как мы траву; сосну так сосну, дуб так дуб, камни учнут выворачивать да кидать. Иной камень-то верст за полсотни летит. Наломают лесу груды, - так, версты на

две, на три всю дорогу и устелют, ни проезду, ни проходу нет. В летнее время, ночью, на лесной тропе и не думай ложиться: раздавят. Ведь у человека свои тропы, а у них свои; по своим тропам они безперечь ходят, гулянки справляют. Под ихнюю свадьбу попасть - беда. Поезд буря бурей несется; попадется на дороге деревня - все крыши духом раскроет; на кладби налетит - по ветру разметет; стога попадутся, так и разнесет, а про лес и говорить нечего. Вон, в жаркие дни видал, как вихри крутятся? Это лешие пляшут. К осени, когда хлеб в копны смотан, гляди в оба, неровен час, налетят, все сдуют. Приговор надо такой знать, кто знает - тот не боится. На все слово есть. Он против слова не может... Где уезда три соткнутся, там лешим жить не скучно. Не все дерутся - и замирение делают. Сойдутся в глухом месте, в овраге, костерок, вот как мы, примером, разведут, в карты дуются. Денег у них нет, на зверей да на птиц играют, на зайцев, вот, потому этого зверя везде много. Азартно играют. Так бывает, что все до последнего спускают. Разойдутся на заре, а к ночи опять в овраг, до новой зари. Потом расплата пойдет. Кто проиграл, тот из своего участка проигрыш-то в чужой перегоняет.

- Вот бы ему в пастухи наняться, - хороший бы пастух был, - заметил я.

- Плох литератур пастух!? Нашему брату за ним не гнаться. Случается так, что за сотню и больше верст стадо-то гонит. Ночью норовит, чтобы и люди не видали. Придут на другой день стрельцы на это место, где вчера чуть не из под каждого куста заяц выскакивал, - глядь, нет ни одного. Куда, скажут, это их леший загнал? Вчера было видимо-невидимо, а сегодня на-на вот!.. А в другом месте, где их и не видимо никогда, глядишь - вдруг окажутся. Нашински парнишки раз в ночном были, так после сказывали. Ночь светлая была: месяц проглянул, смотрим, говорят, что за диковина? Этого зайца целое стадо бежит через поляну. Мы и думаем: надо быть их леший гонит. Оглянулись назад, а он мимо нас и идет из лесу, старый да черный, с дубинкой. Так вот, мол, какой у них пастух-то! А это он, видно,

другому лесовику задолжал по картам. Так и из виду скрылся, только по лесу затрещало.

Один вот также продул в карты другому целую уйму косых, идет себе ночью лесом и гонит, и захотелось ему с устатку водки выпить, а до водки лешие охочи. Леший и медведя водкой поит, а тот его пьяного от водяного караулит. Вот захотелось ему водки, а как раз на дороге кабак. Время за полночь; кабатчик огонь задул, спит. Подошел леший к окну, давай ботать. Ботал, ботал — отклика нет. Видно, разоспался целовальник. Леший давай прикладывать сильнее, инда изба затряслась. Целовальник проснулся, бранится. «Кого это, — говорит, — леший занес сюда об эту пору?» Бранится, а не отпирает.

Ладно, думает леший, я тебя подыму. Ухватил избу под угол, приподнял, да напрямик за стойку и ввалился. Кинул целовальнику денег на четверть ведра: получай, мол, без разговору! Тот со страху чуть Богу душу не отдал. Хватил эту четверть леший с одного маху, тем же стало быть порядком вышел, поставил избу по-старому, а стадо дальше погнал. Худого, пускай, не сделал, а шутку пошутил.

С лешим ладить можно, надо только уметь дело вести, да худа ему не делать, а то он за добро всегда добром платит. Один охотник через лешего счастье свое получил. Спорили лешие из-за дележа лесных дач. Один кричит: «Вот моя грань!» А другой кричит: нет, говорит, вот где! Слово за слово — разодрались. А леших-то трое было. Двое связали спорщика — да одного в лесу и бросили. И шел этот самый охотник. Подошел, видит: связанный лесовик лежит, мычит. Жаль ему стало лешего, он его и развязал. Леший оправился и спрашивает: «Какую тебе, добрый человек, за это службу сослужить?» Тот думал, думал и говорит: А вот, говорит, какую: «Идти мне в свою губернию далеко, скоро литератур я туда дойду? Довези ты меня!» Леший взял охотника на плечи и понес, — только треск пошел. Как вихрь летели!.. Не успел охотник опомниться, — глядь, уже дома.

Так вот ты думаешь? Лешему-то этой службы мало показалось — расстался он с мужиком и говорит: «Это не служба, а полслужбы. Как с тобой беда будет — не опасайся: выручу». И ушел в свой лес. Прошло время, выпала мужику горькая доля — в солдаты идти. Стал он задумываться, потому служба в прежнее время была не то, что нынче; а охотника за себя нанять не на что. Что, думает, без меня жена да дети станут делать? Хоть по миру иди! Леший проведал об этом деле и в свой черед пожалел мужика. «Я, — говорит, — тебе, мужик, эту службу справлю, помню твое добро, не опасайся!» Всю солдатскую службу за него отбыл. Вот он какой, леший-то, лучше другого человека. А ты что картошь-то не ешь? У меня еще есть, — обратился ко мне рассказчик, откатывая из горячей золы две обуглившиеся картофелины.

Я поблагодарил.

- Вот когда с ним озорничают, продолжал Сидор, то он этого не любит; надо его либо задобрить чем, либо над ним силу взять. Задобрить-то всякий мужик сумеет, а силу взять — колдуном надо быть.

- Ты ведь по этой части дока, приходилось, чай?

- Нет, мне не доводилось. — Ведь я какой колдун? Самый пустой — травами лечу; а это дело нехитрое. Поклонись ему одной коровой в лето, ни одной скотины не тронет, а кто покусится — стаду несдобровать — все перепортит: либо чистухой накормит, либо что. Вот ты говорил, оно хорошо бы лешего в пастухи нанять: — это ты верно сказал. Полюбится ему который пастух, хоть не гляди за стадом тогда — леший его упасет в лучшем виде. Ему ли не упасти? Он все места знает, все травы. Уж как леший в пастухи пошел — стадо в теле будет.

Маялся один мужик в лесу, дрова колот. Увидел его леший, стало ему мужика жаль. Подошел, помог. Мужик-то не злой попался, вынул из мешка лепешек, дал ему за работу. Понравились с той поры лешим мужичьи лепешки. Стали они из лесу выходить, да попрашивать. Ну, иной не даст, а

иной на пенек положит, да в сторону и отойдет. Вот леший, как завидит, что мужика нет, выйдет из-за дерева, возьмет лепешки и заладит свое: «Шел да шел! Шел да нашел!»

Другой леший и в лес не пустит, если ему пирогом или блином не поклониться. А мало ли зачем мужику в лес надобно? — И дров нарубить, и полесовать, и за лыками. Положит ему — коли возьмет, — ну, значит, иди смело; не возьмет — дело не ладно: сердится. Пожалуй, в трясину заведет, либо всего зверя угонит, так что и не сыщешь. Случится, лошадь в лесу пропадет. Ну что ты станешь делать? Где ее отыщешь? В Вятской губернии жить мне доводилось: там это просто: нет лошади день, нет два дни, — сейчас к знахарю; тот на березовой шкурке прошение напишет и прибьет его к дереву на виду.

- Какое же прошение? К кому?

- Так и так, мол, Лес Праведный, зашла моя лошадь в твой лес. Вороти, сделай милость. Ну и найдется, только не обижай лесного хозяина.

Лесов-то много, там знаешь, что ни мужик, то зверолов. Иной парень впервой ловить-то выйдет, без молитвы и без заговору. Думает, и так сойдет. Не обрадуется после: выживет его леший. По лесам-то станочки да зимовья пустые раскиданы, так, избенки маленькие. Вот он и заберется в такой станок от темной ночи укрыться летней порой. Счастье его, коли леший другую ночевку выбрал. Ведь он тоже намается, шатается по лесу, где-нибудь ночевать надо. Как учует, что в его станке чужой — всю ночь покою не даст: зашумит, засвищет, в дверь застучит; выбежит мужик, всю ночь до зари пойдет плутать, а леший на его место спать завалится.

Кто с промысла не с пустыми руками приходит, тот не зря в лес идет, а либо с заговором, либо с молитвой. Прежде я сам много заговоров знал, а теперь позабыл. Много их.

- Что же, леший боится слова?

- Заговорного слова как нечистому не бояться? Заговорное слово крепко. Против него чего он сделает? Кто такое слово знает, тот только после ходи да обирай и в клетях, и в капканах, — всякого зверя и птицы будет вдоволь — леший всего нагонит.

Есть и такие колдуны, коренные, душу свою лешему отдают в вечную кабалу, из пользы из своей. Тем, пока живы, во всяком промысле удача; леший на таких без устали работает; ну, а умирать будешь — плати. Кому надо, тому лешего вызвать просто: поди теперь в лес, наруби молодых березок, сложи их кругом, вершинками в серединку; крест с шеи долой; стань в кругу да крикни: «Дедушка!» — он сейчас покажется. Свистни ночью в лесу — он и то откликнется, водить станет. Он под Ивана Купала (24 июня, Рождество Предтечи и Крестителя Господня Иоанна) в ночь хорошо откликнется. В эту ночь и клады роют и и папорт зацветает.

- Теперь, поди, тесновато лешему-то, в наших краях, — леса вырубают, дороги везде прокладывают, народ селится. Как ты полагаешь? — спросил я пастуха.

- Правда твоя. Стал он последнее время кое-что у мужиков перенимать: и водку пьет, и табак курит, и лапти плетет. Попривык малость к людям-то, крестьянскую работу стал работать. Любит он, когда месяц во все небо светит. Видали его не раз: сидит на пенечке, старик старый, кочедыком поковыривает, по небу-то, знаешь, тучки проходят, мешают — свет ему загораживают; ворчит — подымет голову и пробормочет грубо таково: «Свети све-ти-ло!» и опять за лапоть.

Пастух рассказывал все время так просто и с таким убеждением в правде своих слов, что я невольно переселялся временами в этот сказочный мир, который ему не казался сказкой. Видеть этот рассказ ночью, а не при солнечном свете, легко может быть, что мое воображение настроилось бы на язвительный лад, и очертания деревьев приняли бы вид леших, протягивающих свои мохнатые руки.

- В старые годы лешие со всякой нечистью дружбу водили; с водяным у лешего прежде крепкая дружба была, да из-за медведя на век рассорились.

- Что им медведь-то помешал? – спросил я.

- Дело, – видите, так было. Стоял темный претемный лес, и в лесу – озеро, а в озере жил водяной дедушка. Ну, как соседям не подружиться? Живут год, другой – ладят. У лешего, стало быть, всякое зверье по лесу ходит и плодится; у водяного – рыба. Был у них с самого начала уговор: ни тому ни другому своих в обиду не давать. Вот раз и вышел из трущобы медведь косопалый, подошел к озеру, нагнулся, стал воду пить.

Сом подплыл, цоп его за морду: «Не смей, – мол, – нашу воду без спросу пить!» Медведь осерчал, тряхнул головой и зашиб сома насмерть. Выкинул его на сухой берег, а сам в лес ушел, вся морда в крови. Пришел к хозяину, давай на водяного жаловаться. Началась у лешего с водяным крупная ссора. Нельзя вместе жить. Что делать? Вот леший взял, да и перевел свой лес выше, в гору, а озеро-то на чистом месте так и осталось. С тех пор шапками врозь. Стал леший водяного побаиваться...

- Куда же они зимой-то деваются? Ведь по зимам про них не слышать?..

- Куда деваться? – Откуда взялись. – В землю проваливаются... Как осень подойдет, так и им подходят последние дни. Ветра задуют, белые мухи полетят. На Покров землю снегом покроет, а на Ерофея (праздник 4 октября) в лес и думать не ходи – страшно. В этот день леший бесится, медведь залегает в берлогу, другое зверье по норам разбегается. По лесу буря так и стонет, все в лоск кладет. Это он об лете плачет, жаль с летом расставаться. Провалится – всю зиму вплоть до весны, не видать. Ну, вот ты, говоришь, об леших-то не слышал – теперь, поди, наслушался?.. – заключил Сидор свой рассказ, поднимаясь с места.

- Теперь и обедать время, чай за полдень будет. Приходи как-нибудь вечером, я тебе сказку хорошую скажу.

- Спасибо, непременно приду, я ведь слушать большой охотник.

- Ну, а я то, признаться, молчать тоже не люблю. По зимам меня ребята слушают, всю ночь не спят. Долгие сказки умею рассказывать. Только ты вот что, барин, принеси мне свежих огурчиков с десятка. Хорошо, принесу. – И мы расстались.

Водяной

Едва на другой день показалось солнце, как я уже топал по направлению к речке Нетайке. Я застал Сидора на берегу, под ольховым кустом. Он старательно распутывал лесу; другая удочка была воткнута удилищем в песок.

- А ты, барин, я вижу, охотник до сказок-то! Хочешь, я тебе хорошую сказку, про Марью Красу, Черную Косу? Сказка за первый сорт: до вечера, почитай, хватит, коли завести.

- погоди, – отвечал я, – еще за тобой должок есть – придет время, и про Марью Красу послушаем. Ты что это рыбачить надумал?

- Да ведь кормиться чем-нибудь надо, чай. Вот наловил. Пескари да бель все...

В деревянной чашке билось с десятка серебристых рыбок.

- А ты у водяного-то спрашивался рыбу из его угодий таскать? – спросил я, смеясь.

Сидор рассмеялся во весь рот, передвинул меховую шапку совсем на затылок и сказал: Пушай нет, да ведь с меня, пастуха, что взять? Кабы я заправский рыбак был, ну, тогда да поклонился бы ему. Разве это рыба? Мальтявка. Нешто, думаешь, ему больно жаль ее? У нас здесь поважнее забота есть. Нашего-то водяного видел?

- Которого?

- Да Абрама-то Семеновича?

Абрам Семенович был старый мельник, лет десять державший барскую мельницу на речке Нетайке.

- Видал. Мимо проходил, здоровались. Да за что ты его так?

- Так ведь, чай, он водяной роты. Вишь, как раздобыл. Помогает ему, видно, колеса-то вертеть. С него вон водяной не взыскивает за то, что он воду ему в реке мутит, да рыбу пугает, а с меня бобыля и подавно. Мало ли у него этого добра? А костей, заклевала шельма! и Сидор быстро дернул удочку из воды. Какая-то плоская, как дощечка, рыба взвилась и, сорвавшись с крючка, шлепнулась обратно в реку.

- Вишь, подразнил, да назад взял. Пожалел!

- А ты, кстати, расскажи-ка мне про водяного-то, вот что: кто он, какой из себя, что делает, все припомни, по порядку. Чай, много слышал?

- Когда не слышать. У купца у одного в засылках с год, коли не больше, жил на мельнице. Мельник-то не чета здешнему был: кое-что знал. Понаслушался от него. Сейчас и сказывать начнем. Только вот надо наживы добыть: на хлеб-то плохо берет. Эй, Федюшка! Федюшка! — крикнул он пастушонка. Тот откликнулся где-то далеко.

- Сбегай, накопи червей, да к речке гони!

- Мы нонче, — обратился он ко мне, — у дедушки водяного в гостях, он нас ухой попотчует.

- Водяной-то?

- Ну да, ведь мы гости, — он хозяин. Одно слово — дедушка водяной — начальник над водой.

- А что, видный он из себя?

- Старик старый, живот, как мешок, висит, бородачи седая, по пояс. Известно, опухнешь весь, коли с его пить. Голый он...

- Ты сам-то видел?

- Нет, пускай сам не видал, а мельник сказывал; вот так, как к примеру ты от меня, вплоть, почитай, подошел. Мельница не работала, стояла, время

ночное было. Прошел, говорит, этак мимо меня и не взглянул; прямо на мельницу... И зашумел, застучал, братец ты мой. Колеса с жерновами завертелись, хоть приезжай да зерно ссыпай. Полным ходом пошла.

- Ну что же он?

- Чего ему. Он домой пошел, известно, водяной работы просит; скучно ему. Ведь они мельницы водяные любят да омута. У каждого озера, у каждой реки свой водяной, а где и больше. Тоже и в болото не в урочный час не суйся: и там водятся. Не мимо пословица молвится: был бы омут, а черти будут. Как есть всем водяным царством заправляет. За зиму-то выпится, а весной очнется. Об эту пору водяной сердитый, голодный, и рвет, и мечет. Рыбу всю разгонит, лед размешает, бурлит. На реку и не взглянешь.

- До тех пор бурлит, пока за ум не возьмутся: лошадь ему не купят; а покупать надо ее не просто, чтобы дешевле обошлось, всем миром складываются, и торговаться не след, потому кто торгуется, тому денег, выходит, жаль. Сколько бы ни запросил, давай без разговору, купят лошадь, кормят ее три дня хлебом, лентами разукрасят, намажут голову медом, да в полуночное время и спустят в воду с жерновом на шее. Водяной постонет, постонет и затащит. Рыбаки, те масло в воду льют. — Вот, мол, тебе, дедушка, гостинцу на новоселье: люби да жалуй нашу семью!.. Приговор у них такой...

- А где он показывается-то чаще? На воде что ли?

- Нет, больше все на берегу видят, либо на мельничном колесе. Сидит, брызгается, да гребнем бороду расчесывает. Водяной днем на дне сидит, редко когда выныривает, а ночи любит такие, чтобы месяц светил. Разыграется на реке, плещет, шумит, по воде в ладоши бьет. Ночью-то далеко раздается. Поплавать, поплавать — нырять учнет. Сажень за сто выныривает. Так клубом воду и вертит. Устанет — на бережок сядет, либо на корягу, и плавает себе на ней. Голый, травой опутается. Бывает, что мужиком обернется, на село зайдет, по какой-нибудь нужде; только его сразу можно

признать, у него с левой полы – вода сочится – так и примечают. Куда ни ступит – везде мокро. Любимая у него рыба – сом – с большим усом. Он на нем, как на коне разъезжает, за рыбой досматривает. Известно – хозяйский глаз. У лешего – медведь, а у водяного сом. До карт и до водки водяные охотники: лешим не уступят. Случается, всю рыбу до последней проиграет, ну и гонят, куда надо; а ссорятся все из-за угодий. Иной водяной всю рыбу от соседа обманом к себе перезовет и пойдет драка. Ботают, ботают по воде, на берег выскочат. В лесу дело случится, лешие еще пристанут, да в дубье их примут. На руле тогда ухо остро держи, а то несдобровать. Теперь вот, так скажем, мельничное дело, ты думаешь, оно шуточное? Недаром говорят: коли разориться хочешь – так мельницу сыми. Ей без водяного не стоять.

- Что же он на ней делает?

- Воду держит, плотину бережет. Надо только с ними дружбу вести. На мельнице сколько поставов, столько и водяных. На большой-то их более десятка; на каждом колесе свой сидит. Не мельник – главный хозяин, а дедушка водяной. Умеет умненько дело вести – мельница зря стоять не будет, как у нашего-то вон...

И Сидор пренебрежительно толкнул рукой по направлению к барской мельнице.

- А, вон и моя команда идет, – сказал он, глядя на луга. Пить, поди, хотят. День-то жаркий. Дождичка давно не было, и слепни джуге покусывают. Ну что, нарыл? – обратился он к Федюшке пастушонку, который без шапки вприпрыжку бежал к нам.

- Ну вот, теперь ладно будет, – сказал он, принимая из рук подпаска черепочек с червями. А двоих жеребят-то нашел? Где они?

- В кустях, замучился с ними, с окаянными насилу сыскал.

- То-то, Федюшка, смотри, а то барин нам с тобой задаст. Намедни вон корова в трущобник затесалась, целую ночь пропадала. Ну, волк задерет – беда. Сядь-ко здесь, да побудь с полчаса. Вон уж буренки в речку полезли.

Свиней-то попрдерживай; а мы с ним в одно местечко сходим, да покалякаем дорогой.

- Куда это ты хочешь меня свести? – спросил я Сидора.

- Недалечко. У старой мельницы раза три я из-под яра утку вспугивал; вот ноне утром вспомнил про тебя; барин, думаю, придет, ударит.

- Ты как полагаешь? Она нас дожидается сидит?

- Об эту пору они все там: не жарко, знаешь, кусты; а подойти вплоть можно.

- Пойдем, – сказал я, – поднимая с травы ружье, – может, что и выйдет.

Речка Нетайка, вдоль которой мы шли едва перекидываясь словами, вилась самыми прихотливыми изворотами: то уводила в лес, то опять выбегала на чистое место. Берега были довольно крутые, глинистые, воды немного, так что в солнечный день все дно было видно. Местами попадались широкие омута, наполовину затянутые илом; возле них жались, перелетая с места на место, кулички. Их тонкий приятный свист раздавался то впереди, то позади.

- Ты, барин, их не бей, – уговаривал меня Сидор, мелочь – дрянь! Не стоит! Утку спугнешь, смотри.

Не доходя несколько шагов до остатков старой плотины, действительно мы спугнули кряковую утку. Она поднялась из-под яра, с шу юм, колом, вверх так близко, что я разгорячился и спуделял.

Услышав выстрел, она быстро, как молния, повернула за кусты и мой второй заряд, пущенный с досады, ударил по сучьям.

- Ах ты, братец ты мой! Пойди-ка вот; и близко быдто, а не задело. Мимо пронесло.

- Да, умирать, видно, полетела. Сидор, пойдем назад. Испугали утку-то, дело сделали, ну и будет.

Мы вернулись на старое место, в ольховник, и возобновили прерванный разговор. Рыба у пастушонка клевала то и дело. От

разложенного у самого берега костра тянуло на ту сторону сизым дымком, и дальше кусты не то качались, не то струились сквозь эту легкую дымку.

Кругом было хорошо, светло, тихо.

- Про мельницы-то я тебе давеча говорил. Не то, что мельницу – простую избу, и то на чью-нибудь голову ставят, а уж ее и подавно. Не поставь ее как следует, водяной свое возьмет: либо человека, либо двоих утопит, под Ильин день. А коли их, поставов-то, десять, тоже на одну голову не построишь, а десять подавай. Сперва спросись, а после ставь, коли утопленника не хочешь.

- Один парень, рассказывают, купался возле мельницы да и нырнул. Как нырнул, так и угодил прямо в дверь, к водяному. Тот его и задержал у себя – кормил хорошо, говорить нечего, спать давал вволю. – Оставайся, говорит, у меня. – Ну, парню уйти нельзя, некуда, – стал он у него жить. Только жил, жил парень и заскучал: начал домой проситься. Водяной и говорит:

- Ладно, только поцелуй у меня коленку! – Парень-то, видно, не дурак был: взял да на руке ногтем крест и написал, да, вместо колени, к нему и приложился. Так его ровно кто за ноги из воды-то выкинул, да прямо к его избе. Жена увидала, обрадовалась. На деревне диву дались, что парень живой вернулся. Пропадал он у водяного три года, а ему за три дня показалось. Ну, попа призвали. Стал его поп отчитывать по псалтырю. Только начал читать в книгу-то, вдруг зашумело, угол у избы приподняло, и вылетела в него вся нечисть из парня. Как рукой сняло. Вот какие дела! Коли мельницу завел – умей ее удержать.

- Да чем ее удержишь-то? Вот ты ведь знахарь, – заметил я. – Сумеешь?

- Нет у меня той травы, какую надо. Во всей округе здесь ее нет. Кабы была, так можно. Листочки этак широконышки, разрыв-травой называется. У нас, когда мы еще барские были, жил на селе мельник. Петрухой звали. Такой был дока, что на редкость. У барина, у покойника, четыре мельницы

было – он один со всеми справлялся. На сто верст поезжай кругом, лучше Петрухиной муки не было. А почему все? У него четыре водяных моргулятки в услужении были, да прыг-траву имел. Без нее колдун все одно, что без рук, а без тех-то ни одну мельницу не удержишь. Вот он и спознался с ними. Как он с ними спознался – Бог весть; только жил себе этот Петруха, и барин его за работу уважал. Приказчик возьми да и позавидуй Петрухе: нажаловался на него барину, будто он барскую муку продает. Барина, на грех, в имении не было. Получил он письмо, пишет в ответ: - распорядись, мол, как знаешь...

- Приказчик, не долго думая, взял и заковал Петруху в кандалы. Тот спрашивает: «За что?» – «Да, барин, говорит, велел, в солдаты тебя взять, а кандалы, говорит, для того, чтобы ты не убежал». Петруха и засмейся на эти слова: «Так нешто думаешь – удержат они меня, коли я не захочу? Они, говорит, у тебя пересохли» Тряхнул ногами-то, они и разлетелись в разные стороны. – Вот, говорит, тебе и кандалы! Видел? Для тебя, говорит, это железо, а для меня тлен! А вот что, коли хочешь по-дружески, не куй меня, а так вези, я не сбегу. Закуешь, так и меня не увидишь... Приказчик-то и смяк. Видит, дело не ладно: человек не простой. Мужики с Петрухой прощаться пришли. Слышали мы, говорят, про твое несчастье, будто тебя в солдаты сдают. – Никакого, братцы, говорит, у меня несчастья нет, а так в город меня ведут тамошних калачей отведать, да водки попить. Опять здесь буду у барина мельницы строить, и вам работишки дам.

Мужики, знаешь, молчат да на него смотрят. – Вот, говорит, приказчик-идол меня не пускает, а работы теперь мало ли. Отлучиться-то нельзя... Ну да я своих меньших братьев pošлю! Они за меня сделают. Говорил, говорил, да как крикнет! «Эй вы! Ступайте, столкните, лежень со свай-то! Там не сладят: на шипах больно крепко положен!»

Мужики на Петрушу смотрят, диву даются: с кем это он говорит? А он опять: – Ну, ребята, говорит, идите пособить, идолу-то нужно мельницы

спустить. Первую-то ловко перековыркнули! Пускай трудно было: земля-то мерзлая. Ну, а другую-то завтра уж; третью – как на половине дороги буду, а четвертую – когда в город приеду!.. Только мужики от Петрухи вышли, да толкуют, знаешь, промеж себя – приказчик навстречу едет. – кричит: – Братцы! Помогите! У меня верхнюю мельницу прорвало! Поскорей надо у низовых вершники опустить! Пришли к мельнице, а ее вовсе перевернуло. На заре, как Петруху увели, другую прорвало; к обеду третью, а на третий день и четверту. Приказчик хлеба лишился. Как две-то сломало – к барину послал. Тот приехал, насили упросил Петруху пойти в солдаты. Видит, что дело без него не пойдет. А Петруха уперся на своем. Только когда барин розгами пригрозил – ну, сдался. Потому, ежели колдуна розгами тронуть – все дело расклеится: нечистые слушаться не будут, озоровать начнут. Опять Петруху в мельники определили. Все в один месяц справил. Одно слово дока был. Волшебные травы знал. Трава такая есть, - чертогоком зовется: листочки у нее, как перышки, словно у папоротника, только коротенькие, по земле стелются. На лугах при дорогах везде есть. Без этой травы ни один мельник воды не остановит.

- Как не остановит?

- Да ведь вода-то на прибыль идет весенней порой. Ну, так, значит, ей ходу большого не надо давать, на убыль чтобы шла, а то через плотину катать будет... Свинью черную для водяного тоже откармливают, а то и плотину разнесет, и самого мельника мукой замучит: сонного душить станет, в неделю изведет. Они тоже ведь не свой брат. У незнающего мельника того и гляди дело от рук отобьется: водяные ходу не дадут, выживут. Как завелись, так всю работу бросай. Такая мельница чертовой зовется: известное дело, кто на ней хозяин-то... Всю ночь работа идет без усталости: колеса вертит, жернова вертит, стук, гром... Сама мелет, сама веет; на сто верст пыль мечет. Нечистые у ворот толкутся, крестьян закликают: – «Мужички! Завертывайте!» и денег не берут, а поди-ко смели, так и не обрадуешься!

Половина не половину песку. К слову молвить, сказка есть про Медведку. Усилок такой был: у медведя в берлоге вырос. Пришел из лесу в свою деревню (сбежал значит) – не стало от него житья никому. Которого за руку хватит – рука прочь, за голову – голова прочь; за ногу – ногу выдернет. Что с ним делать? Вот мир и решил: пошлем его, старичка, на чертову мельницу, чтобы он их извел (моргулюток-то). Пошел Медведко, дождался полуночи – смотрит, а они все колеса облепили, словно мухи. Вот он взял лом железный и их этим ломом ну подбивать. До самого наибольшего дошел, до дедушки. Тот ему денег кучу отвалил. – «Только оставь!» – говорит. Так и откупился. Ведь у водяных золото все одно, как у нас камни – нипочем. Коли хитрый да сильный человек их хорошенько припугнет – богат будет, только не плошай. От водяного, раз он силу возьмет, – не одному мельнику, а и рыбаку с пчеляком плохо бывает. Начнет озоровать – так удачи не жди. Ну, да коли полюбит, тогда рыбаку пожитуха: ни о чем не заботься; только знай из воды потаскивай, да в городе продавай. Этой рыбы нагонит просто страсть, таскать не перетаскать; да еще сам и за снастями приглядит, не попало ли в них чего. А мало ли у рыбака снастей: сети, невода, мережи – на все глаз нужен да время. В бурю от лодки не отойдет: оберегает, как бы волной не захлестнуло. Вот он какой водяной-то, как раздобрится! Ну да хитра нечистая сила, а все не как человек. Попался раз рыбакам водяничок, так, махонький. Положили они его на берег, он и давай биться об землю, словно рыба без воды. Душно ему, несвечно. Пустили его, дурака, в лужу – он и зажил, веселый стал. Думали, думали, что с ним делать? А водяной так по реке и мечется, сердитый... Рыбаки-то не промах были, домекнулись. – Возьми, говорят, дедушка водяной, своего сына, а нам рыбу загоняй! – Взяли и пустили водяничка в воду, так что ты думаешь? Им после того такая удача пошла, на удивленье. Пудами стали рыбу-то таскать. Снастей одних сколько перервали!

- Рыбу ведь тоже не всякую ловить надо; от иной подальше, не то беда приключится.

- Да как же ее распознаешь? На ней не написано.

- Только ту лови, которая против воды идет, а ежели по воде – дело не чисто. Сом попадется – молчи, знай, не бери, не говори, что, вот, мол, чертова кота поймали, а скажешь, так и не отвяжешься: уж водяной чего-нибудь да набедит.

Кто вот еще пчелами занимается, тому тоже про водяного забывать не след. Первый рой – в мешок и с камнем в воду, потому первая пчела от водяного, стало быть, пошла; до него и не знали. Лошадь он мужицкую заездил, да в болото и бросил. От этой лошади и отроились первые пчелы. Пришли рыбаки, стали рыбу бродить и выволокли пчелиный рой. С той поры на Зосима (17 апреля – Зосимы Соловецкого) водяной своей подачи и ждет.

Теперь ежели кто птицу водит, гусей да уток держит, опять без водяного нельзя. Случится, не доглядишь, уйдут, куда или заплывут – с ног собьешься искавши. Попадется добрый водяник, всю птицу упасет, не надо лучше. За услугу он по осени гуся просит. Дадут – он опять все лето пасет, а попробуй не дать – вся птица распропадет. Кому охота от водяного беду накликасть? Все беды на воде от него. Увидит, что в лодке едут – первый в омут затащит, либо в толукн, где вода на одном месте, как в ступе, толчется. Из него, во сколько весел ни работай – не выбьешься, так и захлещет волной. Коли ты мельницу держишь – того и жди, что полтину размочит; коли рыбак – снасти все изорвет. Поскорей убирай, а то мало что изорвет, и рыбу-то всю на волю выпустит. Страху такого нагонит – хоть умирай. Случится, сам, за место рыбы, в сети ввалится; ячеи все порвет да и ухнет в воду. Оборачиваться всячески учнет. Не так чтобы давно, один нашенский рыбак сказывал. Сижу это я, говорит, в лодке, с полверсты от берега – вижу, утопленник плывет, плывет-то близко. Дай, думаю, возьму в лодку: может, не из наших ли. Подплыл, втащил, положил в лодку и думаю себе: человек вовсе не знакомый, зачем, мол, я его взял. Кабы, думаю, греха какого не вышло. Борода, говорит, рыжая, большущая такая, а ростом не так чтобы

велик. Только лежал он, лежал, да вдруг как захохочет; вскочил на ноги, бултых в реку. Чуть лодку не утопил. Выходит, это сам водяной-то и был. Так я говорит, после этого, на то место и ездить бросил, даром что рыба всегда хорошо там ловилась. Задал памяти!

Через реку переправиться не дает: ухватится за лодку и тянет на дно. Кроме креста, ничем не спасешься. Надо либо лесу, либо лом взять, что под руками, да на воде крест и написать. Тогда отстанет. По весне вон Волга на песок утопленников выкидывает, взглянуть страшно: раздутые, синие. Это их водяной давил. Тело-то наверх всплыло, к берегу прибило, а душа к водяному в глубину пошла. И выходит черту баран: зря душу-то загубил.

- Да ведь иной нечаянно, и не хочет, да утонет, – заметил я.

- Я не про них и говорю, а про самоубивцев. На них ведь водяные-то льстятся. Днем все ничего: солнышка они боятся, а как закатится – редкий купаться пойдет. Неровен час в воду утащит, особливо кто без креста. Все утопленники у водяного под началом. Они только того и ждут, сидят на дне скорчившись, да за ноги и хватают, кто в неурочное время в воду полез. Один стрелец в озеро за уткой пошел, так через силу отбил. Синяки на шее и до сей поры знать. Опоздай малость – задушил бы. К ночи водяной заживает. Какое вечером купанье! Пить ночью – и то с опаской надо, не то, пожалуй, водяная скорбь привяжется. Теперь вот наше дело возьми. Пасу я скотину – и то должен водяника опасаться. Коли злой попадется, скотине ходу не даст. На водопое испугает, загонит бог весть куда. Мало покажется, так из воды вылезет, оседлает корову, либо лошадь и учнет маять. Мает, мает, гоняет, гоняет, да в болоте и утопит. Ищи ее после.

- А у тебя ни разу не пропадала скотина?

- Нечего Бога гневить, жаловаться. Мало пропадало. Всего раза два, да и то волк резал. И чего бы этим водяным у себя по озерам да по рекам не сидеть – нет, поди ты, все к людям жмутся. Не могут без них, стало быть. А чего бы? Под водой-то у них, сказывают, палаты понастроены. Живут,

царствуют. Редкий год проходит, чтобы бабы да девки не тонули. Как которая утонет — к водяному в жены. Русалки-то оне самые и есть. Водяницами еще их кличут. Попадают в них либо утопленницы, либо родителями проклятые. Детей у водяных много, только не все свои, бывают и краденые. Вот у нас бабы, когда разозлятся, так говорят: Ах, чтобы тебя леший унес! Ах, чтоб тебя водяной унес!.. Таких слов не надо зря говорить, а то, пожалуй, вдруг ее слова-то и станутся. Те только того и ждут. Унесут у матери ребенка, да, за место негò, и оставят в зыбке полено в тряпках, либо своего бросят водяничка; а они с виду дурные, глупые, обжоры. Он до одиннадцати годов только и делает, что без перечи ест да силу копит. Сила в нем не как в человеке, а как в доброй лошади. Бывает так, что подрастет, и в лес, либо в болото сбежит. Который и останется, так не на радость: со всей нечистой силой спознается, колдуном злым станет, учнет людей портить, скотину.

- Зимой-то они к себе в подводные палаты уходят? Там живут?

- Надо так думать. На зиму-то водяные спать ложатся, вплоть до весны. Придет весна — они свадьбы играют, пляшут, веселятся. Подопьют — всю воду в реке взбунтят. Зимой где им куролесить-то? Из-подо льда не выберешься, а коли вздумаешь через прорубь посмотреть — так бороду приморозить. Дедушка-то Мороз не больно ихнего брата любит. Русалок тоже по зимам не видать; ну да об них я в другой раз; и про них ведь немало побасек-то. А теперь, барин, давай уху попробовать — заключил свой рассказ Сидор, пробуя широкой деревянной ложкой из кипевшего котелка.

- Ах, горьковато быдто. Видно желчь попала. Федюшка! Чего ты уши-то развесил? Ступай, ешь!

ЗАДАНИЕ. Почему работа называется «Языческие сны русского народа»? Какие черты языческих верований мы видим в очерках Садовникова?

Русская земля. Жигули и Усолье на Волге (наброски путем-дорогой)

В 1872 году в журнале «Беседа» в № XI в отделе «Внутреннее обозрение» была опубликована статья Д. Садовникова «Русская земля. Жигули и Усолье на Волге (наброски путём-дорогой)», где излагалась история Жигулей и Усолия и особенности заселения территории Самарской Луки. Это была одна из первых работ, посвящённая Самарской Луке. Вашему вниманию будет предложена одна из легенд о Степане Разине.

Приток казаков и беглых в эти привольные и пустынные места начался ещё при Иоане IV, усилившись во время Годунова; но недовольство народа, высказывавшееся в разбоях и всякого рода удалстве, достигло высшей степени при Алексее Михайловиче. Появился Стенька, и около него группируются самые старые предания и рассказы на Самарской Луке. Последние годы XVII столетия были самыми беспокойными годами в Жигулях и вообще на Волге. Народ говорит, что в знаменитых горах удалец и колдун Разин живал иногда подолгу. Много бугров с его именем разбросано по реке, много разных городков носит название Стенькиных. Какая-нибудь большая пещера (что в Жигулях не редкость) — непременно Стенькина. Если вам рассказывают про длинный подкоп или подземный ход к Волге, то знайте наперед, что его копал все тот же Стенька. Он до такой степени жив в народной памяти и удалство его было из таких крупных и блестящих, что народ думает о Разине как о живом человеке, не будучи в состоянии помириться с мыслию, что такой богатырь мог умереть. Здесь у места рассказать о нем одно интересное предание, имеющее прямую связь с Жигулевскими горами. Я услышал его нечаянно в день отъезда. Оно было когда-то записано всё в тетрадку, потом ходило по рукам, затерялось, и подробности улетучились из памяти рассказчика. Тем не менее основа уцелела. Предание говорит так:

Когда на Волге были ходовые суда, ссадил хозяин в Жигулях одного больного бурлака (таков был, действительно, бесчеловечный обычай прежнего времени), и пошёл он, хворый, по тропе в лес. Долго ли, мало ли шёл, только попал бурлак в страшную трущобу. Дело было к вечеру; устал, а приютиться негде. Призадумался, бедняк, и застала его в дороге тёмная ночь. Вдруг впереди, из заросшего оврага, сверкнул огонёк. Собравшись с последними силами, путник пошёл на него и увидел землянку в непроходимой чаще. Постучался в неё и сотворил молитву. Вышел старый старик, волосами инда весь оброс, такой высокий.

- Дед, укрой меня от тёмной ночи.

- Ступай своею дорогой, — грубо молвил старик, — нечего тебе здесь делать; или ты страху не видал?

- Чего мне бояться, — отвечал бурлак, — я хворый, устал, взять у меня нечего.

Он думал, что пустынный про разбойников говорит, — в ту пору по Жигулям сильно пошаливали.

- Ну, пожалуй, коли не страшно, так переночуй, — сказал старик и пустил бурлака в землянку.

Вошёл он, видит, что келья большая и старик в ней один, — никого больше нет. «Верно спастись удалился сюда какой святой человек», — подумал бурлак, лёг в уголок и заснул с устатка крепким сном. Только около полуночи просыпается от страшного шума; кругом лес трещит от сильного ветра, по лесу гам идёт, крик около землянки, свист. У старика огонь теплится; сидит старик, дожидает чего-то. И налетела вдруг в землянку всякая нечисть. Начала тёмная сила тискать и рвать старика, что есть мочи. А у него груди, словно у бабы, большие. Двое чертей давай эти груди мять, припали к ним, сосут. Бурлак всё время лежал ни жив, ни мёртв от страха. Вся хворь пропала. Чуть не до самого света тискали нечистые старика, потом вылетели из землянки. Только перед рассветом дед продохнул, дух перевёл и

говорит бурлаку: «Знаешь ли кто я, и за что они меня в этих горах мучают?.. Я — Степан Разин; это всё за свои грехи я покою и смерти себе не знаю. Смерть моя — в ружье, заряженном прыг-травой». И дал Степан бурлаку запись о кладе в селе Шатрашанах, Симбирской губернии. Значилось в записи: «40 маленок (пудовок) золота, многое множество сундуков с жемчугами. На все деньги, которые в кладе, можно всю губернию сорок раз выжечь и сорок раз обстроить лучше прежнего. Вот сколько денег. Ни пропить, говорит, ни проесть всей губернии Симбирской. Как дороешься до железной двери и войдешь через неё, то не бросайся ни на золото, ни на серебро, ни на самоцветные камни, а бери икону божьей матери. Тут же стоят и заступ, и лопаты, и ружьё, заряженное прыг-травой. 40 000, награбленных у одного купца, раздай по сорока церквям. Пять рублей меди, брата моего Ивана, раздели между нищею братией. Возьми ружьё и, выстрелив из него, скажи три раза: «Степану Разину вечная память!» Тогда я умру и кончатся мои жестокие муки. «Взял бурлак запись и выбрался из Жигулевских гор. Был он, конечно, неграмотный и отдал бумагу мельнику, а тот на ней табак нюхательный сеял. Воспользовались прохожие-грамотеи и стали рыть клад. В записи говорилось, что при рытье ударить 12 громов, явится всякое войско, и конное, и пешее; только бояться этого не надо. Долго рыли; бывало как праздник, так и роют. Осыпался вал и осела дверь. Выход был выложен жжеными дубовыми досками. Может, и дорылись бы, да сплюшали в одном слове, — клад-то и не дался. Подходит, этот раз, служивый:

- Что, ребята, роете?

Те и ответили:

- Петров крест (растение).

Всё в ту же минуту и пропало. Так Стенька и по сю пору мучается.

На первый взгляд, в этом предании есть, пожалуй, некоторое сходство с муками Прометея, хлопотавшего достать бедным людям огня. Декорации самого действия схожи: и тот и другой — в горах; оба переносят свои мучения

сдержанно и гордо. Вместо летающей хищной птицы предание говорит о крылатой нечистой силе. Не трудно заметить, что раскол придал свой оттенок всему рассказу, особенно в тех отрывках из записи, где говорится о распределении денег и о молитве за грешную душу. Взгляд на Разина, как на страшного грешника, вовсе не общий взгляд всего народа. Предание, сложенное по всей вероятности волжскими бурлаками старых времен, прошло через руки людей набожных; а так как главный процент их в расколе, то влиянием последнего и объясняется такой односторонний взгляд русского человека на Стеньку. Кроме рассказов о себе и своих подвигах, последний оставил на Самарской Луке следы другого рода. Известно, что на дороге к роковому Симбирску Разин побывал и погулял в Жигулях. Село Рязань или Резань, находящееся в юго-западной части Луки, было его любимым местопребыванием. Он подолгу, говорит народ, жила в нём. Ещё недавно в лесу были видны остатки Разина городка, того места, где было Стенькино логово. Следы какого-то укрепления на берегу Волги приписывают тоже ему. Когда я ехал в Жигули, то слышал много рассказов про большую пещеру, в которой скрывался Разин и до которой дойти очень мудрёно, потому что кругом чаща. Всё оказалось вздором. В самих Жигулях пещер много, но они малы и вообще не совсем удобны даже для временного пребывания. Более значительные углубления встречаются в Сокольных горах на левом берегу Волги. Местные крестьяне недоумевали даже, когда я их расспрашивал про Стенькину пещеру (печору). Ходит слух в народе, что около упомянутой выше Рязани есть подземный ход в несколько верст, до самых Жигулей; что ход этот задуман Разиным с целью иметь возможность неожиданно появляться в двух совершенно противоположных пунктах Волги. Уса в этом случае, пожалуй, предупредила Стеньку. В 1840-м году был ещё жив в Рязани крестьянин, однофамилец знаменитого атамана. Отличался он здоровьем, мужественным видом и высоким ростом. Крестьянин этот утверждал, что предки его были сродни Стеньке. Ещё не так давно братья

Разины были чуть ли не первыми кулачными бойцами описываемых мест. Кулачные бои с татарами сменили прежнее удалство. Во время сильных разбоев, шайки, говорят старожилы, проживали в Рязани, а грабить выплывали из Жигулевских гор. Рязань служила только отводом. Не даром же жители этого небольшого села слынут за р е з а н ц е в, — ясный намек на прежнее ремесло. Почему эти горы Жигулями зовут? — спросил я в селе Жигулихе одного семидесятилетнего старика. — «А кто их знает», — отвечал он. — «В прежнее время, слышь, в этих местах людей жгли, с той поры вот нас и дразнят этим: жигулевцы да жигулевцы». Оказывалось по расспросам, что людей действительно жгли, или, вернее, поджаривали. Это была своего рода разбойничья расправа и пытка. Человека, у которого надеялись найти деньги, раздевали, в случае его заперательства, донага и секли зажженными вениками, пока не скажет, где спрятано добро. Подобная операция в Жигулях носила общее название: «жечь на вениках». В народе ещё остались следы этого жестокого обыкновения. Так, когда кто-нибудь запирается и лжет, то ему говорят: «на веники бы тебя». После Разинского погрома в Жигулевских горах проживал некоторое время и разбойничал Федька Шелудяк с 2 000-ми разинцев-головорезов. До сих пор в горах есть барак с его кличкой. За эту последнюю вспышку подавленного восстания шли в Жигулевских горах постоянные разбои множества шак, атаманы которых частью памятли народу, частью занесены со всеми своими подвигами в губернские и уездные архивы. Помнятся имена Булавина, потом Заметаева и многих других. Приемы разбойников и средства везде были одни и те же. Завидев с какого-нибудь кургана приближающееся судно, удалые сходили к густым береговым кустам, отвязывали лодки, ждали. Вооружены они были кто чем попало. В первое время нападали и среди белого дня, а потом, когда правительство стало усиливаться, — преимущественно ночью, зажигая своим товарищам сигнальные маяки, как знак дружного нападения на караван судов. Лёгкие, нередко расписанные струги (лодки) выплывали из-за кустов на середину

реки, и разбойники без всякого опасения лезли на палубу. Сопровращения не было. Жигули собирали исстари заведённую дань. «Сарынь на кичку!» — производило удивительное действие. Все бурлаки, тянувшие в то время нагруженные суда, падали ничком на носовой части судна (кичка — нос) и позволяли гостям делать с хозяевами, что вздумается. Хозяйская водка, раздаваемая лямочникам в виду Жигулей, мало задабривала дешево нанятый рабочий люд. Хозяин соблюдал только свои личные интересы, забирал в бурлаки самый неимущий народ, назначая ничтожную плату, и этим самым не гарантировал себя и свою п о с у д у от разбоев. Бурлаки блюли свои интересы. Случалось, что члены какой-нибудь отчаянной шайки нанимались в бурлаки на богатое судно, переодеваясь из богатого платья в простые ч а п а н ы . Проезжая разбойными горами, они выдавали хозяина с головой и снова присоединялись к своей шайке в качестве усердных грабителей...

ЗАДАНИЕ. Какие проблемы поднимает Д. Н. Садовников в этом отрывке? В чем особенности легенды о Стеньке Разине?

Данную сказку Д. Н. Садовников записал у ставропольского пастуха Абрама Новополяцева. Впоследствии студентам будет предложено сравнить сюжет и образы этой сказки со сказкой, записанной В. А. Малаховским в 40-е годы XX века.

Лиса и Кутафей Иваныч

Жила-была лиса, при беседе краса. Такая была при беседе красота, ходила в деревню и обгадила ворота; пошла по гуменью гулять, Кутафея Иваныча поискать. Кутафей Иваныч идет, на плечах саблю несет, хочет лисыньку срубить, ее душу погубить. Лиса его в гости позвала, Кутафеем назвала.

- Ба-ба-ба! Кутафей Иваныч! Пойдем ко мне, может, не будешь мне голову рубить.

- Пойдем, пойдем, Лиса! (грубо таково говорит). Ты, лисица, ты недавно, лисья красота, обгадила ворота.

- Ох, куманек. Кутафей Иваныч, вы полноте меня стыдить: я честная лисица, хорошего отца красная девица. Я по лесу гуляла, белых зайчиков ловила, Кутафей Иваныча в гости зывала. Постряпать хочу, Кутафей Иваныч! Да пожалуйста, барин, в гости.

- Завтра при-и-ду!

Лиса в лес побежала, нашла косоного зайца.

- Пес! Косой заяц! Кутафей Иваныч завтра в гости придет ко мне, палачом тебе голову снесет! Приходите его глядеть!

- Приду, лисица, красна девица (тонким голосом говорит). Побежала к волку.

- Красноглазый пес, старый волк! Не знаешь мово горя?

- Что у тебя, подруга, за горе?

- Кутафей Иваныч в гости идет, чем его подчинять? Поди, тащи, волк, овцу!

Волк пошел, овцу поймал, к лисьей норе принес.

- На, подруга, жарь?

Лиса захватила, в нору потащила; зажарила — побежала к медведю.

- Мишка, толстопятый пес, что лежишь?

- Ты что, кума? (басом).

- Кутафей Иваныч в гости идет! Потчевать нечем. Поди теленка достань!

- Я пойду принесу; да де мне его поглядеть-то?

- Приходи к моей норе: он у меня будет на дворе, а теленка не принесешь — палачом голову снесет!

Медведь теленка к лисьей норе принес. На утро лиса исправила Кутафей Иванычу обед и сказала волку:

- Ты, волк, лезь на березу, а ты, медведь, - на сосну; а ты, косой заяц, - под корягу.

Им места развела и Кутафей Иванычу стряпни припасла. Пошла на гумно за Кутафей Иванычем и нашла его там.

- Ба-ба-ба, Кутафей Иваныч! Пойдем ко мне в гости.

- Пойдем, лисица!

Пошли. Привела лиса его к норе, а волк на березе сидит, а медведь на сосне, и крепко спит. Сидит на сосне и видится ему во сне: Кутафей Иваныч идет, палачом голову снесет. Кутафей Иваныч пришел, лиса его угощать стала: вытащила ему овцу, положила под березу; вытащила теленка, положила под сосну и повела:

- Кутафей Иваныч, поку-шайте!

Кутафей Иваныч начал умывать овцу, а лиса стала волку кричать:

- Слушай, волк, что Кутафей Иваныч будет говорить! (А ведь кошка все: «мау, мау!»), а волк думает: мало, мало!)

Кутафей Иваныч овечку поел и теленка захотел. Теленка ест да мурлычет:

- Мау, мау!

А медведь слушает.

- Мало, - думает, - принес.

А косой заяц под корягой лежит и хочется ему поглядеть, какой у него палач. (А это у него хвост). Вот он, значит, под корягой лежит, скукожился, и хочется ему поглядеть, сколько он велик; поворотился, прутья зашевелились, а Кутафей Иваныч думал мышь, да лапами под корягу тык, а заяц из-под коряги-ти прыг! Кутафей Иваныч зайца испугался, да на березу, а волк-то думал, что он его идет есть, с березы-то прыгнул да убился. Кутафей Иваныч

с березы-ти да на сосну, а медведь с нее прыгнул и голову сломил. Которы по-охли, а прочи разбежались. Сказке – конец; ее сказал молодец.

ЗАДАНИЕ. Определите жанр сказки, ее тематику, композицию, изобразительно-выразительные средства, использованные для создания образов. Соотнесите содержание данной сказки с содержанием сказки, записанной В. А. Малаховским.

Данная сказка напечатана в сборнике Д. Н. Садовникова «Сказки и предания Самарского края» и записана от ставропольского пастуха Абрама Новопольцева.

Девушка Снегурочка

Жил-был старик со старухой. Не было у них детей ни единого. Вот они пошли зимой на двор; выпал молодой снег. Они нажали белого снегу ком, положили его в ступу и сделали девушку Снегурочку, отличну красавицу. Вот она росла не по дням, а по часам, и выросла так великолепно; и шабренки были у неё ближние девушки, маненьки. Приходят шабренки к старику со старухой.

- Дедушка и бабушка, пустите девочку Снегурочку с нами по ягоды! - Возьмите, да не потеряйте!

Ну и пошли в лес по ягоды. Все девушки домой пришли, а ведь она была бестолкова: в лесу заплуталась, и теперь там. Напала на неё Яга Баба и унесла домой; заставила ребёнка качать. Вот она его качает да приговаривает:

А баю, баю, баю!

Шелудяк, пестяк!

Услыхала его мать, стала девушку ругать.

- А не так, б...ь, качаешь и не так слова говоришь! А вот как говори:

А баю, баю, баю!

Вот боярский сын!

На ноженьке – сапожки,

На рученьке – перстенок!

Он и уснул. Она вышла на завалинку, сидит и поплакивает девушка Снегурочка во тёмном лесу.

Гонится овечье стадо. Подбегает к завалинке баран.

- Бя, девушка Снегурочка, что ты горько плачешь?

- Как мне, баран, не плакать: меня Яга Баба домой не пускает.

- Садись на меня, я тебя домой увезу!

Она села. Вот баран бежит да больно часто сикает, а его Яга Баба догоняет. Барана Яга Баба догнала и девушку Снегурочку отняла. Привела домой, заставила опять дитю качать. Вот она его качает да приговаривает:

А баю, баю, баю!

Шелудяк, пестяк!

Услыхала Яга Баба, стала девушку бранить.

- Не так, б...ь, качаешь и не так слова говоришь! А вот как говори:

А баю, баю, баю!

Вот боярский сын!

На ноженьке сапожок,

На рученьке перстенок!

Он и уснул. Девушка Снегурочка на завалинке сидит и поплакивает. Гонится бычье стадо. Чёрный бык к ней подбегает.

- Что, девушка Снегурочка, плачешь?

- Как мне, Черняюшка, не плакать: я одна разъединя дочь у батюшки и у матушки, и то меня Яга Баба домой не пускает.

- Садись-ка на меня!

- Э, где тебе? Меня баран и тот не довёз.

- Я увезу, только ж...у мне соломкой заткни.

Девушка Снегурочка на бычка села, ж...у соломкой заткнула. Бычок бежит, только земля дрожит. Яга Баба хватилась, девушки Снегурочки нету. Села на железную ступу, да железным пестом погоняет, гонит, гонит, приговаривает:

- Голон, голон, голынчач, голынчач!

Бычка догнала, хотела девушку снять, а Черняюшка девушке наказал:

- Как она будет тебя сымать, ты ж...у мне ототкни: я буду ей в глаза дристать!

Яга Баба быка догнала, хотела Снегурочку отнять, а вот девушка Снегурочка быку ж...у ототкнула... Окатил Ягу бычок с головы до ног и глаза ей залепил и в три шеи проводил. Приехала Снегурочка к отцу с матерью, стала с ними жить.

ЗАДАНИЕ. Сравните данную сказку со сказкой, записанной в 40-е годы XX столетия В. А. Малаховским.

Сказка «Фома Богатый» записана Д. Н. Садовниковым от ставропольского пастуха Абрама Новопольцева и напечатана в сборнике «Сказки и предания Самарского края».

Фома Богатый

Жил-был Фома Богатый: ни скинуть, ни надеть у него не было, а постлать не заводил. Приходит к нему Лиса.

- Что ты, Фома Богатый, чай тебе жениться хочется?

- Когда не хотеться, да у меня, - говорит, только кот да кобель; кто за меня пойдет?

- Я у купца, - говорит Лиса, - дочь усватаю!

Вот Лиса невесту сватать полетела и хвостом завертела. А по описи он был Фома Богатый, славуший (знаменитый). Купец позавидовал богатству, захотел жениха поглядеть: а он оброс, как шут...

Лиса и говорит Фоме Богатому:

- Ах, Фома, надо тебя обмыть и волосы на тебе подстричь, ехать невесту глядеть.

- А в чём я поеду глядеть-то?

Лиса говорит:

- Надейся на меня! Я тебя одену. Побегу базаром, а ты в лавках одежду цоп да цоп.

Вот Лисица, красна девица, базаром полетела, только хвостиком завертела; а Фома Богатый в одной лавке сертучок сцопал, в другой картузик слизал; а третью лавку забежал, сапожки со скрипом достал.

- Ну, - говорит, - спасибо, Лиса, тепеь можно и свадьбу заводить.

Поехали глядеть невесту. Был он дедняк, а лицом был хорошевит, губы по осметку, а нос как башмак. Посмотрели невесту: жених невесте показался, а жениху невеста показалась. У купца не пиво варить и не вино курить сейчас да и за свадьбу. Сегодня их обвенчали, а завтра к Фоме помчали. А у Фомы ни кола, ни двора. Собирает купец своих родных к Фоме Богатому погулять, дом его, именье посмотреть. Лиса нахвалила, что у него пять табунов: есть табун конный, есть табун рогатый, есть стадо овечье, да стадо гусино, да есть

стадо пырино, да есть стадо курино. Вот поехали. А в селеньи, где Фома жил, жили Змей Горыныч с Змеёй Горыновной. Эти стада были их, а Лиса нахвастала, что они Фомы Богатого. Горные идут горновать, а Лиса к Змею Горынычу побежала и к Змее Горыновне, велела им из дому убираться.

- Едет к вам в дом царь Гром и царица Молонья. Царь убьёт, а царица сожжет!

Змей с Змеёй отвечают:

- А куда же нам деваться?

- Лезьте в гнилую колоду!

Змей Горыныч и Змея Горыновна убрались, а Лисынька в чисто поле полетела. Подбегает к конным пастухам:

- Пастушки-дружки, чьё конное стадо пасёте?

- Змея Горыныча и Змеи Горыновны.

- Ох вы, пастушки-дружки, не говорите так! Говорите: Фомы, мол, Богатого: едет царь Гром и царица Молонья, царь убьёт, а царица спалит!

Побежала к коровьим пастухам:

- Пастушки-дружки, чьё коровье стадо пасёте?

- Змея Горыныча и Змеи Горыновны.

- Ох вы, пастушки-дружки, не говорите так. Говорите, что Фомы Богатого! Едет царь Гром и царица Молонья, царь убьёт, царца спалит!

Вот едет купец и доехал до конного стада:

- Чьё стадо?

- Фомы Богатого.

Доезжает до коровьего стада, спрашивает:

- Чьё?

- Фомы Богатого.

Приехал купец с гостями в огромный дом, где Змей Горыныч с Змеёй Горыновной жил, и стал пить, гулять. Напились все хмельные, пошли по двору. Лиса подвела их к колоде и говорит:

- Нельзя ли эту колоду расстрелять?

Вот они колоду расстреляли и Змея Горыныча с Змеей Горыновной убили. Всё именье Фоме Богатому досталось. Поехали горные домой, а Фома стал жить да поживать, все стада стал к себе загонять и огромный сделался богатым. Прошла свадьба; приходит Лиса:

- Дома ли Фома Богатый?

- Дома.

- Я тебя, Фома, женила, я тебя домом наделила. Дай мне овечку!

Дал он ей овечку. На утро Лиса опять идёт.

- Дома Фома Богатый?

- Дома.

- Я тебя, Фома, женила, я тебя домом наделила. Дай мне гуська!

Он ей гуська дал. Лиса зачала каждый день ходить. Дояла его всем.

Фома и говорит:

- Чай будет, Лиса, ходить? Я не буду тебя ничем дарить. Ну-ка, Серка, держи её!

Серка полетел за Лисой. Не успел только поймать - Лиса ширк в нору и сидит. Серка - у норы и глядит в неё. Лиса и спрашивает:

- Глазыньки, вы что делали?

- Глядели, как бы нору нам увидеть. Лисыньку бы собаке не поймать.

- А вы, ноженьки, что делали?

- А мы бежали, чтобы Лису собаки не догнали.

- А ты, хвостик, что делал?

- А я по полу тащился (грубо таково говорит), чтобы собаки Лису догнали и поймали.

- Ах, ты пёс лисий хвост! Вот взять да тебя собакам отдать!

Взяла да и высунула в нору-то и говорит:

- А нате вам, собаки, вам лисий хвост.

Серка за хвост цоп и разорвал Лису. Фома Богатый стал себе жить да поживать, худо проживать, а добро наживать.

ЗАДАНИЕ. С сюжетом какой известной вам сказки можно сопоставить события сказки «Фома Богатый»?

Произведения устного народного творчества из 558 фонда ГАСО

Оставшимся [Д. 5. Л. 7 об., 8]

Твоя горячая молитва,

Покинув, кто жену, кто мать,

Они пошли на поле битвы,

Чтоб жизнь за Родину отдать...

А мы остались... Но не сложим

Мы праздно руки... Работа есть!

По мере сил своим поможем

Мы ближним горе перенести.

Пойдем к матери, к невесте,

Туда, где плач детей и жен.

- «Он ранен!»... - «Он пропал без вести...»

- «Он пулей вражеской сражен...»

И тем, кому судьбой суровой

Надолго горе суждено,

Мы скажем дружеское слово

И горе облегчит оно.

Тяжело с тобой расстаться,
Родина моя!
Но солдата дом священен,
Он зовет меня.
Враг пришел и край родимый
Хочет покорить...
Так смелей же в бой родимый,
Землю защитить!
И солдатик на прощанье,
У родных полей
Горсть земли берет и прячет
На груди своей.
«Если ждет меня могила,
Пусть со мною в ней
Лежит горсть земли любимой
Родины моей».
Бурей битва закипала,
Смерть кругом лежит.
Но солдатик наш отважный
Перед врагом стоит.
На груди его мешочек
С образком висит
И отвагу в нем рождая
Дух его бодрит.
Вот настал и бой последний,
Страшный бой настал;
Наш солдатик - первый смело

Кинулся на вал.
Вдруг ударила неожиданно
Пуля в грудь его,
Воскликнул он и с ног свалился...
Но когда с него
Сняли платье, он очнулся...
Горсть родной земли
На груди была, и пуля
В той земле с ним
Лишь слегка задета ею
Грудь его была.
Так солдатика от смерти
Горсть земли спасла...

Не долго цветочку в садике цвести [Д. 7. Л 6. об.]

Не долго веточку в садике цвести.
Пора из цветочка веночик плести.
Не долго веночку на блюдечке лежать,
Не долго и блюдечку на столике стоять.
Не долго Авдотьюшке в девицах сидеть,
Не долго Филипповне в девицах гулять.
Золотая трубынька трубит по заре,
А душа Авдотьюшка плачет по косе:
«Свет моя косынька, русая коса,
Вечор тебя, косынька, девушки плели.
По утру ранехонько присылает
Васильюшка свахоньку.
Присылает Иванович грозную.

Стала она косыньку рвать и щипать,
Золото из косыньки вон извивать,
А крупный-то жемчуг вынизывать».

[Записана 1917 г., 9 июня со слов Серафимы Никаноровны Александровской. Орфография сохранена, изменена постановка знаков препинания. — А. М.]

Собрала Марьюшка всех подруг [Д. 7. Л. 6. об.]

Собрала Марьюшка всех подруг,
Ой-люли-ли, ой-люли-ли, всех подруг;
Посажала Петровнушка всех за стол,
Ой-люли-ли, ой-люли-ли, всех за стол;
Сама села Петровнушка выше всех,
Ой-люли-ли, ой-люли-ли, выше всех;
Наклонила головушку ниже всех,
Ой-люли-ли, ой-люли-ли, ниже всех;
Или тебе, Марьюшка, грустнее всех,
Ой-люли-ли, ой-люли-ли, грустнее всех;
Не ходи, Петровнушка, рано за водой,
Ой-люли-ли, ой-люли-ли, рано за водой;
На пролубли два голубя вечно гудуся,
Ой-люли-ли, ой-люли-ли, вечно гудуся;
Он тебя, Марьюшка, проманутся,
Ой-люли-ли, ой-люли-ли, проманутся;
От батюшки, от матушки отведут,
Ой-люли-ли, ой-люли-ли, отведут;
Ко свекру, к свекровушке приведут,
Ой-люли-ли, ой-люли-ли, приведут.

[Записана 15 августа 1917 года со слов Александры Шатиловой. Орфография сохранена, изменена постановка знаков препинания. — А. М.]

Я с двенадцати лет [Д. 7. Л. 10]

Я с двенадцати лет
По людям ходила.
День качала я детей,
Ночь коров доила.
Подоивши я коров.
Молоко цедила.
Уродилась я
Девушка несчастна.
Хоть красива,
Да бедна.
Плохо я одета.
Никто замуж
Не берет собственно за это.

[Записана 1917 года, 20 июля со слов Анастасии Коробовой. Орфография сохранена, изменена постановка знаков препинания. — А. М.]

Когда душа твоя тоскует [Д. 7. Л. 10 об.]

Когда душа твоя тоскует,
Надежды гаснут, как огни,
Над правдой клевета лукавит,
Кругом тебя враги одни.

Когда в борьбе слабеют силы,
Бедя приходит за бедой —
И плачешь ты в тоске бессилья —
Не забывай, что Бог с тобой!

Хоть тяжелы твои страданья,
Хоть цель стремленья далека —
И все желанные мечтанья
Оставить суждено тебе.

Хоть слов не слышишь одобренья,
И обездолены судьбой,
Но прочь, за правду есть сомненья —
Не забывай, что Бог с тобой!

[Записана 1917 года, 1 августа со слов Рахили Дубянской. Орфография сохранена, изменена постановка знаков препинания. — А. М.].

Машенька двориком шла [Д. 7. Л. 8 об., 9]

Машенька двориком шла,
Ровно пава проплыла;
Молодцу сердце загля.
Молодец парень неглуп,
Взошел в горенку не вдруг.
Наложил цепью на крук,
По горенке прошол,
К кровати подошол.
Стал авспрашивать у ней:

«Как ты, Машенька, жила,
С кой поры любишь меня?»
«С той поры тебя люблю,
Как гуляли мы в саду».

[Записана со слов Матрены Севастьяновой 3 августа 1917 год Орфография сохранена, изменена постановка знаков препинания. — А. М.].

ЗАДАНИЕ. Назовите основные темы песен и их идейно-художественные особенности.

*Маклаков М. Свадебный обряд в Студенцах*¹

Свадебный обряд в Студенцах записал М. Маклаков. Время от рождества до великого поста, т. е. в мясоед, этот период свадебный. Нет теперь того, что невеста, выходя замуж, не имеет представления о женихе. Жених с невестой погуляют и говорети, а потом жених посылает к невесте свою крестну сватать. В семье идет разговор, что, мол, надо Ванюшку жснить. Ванюшке с этими разговорами надоели, жених говорит: «Крестна, иди сватай Надюшку». Семейные начинают судить невесту (разбирать по косточкам) и так же все ее близких и дальних. У кого есть невесты, то ждут сватьев в это время ежедневно, а в особенности по вечерам, или с 1 часа пополудни и часов до 9. Приходит сваха. Богу помолится, смотрит, где сесть. Свахи всегда садятся под (перекладиной, на которой держатся доски потолка). Родители невесты знают, зачем она пришла. Если сваха своя, сельская, то значит, за него она пришла сватать. Слова свахи: «Вы знаете, зачем я пришла?», - Нет.

¹ ГАСО. Ф. 558. Д. 200. Л. 2-4.

«У Вас есть курочка, а у нас петушок, нельзя ли их соединить вместе». Идут спрашивать невесту о том, знает ли невеста жениха и идет ли за него. Если невеста не хочет идти за него замуж, то сватья начинает искать причины (она у нас в года не высидит, нет у ней обуви, одежды и т. д.). А если невеста согласна, то велят свахе придти часа через три, а мы в это время подумаем.

Приходит сваха. «Ну! Как, крестна, делать?» - спрашивает жених. «Подумает, говорит». «Ну, если подумает, то дело идет, значит, пойдет Надюшка за тобой (оторвет от жилетки рукава). Идет другой раз сваха. Если согласны выдать, то приходят еще представители от жениха. Вот уж где они рядятся вкладки (или приданое). Невестины сродники запрашивают много, а его сродники не дают, много у них разговора проходит за этим. Если невеста с охотой идет, то велит станцевать. Бывают такие случаи, что сватья жениховы уходят, не сходятся в цене, потом обратно встречаются и сходятся в цене.

Дают деньгами, максимум рублей 200, и еще из обуви и одежды (ботинки с галошами, пальто или сак, шубу и т. д.) Невеста сообщает жениху, как дела идут. Если дела прогрессируют, то жених идет к невесте в гости с своими товарищами.

Вечерки (вечер). От невесты приходят девушки к жениху за тем, кого приглашать на вечер из его родни. Жених угощает девушек орехами, конфетами и сообщает, кого приглашать на вечер. Девушки наряжаются в одинаковые костюмы, т. е. в белые шали, полосатые юбки и обязательно должно быть их трое. Если увидишь, идут три в одинаковых костюмах девушки, то знаешь, что созывают на вечерки. Жених готовит на вечер гармошку двухрядную, гостинец для невесты, как-то: духовое масло, перчатки... или же коробку печеньев, невеста также в свою очередь дарит жениху. Жених ждет обратно тех девушек с разрешением, что можно идти: невеста готова и также все собрано. Жених с своими товарищами, играя по

улице на гармонике, с частушками идут навеселе на вечер. Гармоника издает свои звуки по всему селу. На вечерки сходятся граждане со всего села. Жених у себя дома угостит вином товарищей и идут навеселе на вечер. Приходит жених к невесте с своими товарищами и их девушки встречают. В особенности первый почет жениху. Самовар кипит, кушанье стоит на столе. Парни садятся за стол. Жених с невестой сидят в самом переде. Девушки угощают парней чаем. Начинают петь песни с жениха, поздравляют его с нареченной и песни также поют каждому парню. Парни благодарят их за песни словами: «спасибо» и еще кладут деньги. По окончании песни каждому парню говорят: «Иван Семеныч, с песенкой Вас». Парни помнят и заповедь: «не зевай, наедайся досыта» (заправляются на весь вечер). По окончании всей этой церемонии парни выходят, а девушки убирают угощение и столы со скамейками, т. е. освобождают комнату от мебели и т. д. Начинается увеселительная часть. Жених с невестой сидят около образов (икон). Вновь приходящие люди знают, куда смотреть, чтобы лучше представить жениха с невестой. Танцуют кадрили, вальс, тустеп, «Выйду ль я на реченьку», «Светит месяц ясный», краковяк. По окончании вечера опять парни пьют чай и кушают. Вечер кончается часа в 3 или 4. Смотрят публики много, в особенности, молодежь. До свадьбы бывает вечера два или три. Перед свадьбой или перед венцом, так например, 4 свадьба, а 3 вечером везут постель и все невестино добро к жениху. Перед этим невестины подруги собираются и идут к жениху, это так называется девичник, или кувшином. Девушки приходят, садятся все за стол, кушают лапшу с мясом, и похлебку мясную, и кашу. Девушек угощают вином. Жених на это время принимает своих товарищей целовать девушек. Идет первый целоваться жених, а потом следующие парни. Совершают раза три кряду. Отцелуют, и парни уходят по домам. Девушки стараются унести со стола как можно больше ложек. Они прячут их в сапоги, чтобы не нашли. Перед уходом в дверях их обыскивают. На обратном пути, если удастся унести ложки, то поют, пляшут по дороге,

прихлопывая в ложки. Через час после девичника приезжают с постелью сродники от жениха. По приезду их на двор сватушка встречает с рюмкой вина. «А, сватушки, милости просим».

Втаскивают в избу сундуки или два. Все добро показывают сватым. Полотенцы все развешивают на стены, к иконам, к зеркалам. Их всего насчитывается 12 или 15. Постельное белье чистое, белое. Наволочки с пришивками, бабы обращают внимание на качество постели. «Постель-то какая хорошая. Подушки до потолка, а перина-то из одного пуха» и т.д. Здесь уж бабы критикуют на все 100 %. Без вина на свадьбе не обходится. Все дело делается в пьяном виде. Сватья уезжают с больной головой. Вот с этого вечера начинается гулянье и продолжается дня 4. В свадебный день с утра загремели колокола, привязанные к дугам. Жених собирает у своих сродников лошадей поезд. Приглашение в поезд: «Василий Иванович и Анастасья Иппатьевна, приглашаем вас в пир с конем и с седлом». Это значит, надо идти на пир и представить пару лошадей. Поезд состоит из трех пар и одной лошади. Всего четверо саней. Дружки ездят от жениха к невесте. Справляются об их сборе. Он ездит два раза и третий раз едет весь поезд. У невесты в комнате стоят кушанья на столах. На лавках вокруг столов разостланы кошмы или войлоки. Едет поезд. На первой подводе едут дружки, на второй подводе едет жених с крестной и с крестным, третья подвода для невесты с крестной и крестным, четвертая подвода для почетных лиц. Приезжает поезд. Их встречает сват у ворот с хлебом и солью и еще с рюмкой вина.

Упустит из виду, что еще едет на четвертой подводе шафера, некоторые во время венца держат венцы над головами жениха и невесты в белых перчатках, перепоясаны через плечо лентами. Входят в избу, жених идет вперед, выводит невесту из комнатки или спальни. Садятся за стол. За столом сидят близкие сродники невесты, как-то: сестренки, братишки. Отец с матерью благословляют жениха с невестой. Перед этим все молятся богу. Жених с невестой становятся на колени перед родителями невесты. Держа в

руках хлеб и соль, родители благословляют. Сватья или дружки выкупают невесту.

«Сколько вам надо за Маню-то?», «Давайте по 2 рубля, не меньше». Рядятся и помиряются на 1 руб. 50 коп., каждому брату и сестренке, «Ну, прощайтесь с Маней-то, а то её отвезут». Невеста со слезами прощается с своими членами семьи. По окончании всех церемоний жених берет за руку невесту и выходит на двор. За это время девушки на дворе прячут у извозчиков подушки, кошмы, кнуты, запирают ворота на замок. Дружки выкупают вещи, которые спрятали девушки. Рядятся в цене. Потом идут к воротам замок выкупать. Наконец, от всех откупившись, крестный с иконой обходит весь поезд три раза. «Кто с нами, подойдите ближе к саням, а кто не с нами, то отойдите прочь». Собираются, садятся и везут в церковь. Девушки все идут смотреть. Девушки просят лошадей кататься в это время, когда идет венчание в церкви.

После венца везут молодых к жениху. Невеста с женихом сидят отдельно. Приходят в их комнату поздравлять с законным браком и дарят молодым кто овцу, тележку, поросеночка, кладут на поклон денег. С рюмкой вина поздравляют молодых. «Что-то горько». Молодые сластят своими поцелуями. В пир бьют горшки, балакери. Тем кончается пир. Конечно, ходят гости только к жениху и к невесте. На другой день к невестиним сродникам, на третий день к жениховым сродникам. Группа гуляющих достигает в количестве 40 человек, я считал, сколько это гулянье обойдется гуляющим без домов жениха и невесты (по 9 рублей) их всего 20 домов / 80 рублей. А у родителей жениха и невесты расход больше идет, так приблизительно рублей по 50 или по 100. Это зависит от их экономического состояния...

ЗАДАНИЕ. Назовите основные особенности свадебного обряда, записанного членом общества археологии, истории, этнографии и естествознания М. Маклаковым.

В ГАСО в Ф. 558. Оп. 1. Д. 249 есть запись действительного члена археологического общества Ф. Яковлева. Это легенда о Стеньке Разине.

*Предание, существующее в селе Горяиновке Николаевского уезда
Самарской области¹*

Был теплый, солнечный майский день. В воздухе стоял сырой весенний запах, который придавал какую-то особенную свежесть и бодрость. Лес был в полном цвету. На темно-зеленых ивах лежали золотые тени. Серебристые тополя блестели на солнце. Тихо шумела осина. Изредка слышался крик иволги, нарушавший однообразную тишину. Да где-то вдали печально куковала кукушка. Но вот защелкал соловей и, вторя ему, запела пеночка. Лес ожил...

Вблизи около леса раскинулась широкая водяная гладь. Слышался тихий всплеск воды от ударов весел. Вот показалось несколько лодок, медленно движущихся по гладкой, как сталь, воде. Громко раздавалась веселая песня, то пели гребцы. Вольно и плавно неслась она к берегу. Гребцы причалили свои лодки к живописному отлогому холму. Это были Стенька Разин со своими молодцами. Долго атаман гулял со своею шайкою. За полночь слышались их веселые разговоры и звон чарок...

После отъезда атамана была найдена затонувшая лодка, которая впоследствии сгнила, а в настоящее время остался от нее отпечаток в земле, имеющий форму лодки. Это углубление. Похожее на лодку, наполнено водой. Кроме того, предание гласит, что еще памятью о пребывании Стеньки со своими молодцами в нашей местности остался небольшой курган, поросший лесом. Этот-то курган, или точнее насыпь, был сделан многочисленную шайкою Разина.

¹ Сохранена орфография первоисточника.

(Записано воспитанницей епархиального училища Александрой Архангельской).

В ГАСО в Ф. 558. Оп. 1. Д. 248. Л. 2 есть предание «Сваха».

Сваха

Не особенно далеко от нас находится гора «Сваха». Это название она получила следующим образом. Однажды была веселая свадьба. Было уже совсем поздно, когда гости придумали новое развлечение. Они решили на гору поехать покататься. Это происходило зимой. Когда накатались вдоволь, они поехали обратно, но так разогнали лошадей под гору, что одна сваха вылетела из саней. Но в общей свалке это не заметили и сваха замерзла. С тех пор гора и получила это название.

В ГАСО в Ф. 558. Оп. 1. Д. 248. Л. 2 об. есть предание о потомках Аксакова.

Знаменитые потомки нашего известного писателя С. Т. Аксакова

Однажды осенью мне пришлось проезжать через Аксаково, то самое и знаменитое Аксаково, в котором жил наш известный писатель С. Т. Аксаков.

При въезде в село передо мной открылся великолепный вид: с левой стороны шли высокие горы, на которых видны были там и сям куски арбузов и дынь, небольшие шалашики и кой-где люди, был сбор овощей. А откуда-то издалека доносилась веселая песенка поселян, возвращающихся с полевых работ. С правой стороны – громадное озеро, освещенное последними лучами заходящего солнца. Дул летний ветерок и тихо шелестел прибрежный

камыш. Изредка раздавался крик какой-нибудь птицы. Около озера стояла старая полуразвалившаяся мельница.

Громадные ивы склоняли над ней свои могучие ветви. Дальше шёл большой запущенный сад. В середине он прерывался двором. В отдалении стоял барский дом, в несколько этажей, с маленькими окошечками. От него шла широкая дорога, обсаженная ёлками, прямо к воротам. Неподальёку от дома начинались служебные постройки и ремесленная школа. Прямо против дома находилась старинная церковь, немного покосившаяся, белая, каменная.

Мне пришлось здесь заехать ночевать. Вечером я разговорилась со старухой, хозяйкой дома, и спросила, кто же теперь живёт в барском доме. Она сказала, что там обыкновенно живёт управляющий, но что этим летом приезжали господа. И при этом двое из них очень странные. Один изображал из себя петуха и для этого велел настелить себе внизу перин, а сверху — доску, это изображало намест, и вот он там сидел, туда и пищу ему подавали. Просыпался он вместе с петухами и отчаянно кричал: «Кукареку!» А другой изображал из себя собаку. Велел выстроить себе конуру и там жил, при том велел посадить себя на цепь, отчаянно рвался и лаял, как только кто к нему приближался. «Ну, а третий-то», — докончила старуха свой рассказ, — «это такой слабенький и смиреннький! Зовут его Саша. А учится в Петербурге — студент. В начале лета он приехал сюда, чтоб отдохнуть, но не мог ужиться со своими братьями и скоро уехал.

Он часто к нам заходил и беседовал. Такой славный мальчик, совсем ещё молоденький. Обещал приехать на следующий год». Потом я узнала, что в доме находится комната писателя, и там всё стоит в том же порядке, в каком было при его жизни. Но туда мне не удалось попасть. Рано утром я уехала, бросив прощальный взгляд на озеро, переливающееся всеми цветами радуги в первых лучах восходящего солнца, на молчаливо стоящие тростники, на старую, развалившуюся мельницу, которая казалось выглядела ещё печальнее среди этой молодой, ликующей природы, на траву и деревья,

блестящие от росы, на дом, и мои мысли невольно переносились к тем временам, когда жил С. Т. Аксаков.

Я довольно много читала Аксакова и больше всего мне понравились: «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука». Я вполне понимаю чувство, переживаемое Аксаковым, когда он после болезни возвращается домой и когда он с вершины горы увидел свой родной дом и красивая картина развернулась перед его глазами... Я всё переживаю вместе с ним.

Он нисколько не преувеличивает, описывая красоту своего села.

В ГАСО в Ф. 558. Оп. I. Д. 263 Л. 1 - 3 есть предания о леших, водяных, домовых и других мифических существах. Запись сделана действительным членом Самарской губернской ученой архивной комиссии Ф. Яковлевым.

Лешие, водяные, домовые и другие мифические существа

Суеверия в преданиях Самарской губернии царят в полной силе. До сих пор многие простолюдины верят в существования домовых, ведьм и т. д.

1. ДОМОВОЙ. Домовой или хозяин живет на чердаке или в подполье, как человек; носит корм лошадям, возит воду и т. п.

Счастливые или несчастливые не только местности бывают у нашего народа, но и домашние животные, так, например: крестьянин, прежде чем купить лошадь, спрашивает или лично смотрит, какой она масти: рыжая, кария, вороная, сивая, бурая, пегая, гнедая, чалая и проч. Так что, если бы из двух лошадей, например, рыжей и вороной, вороная была бы и моложе, и лучше, и дешевле, да не ко двору покупателя, то он все-таки купит рыжую, так как рыжие лошади ему ко двору, и их у него любит хозяин (домовой). Купи же он нелюбимую, завидную для других лошадь вороную, то она, как не ко двору, изведется, просто ни с того ни с чего начнет таять (чахнуть и сохнуть) (лучшим хранителем здоровья и спокойствия лошадей считается

козел, почему на извозчицких дворах и других местах, где имеется много лошадей, всегда имеется козел).

Можно много рассказов слышать, как хозяин (домовой) по ночам бьет в конюшне нелюбимую лошадь, как некоторые слышали не только стук и топанье лошади, но находили даже нелюбимую лошадь под колодой взмыленную, как бы она без передышки пробежала верст шестьдесят с седоками.

Если у какого-либо крестьянина водятся хорошие лошади, следовательно, домовой этих лошадей любит, носит им воду и достает для них корм с соседнего двора.

Если кто из крестьян продает дом, то зовет своего домового, или как еще называют его дедушкой-бородаем, на новое место в свою новую квартиру, для чего берет целый неразрезанный хлеб и солонку с солью, приговаривая: «Дедушка-бородай, пожалуйста на новое место».

Одна крестьянка из села Купино Самарской губернии и уезда рассказывала мне, что во время отъезда своего мужа в 1915 году на театр военных действий, слышала в своей квартире плач домового и спросила его: «К худу или к добру плачешь?» Домовой продолжал плакать, а затем после долгого промежутка утих; на через две ночи явился снова к ней на постель во время сна и начал ее душить, прикасаясь к ее горячему телу холодной мохнатой шерстью. Когда крестьянка эта проснулась, то он (домовой) повеял на нее холодным воздухом и исчез в подполье.

2. ВЕДЬМА. Ведьма преследует первенцев в семье и не трогает самых младших «последних» детей.

По рассказу старожил-крестьянина самарской губернии из пригорода Алексеевска, ведьмы существуют возле гор их села и до сих пор, но в помещения входить боятся; а если и входят в них, то не иначе как через трубу, по крыше дома. По его мнению, ведьмы есть не что иное, как

заколдованные старые девы, и что имеющаяся в горе огромная Алексеевская пещера служит жилищем всех ведьм.

3. ЛИСУН (Леший). Лисун живет в лесах и пугает малых детей во время их спокойных игр, собирания цветов, ягод и во время сна.

По мере уничтожения больших лесов в Самарской губернии лисуны стали постепенно пропадать, и их в настоящее время очень мало.

4. КОЛОВЕРТ. Раскачивает спящих детей в люльках и зыбках во время отсутствия взрослых в той комнате, где находится ребенок. От появления лисуна и коловерта служат молебны с водосвятием.

5. ВОДЯНОЙ. Водяной, или водяной дедушка, водится близ рек, озер и болот. По мнению крестьян Самарской губернии, водяной дедушка заводит ночью в воду людей и там их топят; но так как боится ладана, то необходимо носить на теле вместе с крестом небольшую прокуренную ладаном ладанку.

Когда утопленника нельзя бывает отыскать долго в воде, то пускают на воду небольшой жестяной сосуд с дымящимся на углях ладаном близ того места, где последний раз стоял утопленник или утопленница. На дымящийся в сосуде ладан водяной дедушка пустит мертвое тело утопленника или утопленницы.

ЗАДАНИЕ. Какие особенности бытования низших языческих божеств видим мы в данном отрывке?

Свадебный обряд в записи В. А. Малаховского¹

Прошел жених к родным и нас позвали. Пымал меня и разговаривали. Я и говорю: «Уши выше лба не растут, меня отец не удадет».

Дни за два до венца девки с суслом ходют, на другой день с подушками ездют кататься. Подушки положут под жопу и катаются.

Утром. Как усватают, посидят у невесте. На вечеринку на первый раз соберут всех, поставят копусты, угурцов, груздей перво на перво, потом шти, лапшу, кортошку, кашу, макушки, проказнушки, оладышки, с капустой пирок, с грибами пирок, с кашей пирок, с изюмом, с курегой, с дулей, с яблоками, с рожками; после пирогов яишница, лапшенник, курник, жарена рыба.

После вечеринки соберут лошадей и катаются с отвозкой ездют (родных привозят на свадьбу три раза; это и называется отвозкой), а то горных созывают — это уж когда оббенчают. Утром молодые переспят ночь и придут невестины мужики, родные — ярку искать. У жониха невеста всю квартиру завешает утиральниками росшитыми и сктерть постелют: это горной стол. Жоних уедет горных собирать: «Милости просим в горные».

Садятся и угощаются. Посидят на горном столе, а на утро отпирки бывают. На отпирках сойдутся и к невесте и к жониху, а потом, как отпирки отойдут, по домам гуляют. На свадьбу созывают муж своих дядьев, теток, хрёснова, хрёсну, сватьев.

¹ ГАСО. РФ. 1820. О. 1. Д. 139. Л. 46-54. «Свадьба лет двадцать тому назад» (Запись сделана в конце 30-х — начале 40-х годов в Куйбышевской области). Сохранена орфография первоисточника.

Вопленье первое: «после запою»

Кормилец ты, мой батюшка,
Кормилица ты, моя мамынька,
Спрошу я вас понадеючи.
Скажи-т-ка вы мне
Меня пожалеючи,
Што у вас в новой горенке
За пиры были, за беседушки,
Стояли столы-то дубовыи,
На столах-то были
Скатерти бранные.
За столом-то сидели
Гости-то незнакомые!
Незнакомые, незнакомые.
Наставлены были
Яства сахарные.
По конец-то стола
Стояло зелено вино,
Среди-то стола
Лежала золота казна.
Ты кормилец, мой батюшка,
Ты кормилица, моя маменька,
Не пили бы вы зелено вино.
Не брали бы вы в руки золоту казну:
Зелено-то вино, оно приманчиво,
Золота-то казна, она обманчива:

Зелено-то вино за мою буйную головушку,
А золота-то казна за мою русу косыньку,
Русу косыньку, красу девичью.

Волеенье второе «Когда косу плетут невесте»

Мила ты моя подруженька,
Подойди к ты ко мне когорькой,
Сядь к ты позаде меня,
Позаде меня на Дубову лавочку,
Подыми к ты свои белы рученьки
На мое плеча могучие.
Во праву то рученьку возьми мою косыньку,
А во леву то рученьку костяну гребеночку.
Причоши к ты мне буйну головушку,
Заплети к ты мне руссу косыньку.
Плети к ты ее помелёхоньку,
Не во сто то прятей не во тысцу,
По единишному то ты волокнышку.
С корешочку то плети волю батюшкину,
А с середи то косы негу маменькину,
А под конец то косы красу девичью,
Алы ленточки.
Кормилица ты моя, маменька,
Подойди к ты ко мне ко горькой,
Погляди к ты на мою буйну головушку,
Што гладка ли моя буйна головушка,
Што мелка ли моя руса косынька,
Што алы ли мое, розалые ленточки.

Волеенье третье «Утром после сна будить отца с матерью»

А

Не бела ты заря занималася,
То не я ли горька со сна то поднималася,
Горючими слезьми заливалася,
Будила я свово кормильца батюшку,
Кормилицу маменьку.
Вы вставайте ко со сна со спящева,
Умывайтесь моими горючими слезьми.
Спрошу к я вас разнечастная,
Што спалася ли вам темна ноченька,
А мне горькой не спалася.
Не спалось мне, а много виделось,
Што привидился мне сон не радошен,
Што ходила я по крутым горам,
По крутым горам, по темным лёсам,
Што крутые-то гора — горбшко великое,
А темные-то лёса — чужи люди.

Б

Утром после сна будить девок.

Милы вы мое невестоньки,
Встаньте вы со сна со спящева,
Припасьте ка вы ключевой воды,
Полотенце беленько для моих милых подруженьков:
Розмилы вы мое милы подруженьки, красны девушки,
Встиавить к вы со сна со спящева,
Умывайтесь к вы ключевой водой,

Утирайтесь полотенцем белым,
Што спалась ли вам темна ноченька,
А мне горькой не спалася.
Запоручена моя буйная головушка,
Запоручил меня мой кормилец батюшка,
С моей кормилицей маменькой.

Вопленье четвертое «После катания невеста встречает девок»

Девки катались на девиннике.

Милы вы мое подруженьки, красны девушки,
Накатались вы на добрых конях,
Не во гнев от ли вам показалася,
Не в досадушку ли вам солучилося.
Што я горькая глупо сделала,
Не вышла я вас, не встретила
Среди то пути дороженьки,
Среди широкой улицы.
Запоручена моя то буйная головушка.

Вопленье пятое «Последнюю ночь перед венцом на заре моются в бане»

Много привапливают, когда ведут невесту из бани.

Милы вы мое подруженьки, красны девушки.
Што спасибо вам на пару, на банюшке,
На мылким щелочке, на шолковом венечке.
Што попарили вы мое тело балая,
Што намыли мою буйну головушку,
Во первы-т в остаточке,

Во красных деушках, во белых лебедушках.
Милы мое подруженьки,
Берите меня под рученьки,
Ведите меня потихонечку,
По овсяному то по зернышку.
Ну, милы мое подруженьки,
Постойте-ка вы помешкайте,
Дайте и вы моим ногам настояться.
Ретиву сердцу надорваться.
Мне ково-то послать во скоры послы.
Пошлю-то я милу подруженьку;
Што она то мне не скорой посол,
По скорой посол, не верна слуга.
Ведите ка потихохоньку,
По овсяному то по зернышку.
Ково послать во скоры послы.
Пошлю я милу сестриченьку,
Она мне будет скорой посол,
Скорой посол, слуга верна.
Мила ты моя сестриченька,
Не желей ты свою частую походочку,
Упреди к ты меня горькую,
Поспеш к кормильцу батюшке,
К кормильце маменьке,
Штобы оне вышли, меня встретили,
Благословили меня на пару, из банюшки,
Во первы в остаточки, во красных девушках.

Ну, теперь после вечеринки, как уйдут гости жениховы, невесть нахнет вопить: «Милы мое подруженьки, отведите вы меня к отцу, к матери». Она поклонится им в ноги и бросится на плеча к отцу к матери.

Вопленье перед венцом

Срядят невесту к венцу.

Милы мое подруженьки,
Ведите ка меня до дверей чуланных.
Попрошу я свою брата милова,
Не жалел бы он свою частую походочку,
Прошел бы он вдоль по новой горенке,
Снял бы он с крюку золоты ключи.
Отперите двери чуланные,
Пропустите меня горькую разнесчастную.
Не одное меня, с любимыми подружками.

Ну, потом опять братцу:

Милые вы подруженьки, постойте и вы во дверях чуланных.

Обращение к другому брату:

Милой ты мой братец Павел Митрич,
Попрошу я тебя, не оставь моей просьбы,
Выйди ты на широкое подворье,
Сыми с крюку тесмену узду,
Обротаи ты конечка нет лучшева,
Што нет лучшева, неезженова,
Возьми к ты в руки востер тоаор,
Пыжжай к ты в лес дубровушку,
Наруби к ты Белова березничку,

Мелкова орешничку.

Застели ко ты все пути дороженьки,

Што нельзя бы пройти, не проехати

Моем то лиходеюшкам,

За моей буйной головушкой,

За моей русой косынькой.

Милы подруженьки, доведите ко меня

До кормильца батюшки, до кормилицы маменьки.

Прошу я вас, кормилец батюшка, кормилица маменька,

Благословите вы меня во путь, во дороженьку,

Во матушку во божью церковь,

Ко батюшке под золоты венцы.

Потом посадят невесту с женихом за стол. С женихом приедет сваха.
Она будет у невесте косу расплетать и невеста вопит:

Приезжая ты моя свахонька,

Не трог ты мою руссу косу,

Не вывязывай ты мое алы ленточки, красу девичью,

В моей то косе три ножа булатные,

Упоружишь ты свое белы рученьки,

Закровянешь ты свое цветно платье.

(Это, знашь, невеста упрашивает ее)

Люди будут над тобой все насмехаться,

Што у тебя в крове цветно платье.

Песня подружек, когда невесту увезут к венцу

Не было ветру,
Вдруг подул ветер.
Не было гостей,
Вдруг наехали.
Полна горница гостей,
Приехал розлушник
На добром коне.
Привез он розлушницу
На правой руке.
Приехала свахонька
Не милослива,
Начала она косыньку
И рвать, и трепать,
Девку разорять.
Девку разорять,
Красу отымать.

Свадебные песни

Как невесту увозят венчать, тогда жених приходит за невестой, ёво сажают за стол и эту песню поют:

По лугам-то, лугам зеленым
Розливалась вода вешняя,
Унесло, улелеяло три корабличка от бережку,
Три корабличка нагруженны.
Што и первый то корабличек

Нагружен был постелью собранною,
Што другой то корабличек
Што другой был нагружен со духами, со помадою.
Со душою красной девицей.
Уставалась ее маменька родна,
Уставалась, слезно плакала она,
Во слезах слово промолвила:
Воротися мое дитятко,
Воротися мое милое,
Позабыла трое золотыя ключи
На розовой на ленточке.
На фарфоровой тарелочке.

Как жених придет на девичник, то девки поют эту песню:

Што сказали то про Петра то грозен,
Он грозён, грозён, немилосливой,
Он и ходит по широкому крыльцу,
Он подходит ко конюшничку сову,
Он сымает с крюка тесменную узду,
Он боратыват нет лучшего коня,
Што нет лучшева неезженова,
Он накладыват черкасски седлецо,
Он подпруживат подпруги шолковы,
Он сядился на воронова коня,
Он застегивал все пряжи золоты,
Он поехал вдоль по улице в конец,
Подъезжает он ко месному двору,
Ко дощатой новой гореньке,
Он ударил в воротечко копьём,

Закричал он своим громким голосом:

Што дома-ли Аннушка-душа,
Што дома-ли Дмитревна госпожа?
Если спит, то не будите вы ее,
Есль шьет, то не пугайте вы ее,
Вы сымите золоты ключи с нее,
Отпирайте дубовые сундуки,
Вынимайте суконцо то доброцо,
Уж вы кройте то Петру то шубнячок,
Вы не долгой. не коротенькой ему,
Во спинушки щепетнехонькой,
Во рукавчиках узехонькой,
Што ему в нем ни работу работать,
Што ему в нем ни за охотою ходить,
За зайцами, за лисицами,
Што за красными девицами.

ЗАДАНИЕ. Назовите важнейшие композиционные и стилевые особенности данного обряда. Какие черты этого обряда остались в далекой старине? Какие стороны жизни того времени отражает обряд?

В архиве В. А. Малаховского есть несколько сказок. Например, «Про девочку Снегурочку». Записана она в Самарском крае. Сравните её с известными вам сюжетами русских сказок о Снегурочке. ГАСО. Ф.1820. Оп.1, Д.139. Л. 58 – 59. Есть в архиве и запись Малаховским сказки о коте Котофеиче. Сравните сказку, записанную Садовниковым, и сказку, записанную Малаховским.

Сказка про девочку Снегурочку

Жили муж с женой: у них детей не было. Вот она горюют: «Вот у нас детей нет, дижего нет». Пришел раз к ним нищий. Ну она при нем тужит: «Беда, у нас вот дитей нет». Раньше об детях всё тужили. Он им и говорит: «Я вас научу, как у вас будет дитё. Возьмите снежку комочек, скатайте, потом в хлопок заверните, полощите в печурочку – у вас будет дочка Снегурочка». А сам ушел, словно и след простыл.

Ну, она так и сделали.

Мать утром блины пекёт и говорит мужу: Ну, отец, сядись блины завтракать. Сели она за стол.

- Мама, а мне блинов-то?

Это Снегурочка с печурки.

Ну, она обрадовались, взяли её из печурки. Стала она с ними блины есть. И стала у них Снегурочка расти да расти.

Пришло лето. Пришли раз за ей подружки: «Айда, Снегурочка, в лес за ягодами».

- Я пойду у мамы спрошусь.

Мать не пускает: «Куды ты пойдешь, ты ещё маленька, не ходи».

Подружки и говорят: «Да пусти, чай она с нами пойдёт». Пошли она в лес. А подружки взяли да её в лесу-то и оставили. Оставили её, убегли от неё. Она ходила, ходила по лесу и напала на Ягу-бабу. Видит, стоит избенка. Взошла в избёнку, а там Яга-баба.

Яга-баба обрадовалась:

- Батюшки, батюшки, русский дух пришел. Девочка Снегурочка ко мне пришла. Девочка Снегурочка, качай меня и прибакивай: на ножке собожок, на ручке перстенёк, усни глазок, усни другой, а третий глаз листком покрой».

Ну, Снегурочка её укачала и вышла ко двору, сидит на крыльце и плачет. Идет кочоток.

- Девочка Снегурочка, што ты плачешь?
- Как мне не плакать, я к Яге-бабе попала.
- Давай, садись на меня, я тебя увезу.

Ну, она села на петушка. Нет Снегурочки. Села Яга-баба в ступу железню, шестом подпирает, хвостом подгоняет. Нашла девочку Снегурочку, кочетка избили, чуть живова пустила. Привела Снегурочку обратно. Опять говорит: «Качай меня».

Ну, значит, девочка Снегурочка качает её и говорит: «Усни шелудивый пёст».

А баба Яга ей и говорит: «Не так качаешь! Качай:

На ножке собожок,

На ручке перстенечек,

Усни глазок,

Усни другой.

А третий глаз

Листком прикрой.

Ну, значит, укачала Снегурочка бабу Ягу, опять вышла на улицу и сидит на завалинке, сидит и плачет. Идет баран.

- Што ты, девочка Снегурочка, плачешь?
- Как мне не плакать, меня баба Яга качать её заставила.
- Садись на меня, тебя увезу.
- Села Снегурочка на барана, повёз он её.

Баба Яга проснулась. «Ох, наверно, она опять убегла». Встала, села в железную ступу, поехала. Пестом подпирает, хвостом подгоняет. Нагнала девочку Снегурочку, барана чуть до смерти не убила, утняла девочку Снегурочку опять. «Садись, качай меня. Если ещё раз убежишь, я тебя нагоню и убью. Качай меня».

Снегурочка качает: «Усни, усни, шелудивый пест».

«Не так качаешь. Качай: на ножке собожок, на ручке перстенек, усни глазок, усни другой, а третий глаз листком закрой».

Укачала Снегурочка бабу Ягу, опять вышла под ворота, сидит и плачет. Идет бык.

- Што ты, девочка Снегурочка, плачешь?
- Как же мне не плакать, меня баба Яга качать её заставляет.
- Ну, давай, садись на меня, заткни мне жопу (в городе не говорят жопа – задница) скалкой и как Яга баба нас будет догонять, так ты утужи, я её всю убдрищу».

Яга баба проснулась. Видит, нет Снегурочки. «Ах, опять убегла». Села на железню ступу, пестом подпирает, хвостом подгоняет. Стала нагонять Снегурочку. Девочка Снегурочка вытащила скалку, бык всю Ягу бабу задристал.

Яга баба вернулась домой утмываться. Оне поехали дальше. Отмылась баба Яга и опять поехала в ступе догонять Снегурочку, догнала. Снегурочка опять вытащила скалку. Бык опять всю бабу Ягу убдристал. Яга баба вернулась утмываться. Доехали бык со Снегурочкой де живёт её мать с отцом. Мать с отцом обрадовались, быка напоили, накормили и девочку Снегурочку тоже. И стали оне жить, поживать, а худо проживать...

[В тексте сказки баба Яга называется бабой Лягой. Мы выбрали традиционное имя Яга. – А.М.].

ЗАДАНИЕ. Какие особенности русской сказки преломляются в сказке, записанной В. А. Малаховским?

Сказка про кота Котофея Ивановича¹

Вот был кот. Стал кот стар и не мог больше мышей ловить. Старик вынес его в лес.

Лиса увидала этого кота и говорит:

- Айда в мою избушку жить.

Кот пошел к ней в избушку. Лиса спрашивает:

- Как тебя назвать?

- Кот Котофей Иванович.

Лиса побежала всем рассказывать, всем.

- У меня муж есть, меня не трогайте.

- А кто?

- Кот Котофей Иванович.

Волк идёт.

- Не тронь меня, у меня муж есть.

- Кто?

- Кот Котофей Иванович.

- Как бы поглядеть ёво.

Она говорит:

- Его посмотреть можно так: заколи овцу иль теленка, принеси ко двору и положи на крылец, а сам куды спрячься глядеть ёво, когда выйдет.

Волк принес большой подарок, положил, а сам залез на сушило.

Идет медведь. Лиса и говорит ему.

- Меня не тронь: у меня есть муж.

- Кто?

- Котофей Иванович.

- Как бы ёво посмотреть.

- Иди, сломай улей, подложи ему мёду.

Медведь пошел, ему нет ништо поломать ульи, принёс мёду.

- Где де мне ёво увидеть?

- Полезай под крылец.

Влез медведь под крылец.

Идёт зайчик.

- Мотри, зайчик, меня не тронь: у меня муж есть.

- Кто?

- Кот Котофей Иванович.

- Как бы поглядеть ёво.

- Подожди, скоро гляди́во будет.

Как лиса выпустила кота, кот бросился на барана, што волк принес, и кричит:

- Мау, мау (мало, мало).

Как услышали оне, што кот кричит «мало», волк с сушила-то, медведь из-под крыльца и бросились бежать. Они испугались тут:

- Большущий котище-то, ещё нас съест.

ЗАДАНИЕ. Рекомендуем сопоставить сказку в записи В. А. Малаховского со сказкой Д. Н. Садовникова и выявить, что общего в их композиции, образной структуре, использовании изобразительно-выразительных средств. Чем отличаются эти два варианта?

В фонде В. А. Малаховского в ГАСО есть «Сказ о Степане Разине» (ГАСО. РФ. 1. 820. Оп. 1. Д. 128. Л. 126). Обратимся к нему.

Сказ о Степане Разине

Вот здесь он жил-то. И раньше говорили, что он грабил. Его заклинали в церквях, читали заклятья. И считали его каким-то в виде будто что-то он

¹ Архив В. А. Малаховского. ГАСО РФ. 1820. Д. 128. Л. 289.

знал. Это вот с разговору стариков жигулевских-то. Он, вот, житель-то здешний. Я твёрдо не могу сказать или с Жигулей, или с этих сёл он, с Самарской Луки. Самарская Лука называется.

Он обирал... ну вообще зажиточную часть в то время, которые водили вообще посуды судоходные лямками [неразборчиво. — А.М.]. Теперь ходят они, посуды, с пароходами так далее. А тогда лямками через плечо. Человек двадцать тянут и более. Дубинушку поют — «Дубинушка, охнем!» Это с нашего села ходил один бурлаком. Вообще с приволжских сёл ходили.

Ну, вот нанимали бурлаков, эти бурлаки лямками на себе тянули пасуды да Ульяновска, даже шли вверх. Раньше веть Волга шла вдоль гор, сейчас изменилась.

Вот он делал так. Когда примерно выезжает на посуду, останавливает — платить вот столько-то дань. Они его считали чертознаем: в один день он мог перебрасываться на двести километров. Ну, ведь народ-то тёмный был, не знали, что здесь узко место от Переволок до Жигулей на Усе. А думали, что он на Волге кругом. Вот потому его и заклинали в церквях. У него настроение было, с каких гадов брать, против капиталистов [неразборчиво. — А.М.]. А таких (простых людей) он не тревожил никого. Его почитают теперь здорово...

ЗАДАНИЕ. Какие черты Степана Разина раскрываются в этом сказе?

В ГАСО в архиве Малаховского (РФ. 1820. Оп. 1. Д. 139.) находятся материалы русского фольклора (обряды, сказки, шутки), собранные и записанные В. А. Малаховским на территории Куйбышевской области.

Обрядовая поэзия

Как девки венки завивают

Вот соберутся девки: с песнями идут сперва в Ризоватова. Это дачки девки, а ризоватовски к ним в Дады ходют. В четверх перед Троицей все идут венки завивать и маленькие и большы. Берут по лепешке и по яйцу. Когда придут, в подол одной девке кладут яйца-те и потом по паре дают каждому двум девкам — оне, те девки, кумами будут.

Потом венки-то завьют. На каждом венке столько узлов. Сколько человек в семье у нево. А на Троицу развивают: чей узел посох, тот и помрет.

А потом венки срубют большы — чуть рука держит. Ленточками обрядют. Четыре венка, по четыре хоровода. Котора девка поет лучше всех, она и запекает...

Вот она запекает: Вёночки зелёночки.

А тут все сразу: Я хожу гуляю

Округ городочка.

Я ищу, поищу

Милую ладу.

Милая лада,

Пойдем погуляем.

Она опять запекает: Вёночки зелёночки.

А все опять: Я хожу гуляю

Округ городочка.

Я ищу, поищу

Ласкова тестя.

Так поют до конца всю песню:

Вёночки зелёночки.

Я хожу гуляю

Округ городочка.

Я ищу, поищу
Ласкову тещу.
Вёночки зелёночки.
Я хожу гуляю
Округ городочка.
Я ищу, поищу
Ласкова шурина.
Вёночки зелёночки.
Я хожу гуляю
Округ городочка.
Я ищу, поищу
Ласкову своячну.

В одном месте х(к)оровот покружится и дале идут. Во всех концах х(к)оровот водют. Друга девка, сама почетна, у которой одежи много, богата, по кругу ходит. Таку сами промеж себя выбирали. В каждом х(к)ороводе своя девка по кругу ходит.

А парни не вникают. Стоят, глядят. Это невесты их в х(к)ороводе-то. В последнем х(к)ороводе споют, да по домам, а котора девка с парнем играют, то вдвоем идут.

Как весну провожали

Сперва девки сряжены друг по дружке ходют, песни поют. Оговорятся, когда наряжаются: три оряды до темнова сменить нады. Потом молодцами наряжаются – по три пары штоб было в каждом х(к)оровоте.

Два х(к)оровота придут из Ризаватова, да своих два. Пляшут, пляшут, пива сладкова поднесут, в другой х(к)оровот плясать идут.

Так до вечера все провожают и провожают вёсню.

А настоящи парни со стороны глядят – чья девка лучше пляшет, хвалятся друг перед дружкой. Лестно каждому, ежели ево девка лучше всех.

Да ить все хороши были – молодая. А парням всякому своя милее всех была. Так вот.

ЗАДАНИЕ. Назовите важнейшие черты описанных выше обрядов.

Побасенка

(из архива В. А. Малаховского. РФ. 1820. Оп. 1. Д. 128. Л. 150)

Ежик спорил с чертом. Кто кого обгонит. А их два ежика: один на этом конце, а другой на этом. Два. А черт-то один. «Бежим!», - черт спешит. - Черт добежит до другого конца, а ежик уж давно тут. Ну, до трех раз. «Бежим?» - «Бежим!» Прибег, а ежик опять тут сидит. Так и обогнал ежик черта.

Кржижевский Михаил. Предания о реке Ирғиз

Персонажами башкирского героического фольклора (эпических произведений, преданий и легенд) часто являются женщины, наделенные не только умом и поразительной красотой, но и большой физической силой. Это не удивительно - ведь в условиях кочевого скотоводческого хозяйства немало обязанностей лежало на их плечах. Уход за скотом, доение кобылиц и коров, заготовка кормов на зиму, работы по дому - все это дело женских рук¹. Естественно, при таких условиях представительницы прекрасного пола должны быть физически крепкими. Женщины-башкирки участвовали в войнах и в национальных восстаниях, поэтому образ девушки (женщины)-воительницы нередко встречается в башкирском фольклоре.

В юго-восточной части Самарской области протекает река Ирғиз. Ее берега издавна служили местом башкирских кочевий. Ирғиз (ир-кыз) в

¹ Асфандияров А.З. Семья и брак у башкир в XVIII - первой половине XIX в. Уфа. 1989. С. 75.

переводе означает «мужественная девушка». Предания повествуют о том, что когда-то жила здесь дочь башкирского предводителя, с детских лет славившаяся своей силой и ловкостью. В одном варианте, опубликованном в многотомном своде «Башкирское народное творчество», повествуется о войне племени отца девушки с соседним. В одной битве смелая девушка участвовала наравне с мужчинами и удивила всех своими подвигами. В разгар сражения в спину ей угодила вражеская стрела, но верный конь вынес девушку с поля боя. Смелая башкирка умерла в седле, а конь принялся рыть копытом землю, после чего в этом месте образовался прозрачный поток воды. Так появилась река, возле которой похоронили девушку и которую называли в честь этой смелой девушки Иргизом¹.

В других вариантах называется имя девушки – Гулистан. Краевед из с. Большая Глушица П. Русяев записал версию, согласно которой на берегу этой реки произошло сражение башкир с калмыками, и в самый напряженный момент дочь башкирского предводителя Гулистан вступила в битву. Воодушевленные ее мужеством башкиры одержали победу².

Существуют и другие легенды о реке Иргиз и девушке Гулистан – их до сих пор рассказывают башкиры Самарской и Саратовской областей. В одном из более поздних вариантов говорится о том, что смелая девушка была предводительницей отряда, воевавшего с царизмом. Иногда рассказчик имеет смутное представление о том времени, когда жила легендарная башкирка («мужественная женщина воевала здесь не то при Степане Разине, не то не знаю когда» – говорится в варианте, записанном руководителем этнографической экспедиции П. Д. Степановым в 1936 г.)³.

Автор данной работы во время полевых исследований 1996 г. также слышал от башкирских аксакалов легенды о мужественной девушке, давшей название реке Иргиз. От жителя д. Имелеевка Большечерниговского района

Самарской области услышано такое предание: Гулистан была смелой предводительницей башкир. Однажды ее племя собралось переправиться через реку, но долгое время никто не решался это сделать – слишком сильное было течение. Гулистан первой переправилась на другой берег, а воодушевленные ее решимостью башкиры последовали ее примеру. Эту реку называли в честь Гулистан Иргизом – «девушкой-батыром».

«Мужественная девушка Гулистан была предводительницей калмыков, которые жили здесь раньше», – поведали автору башкирские аксакалы жители д. Утекаево Большечерниговского района Харасов (1926 г. р.) и Хасьянов (1928 г. р.).

Проходят годы и возникают новые легенды, повествующие о возникновении того или иного топонима. Кто знает, может быть будущие исследователи услышат новые версии о смелой девушке и о происхождении названия реки Иргиз.

Русяев П. Легенды об Иргизе

(П. Русяев - директор Большеглушицкого краеведческого музея)

Села и поселки Большеглушицкого района, а их в настоящее время 33, в большинстве своем расположены по берегам реки Большой Иргиз и его правого притока Каралыка. Названия обеих рек относятся к далекой старине и пришли к нам от кочевников, посетивших этот край еще до татаро-монгольского нашествия. С тюркского языка Иргиз переводится как «кривая река» («ир» используется со значением «излучина, извилина», а «газы» (гиз) — «река, ключ, источник»). Каралык — как «черная река».

Истари течет по заволжской степи Большой Иргиз. Трудно сказать, кто первым напился из реки воды, построил на берегу свое жилище. Известно только, что люди плавали на лодках вверх по Волге, заходили в

¹ Башкирское народное творчество. Уфа, 1987. Т. II. С. 78-79.

² Русяев П. Я. Земля глушицкая. Куйбышев, 1989. С. 4.

³ Архив Саратовского областного музея краеведения. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 148. Л. 24.

устье Иргиза пятнадцать и более веков назад. В числе первых посетивших реку были арабы. Начиная с VII века арабы завоевывают огромные пространства на Среднем и Ближнем Востоке, в Северной Африке, на юге Пиренейского полуострова. Проникали арабские купцы и на Среднюю Волгу. Путешествовать на такие большие расстояния без знания географии они, бесспорно, не могли.

Одно из первых упоминаний об Иргизе относится к первой четверти X века. 4 марта 921 года из Бухары на Волгу, к царю волжских болгар Альмушу, принявшему мусульманство, отправилось большое посольство багдадского халифа Муктадира. В состав посольства был включен арабский писатель Ахмед ибн-Фадлан. Он подробно описал семидесятидневный путь посольства в столицу Волжской Болгарии (на левом берегу Волги, в 130 километрах выше нынешнего Ульяновска).

Ибн-Фадлан пишет: «Потом мы... сделали остановку у реки Джайх (Яик, Урал), а это самая большая река, которую мы видели... Потом мы... переправились через реку Джаха (Чаган, правый приток Урала), потом через реку Ирхиз (Иргиз), потом через Богач (Моча, Чапаевка), потом через Самур (Самара), потом через Кинал (Кинель), потом через реку Сух (Сок), потом через реку Кинджумо (Кондурча) и попали в страну народа из числа тюрок, называемого башкиры».

А. П. Ковалевского в «Книге Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг.» (Харьков, 1956 г.) поместил карту маршрута посольства вдоль Волги. По ней видно, что путь посольства обходит Самарскую Луку, идет по левому берегу Волги. Причиной такого маршрута посольства мог быть страх перед хазарами, располагавшимися в устье реки Самары, или желание обойти залитый весенней водой низкий берег Волги. Переправа через Иргиз, если судить по карте, проходила где-то на границе Большеглушицкого района с Пестравским.

До XVI века природные богатства страны, а тем более Среднего Поволжья, тогда окраины Русского государства, осваивались слабо, его географического описания как такового не было. В 1552 году Иван Грозный специальным указом приказал «землю измерить и чертеж государства сделать». За сорок с лишним лет были засняты огромные территории по Северной Двине, Оке, Каме, Волге, и около 1600 года был составлен «Чертеж всему Московскому государству». Описание «Чертежа» изложено в «Книге Большому Чертежу», вышедшей в 20-х годах XVII века. В ней описано пять рек нашего края — Самара, Сок, Уса, Сызрань и Иргиз.

Большой Иргиз всегда привлекал внимание самарских и саратовских историков. В середине XIX века о реке писали: «Большой Иргиз — самая замечательная река южной половины Самарской губернии и притом самая большая из впадающих в Волгу между Камою и Астраханью. Она начинается из отрогов Общего Сырта в северо-восточной части Николаевского уезда, близ границы земель Уральского казачьего войска, а впадает в воложку Ревяку, против г. Вольска. Трудно встретить реку, которая имела бы столь излучистое, как Большой Иргиз, течение. Повороты он делает часто и к тому же не очень большие, нередко, уклонившись в сторону верст на пять, на шесть, он вновь подходит к прежней линии течения в расстоянии версты и менее... Вершина Иргиза отстоит от устья по прямой линии не больше как в 240 верстах, а по течению насчитывает в несколько раз больше. Ширина в верховьях от 3 до 6, далее до 15, к устью до 70 сажен. Глубина везде значительная, а в крутых поворотах доходит до семи сажен. В берегах Большого Иргиза помещается почти треть населения всего Николаевского уезда».

Теперь мы можем назвать точные данные «кривой реки», как называют Большой Иргиз. Общая длина его 657 километров, в том числе 217 километров в пределах Самарской области.

Иргиз... И поныне среди иргизских, каралыкских и камеликских башкир сохранились легенды и предания об этой удивительной реке. Вот одно из них.

Давным-давно это было, когда еще по здешней степи кочевали башкиры и калмыки. Башкирами правили бии, калмыками — ханы.

У башкирского бия была красавица дочь. Увидел ее однажды калмыцкий хан и решил взять в жены. Послал сватов к бию, отцу Гулистан (так звали девушку).

Хитрый бий любил свою дочь и так ответил послам: если дочь согласна выйти замуж за хана, то он не будет против.

Гулистан жила, как вольная птица. В выборе женихов не знала она недостатка. И среди башкир было много сильных и удалых молодцов. А хан был уже старым, дряхлым. Отказ получил он от башкирской красавицы. Тогда хан решил силой завладеть Гулистан. Он собрал войско и двинул его на башкир.

У долины, в верховьях течения реки, произошла битва. Гулистан вместе с отцом с сырта следили за ходом сражения. Но вдруг дрогнули башкиры и стали отступать. Навстречу им на горячем коне выскочила Гулистан.

- Победа или смерть! - разнесся над степью ее звонкий девичий голос.

Устыдившись своего минутного страха, башкиры повернули коней и с новой силой во главе с Гулистан вихрем налетели на врага и разгромили его.

Долину, где одержана победа, башкиры назвали именем девушки - Ирис-тан (девушки стан). Она и сейчас носит это название. А безымянную реку в честь одержанной победы называли Ир-кыз, что на русском языке означает «молодец девушка» или «мужественная девушка». С тех пор и пошло: Иргиз, Большой Иргиз...

Среди местных башкир бытует и другая легенда о реке.

В далекие времена между Уралом и Волгой (в древности Ра, что значит привольная, щедрая) кочевало калмыцкое племя, которым правил хан. Прикочевал как-то хан на Общий Сырт. Не было у хана сыновей, а была дочь-красавица Айста. С детства приучил он ее к дальним походам, битвам с врагами. Не девушка, а настоящий джигит.

Пришло время выходить Айсте замуж. Но всем она отказывала, никак равного себе не найдет. Совсем опечалился хан-отец: уж больно внука ему хотелось. Сказала тогда ему дочь: «Шли гонцов в разные края. Кто смелее да ловчее меня будет, того и мужем назову».

Приехали женихи от калмыков, приехали от башкир и вечных врагов калмыков — ногайцев. Там, где речка Каралык впадает в Иргиз, на пригорке, поставили кибитки, коши и юрты. Людей собралось видимо-невидимо. Красуются на скакунах женихи-джигиты. Стреляют из луков, стараются показать свою молодецкую удаль, понравиться невесте. А она и не смотрит на них. Сидит у своей кибитки, монисто на груди перебирает.

Оробели женихи, боятся приблизиться к Айсте. Остались перед кибиткой только три джигита: один от калмыков, другой от башкир, третий от ногайцев. Первым вышел на состязание калмык. Пригнали табун лихих ханских лошадей. Сказали: выбирайте по скакуну и мчитесь, кто кого обгонит. Еле-еле поймали по коню парень и девушка, с трудом обратали, вскочили в седла. А кони на дыбы, ноздри раздувают, зубы скалят, норовят сбросить наездников. Не удержался калмык, перелетел через голову коня, упал в седой ковыль. А под Айстой конь плясал, плясал, рванулся - и пошел стрелой в степь.

На второй день вышел башкир. Дали ему и Айсте по луку и колчану с пятью стрелами. Подвели коней, сказали: кто на полном скаку быстрее все стрелы выпустит в цель, не промахнется — за тем и победа. Четырьмя стрелами поразил цель башкир, все пять стрел, выпущенные Айстой, достигли цели.

На третий день настала очередь состязаться Айсте с татаринoм-ногайцем. Но тот, боясь опозориться, спрятался в прибрежном камыше. И затаил он злобу на красавицу Айсту.

Девушка любила по ночам купаться. И в ту ночь пошла к реке. Подговорил ногаец незадачливых женихов убить девушку. Подкрались они к берегу, натянули тетиву луков, и три стрелы разом вонзились в грудь девушки. Вскрикнула от боли Айста, рванула стрелы, бросила на берег. Хлынула кровь из ран, со стоном упала Айста.

Убийц нашли по стрелам, бросили их в глубокую яму. Собрались на совет старейшины племен, решили продать злодеев в рабство в Бухару. И сгинули они на чужбине без роду, без племени.

А девушку хоронили все три племени - калмыки, башкиры, ногайцы. Насыпали над могилой высокий курган, чтоб издалека был виден. Поседел, постарел от горя хан - отец Айсты. Поднял он свое племя и увел к берегам Каспийского моря. А река, где купалась и погибла его дочь, в память о девушке с тех пор зовется Иргизом, что означает «мужественная девушка».

Рубцова И. П. Мордовская свадьба в Похвистневском районе¹

В начале XVIII века после указов царского правительства о христианизации и о переселении ряда народов в завожские степи возникли и некоторые ныне существующие мордовские села Самарской области: Большой Толкай, Большая Ёга, Ключи и другие.

В настоящее время в них проживает мордва-эрзя с небольшим количеством русского населения. В результате тесного взаимодействия они внесли в свою культуру новые черты, заимствованные друг от друга.

Свадьба у всех народов представляет собой обряд, состоящий из ряда ритуальных действий, связанных между собой и несущих смысловую

информацию о значимости этапов обряда, определяемых мировоззрением людей и социально-историческими условиями.

Внутреннее наполнение свадебного обряда менялось с течением времени в зависимости от религиозных верований, от понимания самой сути свадьбы.

О том, как выглядела мордовская свадьба в прошлом и позапрошлом веке, нам известно из книги собирателя русских обрядов и преданий М. Забылина (Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880). Языческая мордовская, да и христианская свадьбы представляли собой куплю рабочей силы для рода жениха и продажу ее родом невесты: «Вся церемония и важность языческой мордовской свадьбы заключается единственно в том, что отец, взяв за руку дочь свою, а мать в руки хлеб и соль, вручает дочь свою с хлебом-солью свекру и свекрови» (М. Забылин). В доме жениха невесту представляют всей родне, самому жениху и отец жениха дает ей новое имя. На брачном пиру с невестинной стороны родни не бывает. Все это ярко подтверждает смысловую сущность свадебного обряда.

После христианизации мордовская свадьба почти не изменилась: в ней лишь стали присутствовать икона и свеча, а жених невесту встречал не дома, а у церкви.

При необходимости внесения в структуру свадьбы новых элементов они заимствовались из свадебных и других обрядов народов, проживающих рядом. Отдельные свадебные действия, которые уже не отражали реальных отношений на данном историческом этапе, некоторое время существовали в виде традиций, смысловое значение которых было забыто, а затем и вовсе исчезали.

Во время войны и в послевоенные годы социальная роль женщины в крестьянской жизни сильно возросла. Специальные исследования (Т. Ведерникова. Этнография и праздничная культура народов Самарского

¹ Напечатано в журнале «Самарская область. Этнос и культура». 1996. № 1. С. 9-11.

края. Самара, 1991) и материалы, собранные мною в экспедициях 1978-1980 гг., позволяют увидеть, что во второй половине XX века мордовская свадьба претерпела значительные изменения. Элемент купли-продажи невесты утратил свое прямое значение, хотя и продолжал по традиции присутствовать в свадебном обряде. Кроме родительского согласия на брак, свое одобрение должна была выразить и девушка, к которой приходили свататься. Родителей невесты заботило положение дел в семье жениха, способность родственников жениха помочь молодой семье. Все это определило заимствование в мордовскую свадьбу обычая из русского свадебного обряда «глядеть дом» (у русских – «смотреть печурки»), «искать ярку» (распространенный обычай в русском свадебном обряде). Возросшая роль рода невесты сделала необходимым присутствие его представителей на свадебном пиру, и родственники невесты, как и у русских, стали называться «горные». Для них накрывали в доме у жениха два стола – для мужчин и для женщин отдельно (Т. Ведерникова). На основе материалов о мордовской свадьбе в с. Большая Ёга и Большой Толкай можно сделать вывод, что в силу возросшей роли род невесты берет на себя такую же ответственность в поддержании молодой семьи, как и род жениха: «... гуляют в первый день у жениха, а потом, как подарят молодых, все идут по жениховой родне. В каждом доме их встречают с угощением, пьют по рюмке и гости отправляются дальше. По обычаю гости должны обойти всех. На другой день отмечали свадьбу в доме невесты, а потом гостей забирала к себе крестная невесты, крестный, потом брат и прочие родственники молодой» (по материалам экспедиций 1994-1995 гг.). В этом обычае прослеживается общинный характер подготовки свадьбы с целью сближения двух родов. У русских общинный характер проявлялся и при обработке земли (толоки, помочи), и в решении проблем бытового характера, и в сфере других форм общения – праздники, посиделки, супрядки (в исследованных селах – ночевушки), девишники перед свадьбой. Девишники, видимо, тоже были

заимствованы у русских, так как в описаниях мордовских свадеб XVIII в. об этом обычае не упоминалось. Традиционными свадебными пирогами у мордвы в селах Большая Ёга, Большой Толкай являются «лукши». Продукты для приготовления этих пирогов родня жениха собирает со всей деревни, с каждой избы, что свидетельствует о помощи родам со стороны общины. Бани для невесты как элемент свадьбы фиксируется фольклористами в свадебном обряде мордвы – эрзи только в 1990-х годах, а до этого не упоминается. По материалам 1995 г. в селе Большой Толкай баня для невесты вовсе отсутствует, а есть упоминание о шуточной бане после свадьбы для всего рода жениха. Возможно, что баня как обрядовое действие появилась в мордовской свадьбе в результате взаимопроникновения культур – русской и мордовской.

Христианизация мордвы оказала определенное влияние на некоторые элементы, входящие в свадебный обряд. С течением времени это влияние ослабло: «После венчания в церкви молодые разъезжались по своим домам, а настоящую свадьбу справляли через неделю, а то и через две» (материалы экспедиции 1995 г.). Мордовская свадьба изобилует дохристианскими традициями: у мордвы приветствуется только счастливый нечет (сватают невесту только нечетное количество – 1, 3, 5 человек; теща готовит для зятя яичницу из 5, 7, 9 яиц); баню для невесты топят ворованными дровами (ворованные дрова признак священности разжигаемого из них огня). Обряд разжигания священного огня ворованными дровами наблюдался у русских на масленицу, у украинцев – на Ивана Купало (Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979); во время приготовления традиционных свадебных пирогов родня жениха хулила, ругала невесту, таким образом пытаясь обмануть злых навьих духов; невеста при входе в дом жениха обращалась к хозяйке дома – домовой, просила принять ее, покровительствовать ее роду; дружка жениха обходил три раза с иконой, которой приписывалась чудодейственная сила, вокруг свадебного

поезда — исполнялся еще один очень древний обряд — очерчивание магического круга, чтобы уберечься от нечисти и оградить себя, семью от несчастья (В. К. Соколова, 1979).

Рассмотрев структуру мордовской свадьбы можно сделать вывод об активном взаимодействии мордовской, и русской свадебной обрядности.

В настоящее время ведется большая работа по возрождению народных традиций. Но эти усилия ориентированы в основном на городского жителя.

Представителям этнических групп в сельской местности нашей области необходима помощь в передаче им собранного у них же материала — прежде всего того, который они смогут вводить в живущие ныне обычаи: родины, свадьбу и прочие. Старожилы, еще помнящие эти обряды, помогут культработникам избежать некорректного использования этих материалов.

Обряд — это чрезвычайно глубокое явление. Для его возрождения мало просто повторить некоторые песни или одеть пару старых костюмов. Мощь обряда, его мировоззренческая глубина проявятся только в том случае, если будут жить все его основные элементы в их традиционной взаимосвязи. Сегодня усилий отдельного клубного работника и двух-трех бабушек недостаточно для воссоздания обряда во всем его объеме, а достаточно глубокие знания специалистов, этнографов, к сожалению, недоступны в селах. Таким образом, возрождение народных традиций требует создания хрестоматийной методической литературы и широкого распространения ее в селах.

Серебринский К. И. Предание о пещерных старцах на Самарской Луке¹

Жигулевские и китежские старцы. В рассказе П.И. Мельникова-Печерского «Гриша. Из раскольничьего быта» (1860 г.) старообрядческий

¹ Напечатано в журнале «Самарская область. Этнос и культура». 1996. № 1. С. 30-33.

инок-странник Ардалион повествует о старцах, которые живут в глубинах пещер под Кирилловыми горами — близ г. Городец Нижегородской губ., на берегу Волги.

«...Кирилловы горы расступаются и выходят оттуда старцы лепообразные ... в пояс судоходцам кланяются, просят свезти их поклон ... братьям Жигулевских гор. И когда расшивы проходят мимо Жигулевских гор, должны судоходцы исполнить приказ старцев гор Кирилловых... Расступаются тогда горы Жигулевския, растворяются врата великия, белым алебастром об ину пору забранные, и выходят на берег старцы лепообразные...».

Старцы эти стоят на грани двух миров. С одной стороны, они православные отшельники, пещерники — наследники древней «феодосиевской» русской традиции пещерного отшельничества; с другой — нечеловеческие подземные существа, бессмертные или, по крайней мере, «яко кипарисы и древа не стареющие».

«Туда нет ходу маловеерам... К ним может пройти только истинный раб Христов...», т. е. с человеческим миром они поддерживают связь ограниченно, лишь по собственному желанию; а настоящий их подземный таинственный мир — за пределами восприятия смертных и грешных людей. Как известно, Мельников-Печерский владел огромным собранием старообрядческих рукописей и постоянно цитировал их (изменяя часто их стиль — но не содержание). Рассказ «Гриша» — одно из ранних произведений, а в первых рассказах П. И. Мельников особенно тщательно придерживался собранного им материала.

Старцев гор Кирилловых можно смело соединить с невидимыми старцами озера Светлояр, изредка выходящими тайно на берега озера, из подводного града Китежа. Город Городец на Кирилловых горах именовался также Малый Китеж. Во времена Великого Раскола в 1660-1680-х гг. как раз происходило заселение основной части Самарской Луки; переселялись в

основном крестьяне из монастырских владений Нижегородчины. Так что родство лепообразных старцев Светлояра и Кирилловых гор с их братьями Жигулевских гор не случайно. Старообрядцы Нижегородчины уже два столетия привлекают к себе упорное внимание исследователей; о подземных и подводных обителях Китежа собран огромный, хотя и мало до сих пор систематизированный материал. К сожалению, Жигули и Самарская Лука не только не нашли своего Мельникова-Печерского; исследователи апокрифической христианской мифологии России до недавнего времени вообще не обращали внимания на русские селения Самарской Луки, несмотря на поэтическую популярность всех преданий, так или иначе связанных с Жигулями.

Поэтому совершенно неисследованными остались и старообрядцы Самарской Луки. А между тем уже в первой половине XIX века, по данным архива Симбирской Консистории, в 2/3 селений Самарской Луки были большие общины старообрядцев; в том числе, в селениях у подножия Жигулевских гор – в Ширяевом Буераке, Подгорах, Выползово.

Отшельники в Жигулях. Во второй половине прошлого века жители Самарской губернии были совершенно уверены, что в Жигулевских пещерах продолжают укрываться отшельники. Примерно в 1860-х или в начале 1870-х гг. молодой крестьянин-мордвин из Большой Каменки Самарского уезда (сейчас Красноярский р-н) Казаков решил скрыться в пещерах Жигулевских гор (как он сам писал, «желание подражать подвигам св. отцов овладело всем моим существом») – его отговорили в последний момент (о. Евг. Кесарев. Самарские беседники. Самара, 1905, С. 42). Жигулевские отшельники иногда поминаются в рассказах о кладах Разина в Жигулях:

«В тех же Жигулевских горах... как-то одна богомолка (видимо, из скиталиц) выбрала себе удобную пещерку, навесила образок и начала усердно молиться. И явился в пещеру Разин». (Цыбин Вл. Заговоренные кла-

ды и кладоискатели. М., 1994, с. 25. К сожалению, автор не указывает источника былички о кладе).

В романе В. В. Крестовского «Кровавый пух» (1874) встречается персонаж – старец Иоанн, старообрядец-отшельник, живущий долгие годы в пещере в глубине Жигулей. Действие романа – современность, вторая половина XIX века, а в 1867 г. сам Вс. Крестовский во время путешествия по Волге побывал на Самарской Луке.

О старообрядческих скитах на Самарской Луке. Несомненно, что северная часть Самарской Луки – Жигули, почти безлюдные, покрытые непроходимыми лесами – были наилучшими местами для потайных убежищ старообрядцев времен Великого Раскола, на рубеже XVII-XVIII веков. События 1660-1680-х годов поддерживали переселенцев Самарской Луки в состоянии крайнего религиозного напряжения; удержанию или даже обострению старообрядческого брожения способствовало правление Петра I.

Старообрядческие пещерные скиты уже с 1670-х годов появились в глухих местах по всему Среднему Поволжью. Давно покинутый пещерный скит, например, был в 1890-х годах случайно обнаружен в Кузнецком уезде Саратовской губ., у слияния рек Каслей и Кадада. Примечательно, что жители соседних селений, среди которых было много старообрядцев, ничего не знали про обитель в пещере (Семенов В. П. Россия. СПб., 1901. Т. VI. С. 449).

До сих пор сохранился в Жигулях топоним: пещера Отшельника. Впрочем, название это впервые упомянуто, кажется, только в справочнике М. Емельянова (Самарская Лука и Жигули. Куйбышев, 1955. С. 236). В нем отмечено, что «...по преданию там находили убежище раскольники». Пещера эта, точнее – три небольших пещеры, находятся на склоне горы на внутренней полосе Жигулевских гор, в ложине Малинов Дол (5 км от Бахиловой Поляны). Две другие пещеры в 1950-х годах были обследованы группой палеонтологов и получили названия – Барсучья и Медвежья. У

средней пещеры — почти правильный трапецевидный вход; вполне возможно, он был вытесан. Их камеры сейчас больше чем на половину засыпаны лесным мусором, но до сих пор высота их — около полутора метров.

В Жигулях есть и другие пещеры, вполне пригодные для жилья. Летом 1992 г., как мне рассказывал бывший лесник В. А. Маркович, в глубине Жигулевского заповедника в большой пещере жили неизвестные люди — 3-4 человека, пока их не выгнала милиция (запись — июнь 1993 г., Бахилова Поляна, Ставропольский р-н).

Воспоминания о пещерных старцах. Современные жители Самарской Луки, потомки переселенцев XVII века, сохранили очень смутные, почти неуловимые воспоминания о жигулевских отшельниках. Обычно, если спрашивать их о пещерных старцах, отвечают: «Что-то слышали давно от стариков, а сами не помним». Но память о том, что какие-то пещерные старцы в старые времена скрывались, все же сохраняется в сс. Жигули, Ширяево, Подгоры, Сосновый Солонец. Только в старинном селе Аскулы, почти исчезнувшем к нашему времени, с трудом припомнила Анна Семеновна Быкова, 1917 г. р., бывшая начетчица старообрядцев малого начала из коренной старообрядческой семьи:

«Говорили, в пещорах скрывались старцы, это раньше было, нас еще не было. ...Пещора была в Широким Спуске, фонарь оттуда вынули». (Аскулы, Ставропольский р-н, август 1995 г.). Что за фонарь, какие старцы жили в пещере на Широком Спуске — выяснить не удалось. Эти слухи в Аскулах держались еще в 1920-х годах. Гора Широкий Спуск, как мне сказали, в самом высоком месте Винновских гор, в пустынных до сих пор лесах.

Скит на Молодецком кургане. В условиях почти полного исчезновения предания о старцах Жигулевских гор крайне важен вполне отчетливый рассказ, записанный мной в с. Жигули. Повествовательница — Татьяна

Харламбиевна Калинина, живущая постоянно в Тольятти, а летом — в с. Жигули (запись — июль 1995 г.).

Отец Татьяны Харламбиевны, Харлампий Силантиевич Корнильцев, из сибирской старообрядческой семьи богатых скототорговцев г. Кургана в начале 1930-х гг. работал в с. Жигули зоотехником. Он очень любил бродить по Жигулевским горам. С ним часто ходила жена, Александра Федоровна (из семьи крестьян с. Жигули) и местный врач Иван Клопов. Летом 1933 года во время прогулки по глухой стороне Молодецкого кургана, где в то время никогда не ходили люди, они обнаружили небольшую щель в склоне над Волгой.

Протиснувшись в эту щель, они попали в большую пещеру и осветили ее свечами. «На стенах висела одежда монашеская, и везде были разбросаны клобуки [Т.Х. сама не знает, что это такое и произносит «колбуки». — К.С.]. Одежда истаяла — до нее дотрагивались, и она рассыпалась под рукою. Видели церковную утварь, сундуки по углам. Воздух был сырой, душный, но везде очень сухо».

Потом Корнильцев рассказал о пещере председателю, но тот не обратил внимания. Вскоре Корнильцев с женой уехали в Ульяновскую область и больше в с. Жигули не бывали.

Сама Татьяна Харламбиевна эту историю слышала от матери, примерно в 1958-1959 гг. Мать сказала ей, что, когда после строительства ГЭС поднялся уровень Волги, это место на Молодецком кургане было затоплено. Ни родителей Т.Х., ни доктора Клопова сейчас нет в живых.

Предание в последние годы. По некоторым сведениям, до сих пор предание о Подземных Старцах в Жигулях продолжает жить; удерживается оно в замкнутой среде православных богомоллов, глубоко религиозных стариков и старух пригородов Самары, сохранивших полутайные апокрифические традиции религиозной жизни православной паствы 1950-1960-х годов.

В августе 1993 г. мне чуть ли не шепотом рассказали про Подземных Старцев прихожане Христо-Рождественского храма в пос. Волжский (Большая Царевщина). Имен своих они просили не публиковать.

По их сведениям, до сих пор в Жигулях где-то на очень большой глубине скрываются отшельники. Увидеть их никто никогда не может — для обычных людей они просто невидимы. Но в Самаре есть какие-то люди, которые связаны с этими отшельниками, могут к ним иногда ходить. По словам рассказчика, еще несколько лет назад в Мехзаводе и на Красной Глинке к некоторым богомолам в гости ходили эти «знающие люди»; сам рассказчик их не видел.

Вероятно, исчезающее потайное предание о Жигулевских старцах помогло поддержать общины Катакомбной Истинно-Православной церкви, которые в глубокой тайне распространялись по Куйбышевской области в 1930-1950-х гг. и были достаточно активны, чтобы породить волну слухов. Некоторые их подземные скиты (иногда — достаточно обширные бункеры с использованием естественных пещер) были устроены сравнительно недалеко от Самарской Луки: близ с. Новое Еремкино Ставропольского р-на и Ново-Семейкино Красноярского р-на.

Некоторые выводы. Мифологический христианский апокриф о Подземных Старцах, по крайней мере с XIII-XIV вв., был очень широко распространен по Верхней Волге. Особенно прочно утвердилось предание о Большом Китеже (где подводные глубины оз. Светлояр непосредственно связаны с пещерами Кирилловых гор). Со знаменитым Китежем где-то в недоступных людям глубинах соединяются менее знаменитые христианские обитатели Подземного Мира: подводный храм оз. Нестиар (Нижегородская губ.), подземные Млевские монастыри (Тверская губ.) и др. Упоминание связи Жигулей и Кирилловых гор в рассказе «Гриша» позволяет утверждать, что Жигули также принадлежали к единой мифической системе обиталищ Подземных Старцев. В конце XVII века древний апокриф вошел в потайные своды исповеданий заволжских старообрядцев; он слился с воспоминаниями о вполне реальных пещерных отшельниках времен Великого Раскола.

Позднее к преданию присоединялись слухи о новых отшельниках в Жигулевских горах. К XIX веку предание обрело две параллельные сферы: в Земном человеческом Мире в Жигулевских пещерах живут богомолы-отшельники (это — современная реальность и для самарского крестьянина, и для петербургского литератора); в Неведомом Подземном Мире — бессмертные существа, невидимые или имеющие облик «лепообразных старцев»; но в то же время и они — праведные богомолы-пещерники. В последнее время, когда Жигули утратили облик неприступных лесных тущоб, предание исчезает.

Апокриф о Подземных Старцах, несомненно, имеет древнейшие мифологические истоки и до сих пор сохраняет своеобразное обаяние язычества. О глубочайшей древности мифа о Старцах говорит, например, то, что в нем сохраняется почти невероятное для дуализированного христианского сознания слияние Мира Небесного (где должны обитать бессмертные святые старцы) с Миром Подземным в единый Неведомый Мир. К сожалению, анализ истоков этого предания — уже за пределами данной работы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Устное народное творчество Самарского края: научно-вспомогательный указатель литературы / сост. Т. Макаева, Т. Сенинг; под ред. Н. П. Фомичева. – Самара, 1997.

² Мартиновская А. И. Первый опыт // Культура. – 1994. – № 5.

³ Детский фольклор Самарского края: методические рекомендации в помощь руководителям детских самодеятельных коллективов / сост. Ю. Б. Орлицкий, Л. А. Терентьева. – Самара: НМЦНТ, 1991.

⁴ Садовников Д. Н. Сказки и предания Самарского края. – СПб., 1884. Переиздание: Самара: НМЦ НТ, 1993. (Подготовка текста, послесловие и приложение – канд. филол. наук Ю. Б. Орлицкий).

⁵ Сборник песен Самарского края, составленный В. Варенцовым: учеб. пособие / подготовка текста и предисловие Ю. Б. Орлицкого; нотные приложения Л. А. Терентьевой. – Самара: ОЦНТ, 1993.

⁶ Коринфский А.А. Народная Русь. – Самара: Самарский областной центр народного творчества, 1995.

⁷ Рубцова И. П. Народная культура в школе: народный календарь и фольклор. – Самара: Ассоциация «Поволжье», 1995.

⁸ Павперова Н. П. Ласковое словечушко. – Самара, 1996.

⁹ Духовное наследие народов Поволжья: живые истоки / М.И. Чувашев [и др.]. – Самара: Изд-во СамГПУ, 2001.

¹⁰ Бурмистрова Л. П. Провинциальная газета в эпоху русских просветителей: Губернские ведомости Поволжья и Урала 1840-1850 гг. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1985. – 140 с.

¹¹ Мартиновская А. И. Важнейший исторический источник // Самарские губернские ведомости – 150. – 1997. – № 1.

¹² Поддубная Р. П. Первая губернская газета // Самарские губернские ведомости – 150. 1997. - № 1, 2, 3.

¹³ Носков А. И. Прикосновение к прошлому. – Самара, 2006. – С. 406-416.

¹⁴ Еропкин Б. Свадебные обряды у русских поселян Самарской губернии в Бугульминском уезде // Самарские губернские ведомости. – 1858. - № 39-40.

¹⁵ Леопольдов А. Ф. Народные поверья в Самарской губернии // Самарские губернские ведомости. Часть неофиц. – 1854. - № 2.

¹⁶ Леопольдов А. Ф. Соколы горы // Самарские губернские ведомости. Часть неофиц. 1854. - № 15.

¹⁷ Воронов Н. Обряд сватовства у малороссиян // Самарские губернские ведомости. Часть неофиц. 1856. - № 31. – 21 янв.

¹⁸ Белокрысенко А. Ф. Самарская Лука // Самарские губернские ведомости. – 1857. - № 16.

¹⁹ Зеленин Д. К. Описание рукописей ученого архива Императорского Русского географического общества. – Пг., 1916. – Вып. 3.

²⁰ Баландин А. И., Якушкин П.И. Из истории русской фольклористики. – М., 1969.

²¹ Бобров Е. А. Варенцов В. Г. Биографические заметки на основании неизданных источников // Русская старина. – 1903. - № 2.

²² Сборник песен Самарского края, составленный В. Варенцовым: учеб. пособие / подготовка текста и предисловие Ю. Б. Орлицкого; нотные приложения Л. А. Терентьевой. – Самара: ОЦНТ, 1993. – С. 17.

²³ Там же. С. 18.

²⁴ Там же. С. 16.

²⁵ Там же. С. 20.

²⁶ Там же. С. 23-24.

²⁷ Там же. С. 25-26.

²⁸ Там же. С. 36.

²⁹ Там же. С. 90.

- ³⁰ Там же. С. 123.
- ³¹ Чуйко В. В. Современная поэзия в ее представителях. — СПб., 1855. — С. 148.
- ³² Коринфский А. А. Д. Н. Садовников и его поэзия. — СПб., 1900. — С. 111-112.
- ³³ Симони П. Садовников Д. Н. // Русский библиографический словарь. — СПб., 1904. Т. 18. — С. 45-46.
- ³⁴ Державин Н. А. Певец Волги и воли (Д. Н. Садовников и его поэзия) // Исторический вестник. — 1910. — № 7.
- ³⁵ Крупянская В. Ю. Дмитрий Николаевич Садовников // Певец Волги Д. Н. Садовников. — Куйбышев, 1940. — С. 10.
- ³⁶ Аникин В. А. Д. Н. Садовников и его сборник загадок // Загадки русского народа. — М., 1959. — С. 4.
- ³⁷ Там же. С. 13.
- ³⁸ Болдырев В. И. Д. Н. Садовников — поэт и фольклорист // Д. Н. Садовников. Избранные произведения. — Саратов, 1989. — С. 6.
- ³⁹ Сказки и предания Самарского края. — Самара, 1993. — Вып. II. — С. 190.
- ⁴⁰ Чумаш Р. Жигулевская вольница // Волжская коммуна. — 1993. — № 7.
- ⁴¹ Аникин В. А. Д. Н. Садовников и его сборник загадок // Загадки русского народа. — М., 1959. — С. 9.
- ⁴² Симбирские губернские ведомости. — 1874. — № 46.
- ⁴³ Там же. № 47.
- ⁴⁴ Там же. № 47.
- ⁴⁵ Аникин В. А. Указ. соч. — С. 4.
- ⁴⁶ Садовников Д. Н. Загадки русского народа. — СПб., 1876. — С. 1.
- ⁴⁷ Там же. С. 2.
- ⁴⁸ Там же. С. 1.

- ⁴⁹ Садовников Д. Н. Языческие сны русского народа // Детское чтение. — 1882. — № 5, 6.
- ⁵⁰ Сказки и предания Самарского края. — Самара, 1993. — С. 73.
- ⁵¹ Аникин В. А. Указ. соч. — С. 13.
- ⁵² Померанцева Э. В. Писатели и сказочники. — М., 1988. — С. 134.
- ⁵³ Коринфский А. А. Указ. соч. — С. 3.
- ⁵⁴ Там же. С. 5-7.
- ⁵⁵ Эртель А. И. Рассказы. Очерки. Повести. Письма. — Воронеж, 1984. — С. 303.
- ⁵⁶ Там же. С. 315.
- ⁵⁷ Эртель А. И. Самарская деревня // Этнографическое обозрение. — 1910. — Кн. 86/87. — № 3/4.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимов Т. М. Сказки и песни о Чапаеве. — Саратов, 1957.
2. Акульшин Р. Наши песни // Музыка и революция. 1926. — № 7-8. — С. 19-28.
3. Акульшин Р. Соперники: Из быта Самарской губернии // Музыка и революция. 1926. — № 3. — С. 20-23.
4. Ананичева Т., Суханова Л. Песенные традиции Поволжья. — М., 1991.
5. Аникин В. А. Д. Н. Садовников и его сборник загадок // Загадки русского народа. — М., 1959. — С. 1-30.
6. Ананичева Т., Суханова Л. Песенные традиции Поволжья. — М., 1991.
7. Арсеньева В. Собиратели фольклора // Волжская коммуна. 1984. — 12 окт.
8. Арзеева Ольга. Русская свадьба в Самарском крае // Самара и

губерния. – 2000. – № 6(9).

9. Архангельская В.К. А.И. Эртель // Русская литература и фольклор (конец XIX в.). – Л., 1987.

10. Баландин А.И., Якушкин П.И. Из истории русской фольклористики. – М., 1969.

11. Барашков В.Ф., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н. Самарская топонимика, Самара, 1996.

12. Бикметова Н. В. Русский песенный фольклор Самарской области. Самара, 2005. Ч. 1.

13. Большакова И. В. Музыкальная культура Поволжья конца XIX – начала XX вв: Учебное пособие. – Самара, 2001.

14. Бусыгин Е.П. Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья. – Казань, 1973.

15. Варенцов В.Г. Сборник песен Самарского края. – СПб., 1862.

16. Варенцов В.Г. Сборник песен Самарского края, составленный В. Варенцовым: учеб. пособие / подготовка текста и предисловие Ю. Б. Орлицкого; нотные приложения Л. А. Терентьевой. – Самара: ОЦНТ, 1993.

17. Васильев Г. Песни Самарского края // Волжская коммуна. 1965. – 8 дек.

18. Ведерникова Т.И. Русские в Самарском крае. История заселения // Самара и губерния. – 2000. – № 5 (8).

19. Ведерникова Т.И. Этнография и праздничная культура народов Самарского края. – Самара, 1991.

20. Волжские песни. – Куйбышев, 1938.

21. Волжские песни // Советская культура. – 1955. – 3 февр.

22. Волжский фольклор / сост. В. М. Сидельников, В. Ю. Крупянская; под ред. Ю. М. Соколова. – М., 1937.

23. Волжские частушки: сборник / сост. Н.П. Колпакова. – Куйбышев, 1955.

24. Воронов Н. Обряд сватовства у малороссиян // Самарские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1856. – № 31. – 21 янв.

25. Грызлов А. Самарская Масленица // Самар. губ. ведомости – 150. – 1998. – № 2 (17).

26. Державин Н.А. Певец Волги и воли (Д.Н. Садовников и его поэзия) // Исторический вестник – 1910. – №7.

27. Детский фольклор Самарского края: метод. рекомендации в помощь руководителям детских самостоятельных коллективов / сост. Ю. Б. Орлицкий, Л. А. Терентьева. – Самара, 1991.

28. Диков И. Народный рассказ о Стеньке Разине // Самар. губ. ведомости. Часть неофиц. – 1853. – № 45.

29. Диков И. Деревенская музыка // Самар. губ. ведомости. Часть неофиц. – 1853. – № 40.

30. Евстигнеева С. Август: от заката до зари за овсом и льном смотри! // Самар. губ. ведомости – 150. – 2000. – № 8 (47).

31. Евстигнеева С. Вот тебе, Лихой! Чур тебе, Лихой // Самар. губ. ведомости – 150. – 1999. – № 11 (38).

32. Евстигнеева С. Декабрь год кончает, зиму начинает // Самар. губ. ведомости – 150. – 2000. – № 12 (51).

33. Евстигнеева С. Иван да Марья на горе купались. Народные игры // Самар. губ. ведомости – 150. – 2001. – № 7 (58).

34. Евстигнеева С. Калмыцкая свадьба // Самар. губ. ведомости – 150. – 1996. – № 4.

35. Евстигнеева С. Ноябрь - ворота зимы // Самар. губ. ведомости – 150. – 2000. – № 11 (50).

36. Евстигнеева С. Повсюду - капель, весна и апрель! // Самар. губ. ведомости – 150. – 2001. – № 4 (55).

37. Евстигнеева С. Сентябрь хмурей, однако не дурей! // Самар. губ. ведомости -150. – 2000. - № 9 (48).
38. Евстигнеева С. Совет да любовь. Мордовская свадьба // Самар. губ. ведомости -150. – 1996. - № 4.
39. Евстигнеева С. Солнце в терем приглашай! Народные игры // Самар. губ. ведомости – 150. – 2001. - № 5 (56).
40. Евстигнеева С. Трижды окунись словно белый гусь. Народные игры // Самар. губ. ведомости – 150. – 2001. - № 6 (57).
41. Евстигнеева С. Февраль силён метелью // Самар. губ. ведомости – 150. – 2000. - № 2 (41).
42. Евстигнеева С. Февраль. Получай-ка снежный ком // Самар. губ. ведомости – 150. – 2001. - № 2 (53).
43. Евстигнеева С. Чья это борода - вся златом увита? Народные игры // Самар. губ. ведомости – 150. – 2001. - № 8 (59).
44. Еропкин Б. Свадебные обряды у русских поселян Самарской губернии в Бугульминском уезде // Самарские губернские ведомости. Часть неофиц. – 1858. - № 39-40.
45. Жемчужины Жигулей: Предания, сказы, легенды / сост. С. Кузьменко. - Куйбышев, 1978.
46. Жигулёвские сказки / сост. И. Муханов. – Самара, 1993. – Вып. 1.
47. Жигулёвские сказки. – Самара, 1994. - Вып. 2.
48. Жоголев Е. Нити благодатные // Волжский комсомолец. - 1968. – 22 дек.
49. Завальный А. Н. Леопольдов Андрей Филиппович // Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Персоналии. Е – Л. – Самара, 1994. – С. 375-376.
50. Загадки русского народа: сборник загадок, вопросов, притч и задач / сост. Д. Н. Садовников. - М., 1959.
51. Земцовский И. Искатели песен. - Л., 1967.

52. Из фольклора Поволжья / сост. Т.А. Золотова. - М., 1990.
53. Киреевский П. В. Собрание народных песен П.В. Киреевского. - Л., 1977.
54. Гусев В.Е. Колпакова Н.П. // Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Персоналии. Е – Л. – Самара, 1993. - Т. 3. – С. 254.
55. Колпакова Н. П. Лирика русской свадьбы / под ред. Н. П. Колпаковой. - Л., 1973.
56. Колпакова Н. П. Новые песни в записях Ленинградских фольклорных экспедиций последних лет // Русский фольклор. Материалы и исследования. - М.; Л., 1960. - Вып. 5.
57. Колпакова Н. П. Песенная комиссия русского географического общества // Русский фольклор. Материалы и исследования. - М.; Л., 1962. - Вып. 7.
58. Колпакова Н. П. Народная песня советской эпохи // Русский фольклор. Материалы и исследования. - М.; Л., 1964. - Вып. 9.
59. Колпакова Н. П. Научная экспедиция в Утёвский район // Волжская коммуна. - 1953. - 2 авг.
60. Коринфский А.А. Народная Русь. – Самара, 1995.
61. Крайнова Т. В. Самарское общество археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском государственном университете (1919-1929) // Краеведческие записки. – Самара, 1995. – Вып. VII. - С. 137-162.
62. Крупянская В. Ю. Советское народное поэтическое творчество 20-х годов // Русское народно-поэтическое творчество: Материалы для изучения общественно-политических воззрений народа. - М., 1953.
63. Крупянская В. Ю. Дмитрий Николаевич Садовников. Вступительная статья к сборнику «Певец Волги Д. Н. Садовников. Избранные произведения и записи». - Куйбышев, 1940.
64. Лазарев Е. Обитатель уготованная // Наука и религия. – 1993. - № 8.

65. Леопольдов А. Ф. Народные поверья в Самарской губернии // Самар. губ. ведомости. Часть неофиц. 1854. - № 2.
66. Леопольдов А. Ф. Соколы горы // Самар. губ. ведомости. Часть неофиц. - 1854. - № 15.
67. Лозанова А. Н. Песни и сказания о Разине и Пугачеве. - М.: Л., 1935.
68. Лозанова А. Н. Пугачев в Среднем Поволжье и Заволжье: Народное творчество, отрывки из лит. произведений, ист. докум. - Куйбышев, 1947.
69. Лупаев П. Песенное село // Самар. губ. ведомости - 150. - 1999. - № 11 (38).
70. Малаховский В. А. Куйбышевская областная диалектологическая хрестоматия // Уч. зап. Куйбышев. гос. пед. ин-та. Кафедра рус. яз. - Восп. 17. - Куйбышев, 1957.
71. Мартиновская А. И. «Васнецов русской поэзии» // Имена и судьбы. 2001.
72. Мартиновская А. И. «Из-за острова на стрежень» // Самара и губерния. 2000. - № 4(7).
73. Мартиновская А. И. Первый опыт // Культура. 1994. - № 5.
74. Мартиновская А. И. Архив В. А. Малаховского // Краеведческие записки. Выпуск X. - Самара, 2003. - С. 169-175.
75. Мартиновская А. И. Садовников Дмитрий Николаевич // Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Персоналии. М - См. - Самара, 1995. - С. 303-304.
76. Мартиновская А. И., Орлицкий Ю. Б. Сидельников Виктор Михайлович. // Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Персоналии. М. - См. - Самара, 1995. - С. 336.
77. Мартиновская А. И. Якушкин Павел Иванович. // Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Персоналии. Со - Я. - Самара, 1995. - С. 288.

78. Мартынова Г. «Её ласковое словечушко» // Самар. губ. ведомости - 150. - 1997. - № 5 (10).
79. Материалы и исследования по этнографии русского населения Евр. эп. части СССР // Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. - М., 1960. - Т. 57.
80. Михайлов С. М. Труды по этнографии русского, чувашского и марийского народов. - Чебоксары, 1972.
81. Молько А. В. Прикосновение к прекрасному // Самарская Лука. - 1998. - № 1.
82. Народные песни, легенды и сказы о Чапаеве // Волж. новь. - 1937. - Кн. 3.
83. Народные песни. Сказки и сказы. Частушки // Волж. новь. - 1937. - Кн. 8 - 9.
84. Народные поверья в Самарской губернии // Самарские губернские ведомости. - 1854. (неофиц. часть) - № 2.
85. Носков А. И. Первая самарская газета // Прикосновение к прекрасному. - Самара, 2006.
86. Общество археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском университете: История и деятельность // Бюллетень общества археологии, истории, этнографии и естествознания. - 1925. - № 1.
87. Орлицкий Ю. Б. Первый Самарский краевед (А. Ф. Леопольдов) // Голос земли Самарской. - Самара, 1992.
88. Орлицкий Ю. Б. Сохранить от истребления времени // Волж. заря. - 1990. - 14 марта.
89. Орлицкий Ю. Б. «Самарская деревня» и её автор // Самарский краевед. - Самара, 1995. - С. 261-280.
90. Орлицкий Ю. Б. Хранить вечно: Заметки о народном искусстве Куйбышевской области. - Куйбышев, 1989.

91. Орлицкий Ю. Б. Человек это или нарочно? // Культура. - 1993. - № 8.

92. Орлицкий Ю. Б. Энциклопедист-дилетант как культурный тип русской провинции // Алабинские чтения. - Самара, 1993.

93. Орлицкий Ю. Б. Варенцов Виктор Гаврилович // Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Персоналии. А - Д. - Самара, 1993. - С. 190.

94. Орлицкий Ю. Б. Эртель Александр Иванович // Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Персоналии. Со - Я. - Самара, 1993. - С. 272.

95. Орлицкий Ю. Б. Акульшин (псевд. Березов) Родион Михайлович // Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Персоналии. А - Д. - Самара, 1993. - С. 40.

96. Павперова Н. П. Ласковое словечушко. - Самара, 1996.

97. Павлович И., Ратник О. Легенды волжских подземелий. - Самара, 2001.

98. Поддубная Р. П. Недаром помнит вся Россия // Самарские губернские ведомости - 150. - 1993. - № 8.

99. Поддубная Р. П. Первая губернская газета // Самарские губернские ведомости - 150. - 1997. - № 1.

100. Поддубная Р. П. Самарские современники П. В. Алабина // Алабинские чтения. - Самара, 1993.

101. Померанцева Э. В. Писатели и сказочники. - М., 1988.

102. Региональный аспект преподавания литературоведческих дисциплин в СГАКИ // Вуз культуры и искусств в образовательной системе региона: материалы Второй Всероссийской электронной научно-практической конференции, Самара, апрель-сентябрь 2002 г. - Самара, 2003.

103. Рубцова И. П. Народная культура в школе: народный календарь и фольклор. - Самара, 1995.

104. Русская устная словесность. Т. 2. Былины. Исторические песни / под ред. М. Сперанского. - М., 1919.

105. Русские народные песни Поволжья. Вып. I. Песни, записанные в Куйбышевской области / общ. ред. и вступ. статья Н. П. Колпаковой. - М.; Л., 1959.

106. Русский советский фольклор: антология. - Л., 1967.

107. Русяев. Мужественная девушка с Кривой реки // Самарские губернские ведомости - 150. - 1998. - № 7 (22).

108. Русский фольклор: песни, сказки, былины, прибаутки, загадки, игры, гадания, сценки, причитания, пословицы и прибаутки. - М., 1986.

109. Садовников Д. Н. Сказки и предания Самарского края / под ред. Л. Н. Майкова. - СПб., 1884.

110. Садовников Д. Н. Этнографические материалы Поволжского края // Симбир. губерн. ведомости. 1874. - Часть неофиц. - № 34, 36, 40, 46, 47, 51.

111. Садовников Д. Н. Сказки и предания Самарского края. - СПб., 1884. Переиздание: Самара: Самарский НМЦ НТ, 1993. (Подготовка текста, послесловие и приложение - канд. филол. наук Ю. Б. Орлицкий).

112. Самарская летопись: Очерки истории Самарского края с древних времен до нач. XX в.: в 2 кн. / под общ. ред. П. С. Кабытова, Л. В. Храмкова. - Самара, 1993.

113. Сидельников В. О фольклоре // Волжская коммуна. - 1935. - 24 сент.

114. Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина. - Л., 1983. - Т. 1.

115. Соколова В. К. Русские исторические предания. - М., 1970.

116. Степан Разин на Волге: Народное творчество. Художественные произведения / сост. М. А. Емельянов. - Куйбышев, 1939.

117. Терентьева Л. А. Руководителю самодеятельного народного хора. Произведения, рекомендуемые для концертного исполнения. План анализа народной песни. - Самара, 1981.

118. Терентьева Л. А. Народные песни Куйбышевской области. — Самара, 1983.

119. Устное творчество Самарского края: научно-вспомогательный указатель литературы / сост. Т. Макаева, Т. Сенинг; под ред. Н. П. Фомичёвой. — Самара, 1991.

120. Чапай: Песни, былины, сказки, устные, сказы и воспоминания о легендарном герое гражданской войны, славном комдиве Василии Ивановиче Чапаеве. — Куйбышев, 1938.

121. Чапай: сб. нар. песен, сказов и воспоминаний / сост. В. Паймен. — М., 1938.

122. Чувашев М. И. Духовное наследие народов Поволжья: живые истоки: антология / авт.-сост. М. И. Чувашев, И. А. Малыхин, Т. И. Волкова. — Самара, 2001.

123. Чумаш Р. Жигулёвская вольница // Волжская заря. — 1993. — 15 дек.

124. Шейн П. В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах. — СПб., 1898-1900. — Т. I.

125. Шкаликов Ф. В. Очерки по истории жизни крестьян Самарской области: быт, культура, обычаи, традиции, обряды. — Джембул, 1922.

126. Щеголихин Б. Собиратели сказок, песен и былин // Волжская коммуна. — 1962. — 2 авг.

127. Эртель А. И. Самарская деревня // Этнографическое обозрение. — 1910. — Кн. 86/87. — № 3/4.

128. Юдин П. П. П. И. Якушкин и Самара // Самарская газета. — 1902. — № 6.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ (ГАСО)

1. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2. Народные песни.

2. Там же. Д. 3. Народные песни.

3. Там же. Д. 4. Народные песни и частушки.

4. Там же. Д. 5. Народные исторические и солдатские песни.

5. Там же. Д. 6. Народные песни.

6. Там же. Д. 7. Народные песни.

7. Там же. Д. 8. Народные песни.

8. Там же. Д. 9. Песни новобранцев Самарской губернии Николаевского уезда.

9. Там же. Д. 10. Запись стихотворений и песен.

10. Там же. Д. 11. Солдатские песни.

11. Там же. Д. 70. Свадебные народные обычаи Большой Ивановки Пугачевского уезда Самарской губернии.

12. Там же. Д. 200. Описание свадебного обряда в селе Студенцы Самарского уезда.

13. Там же. Д. 204. Протокол заседаний секции языка и литературы научно-краеведческого общества за 1929 г.

14. Там же. Д. 222. Материал обследования чувашей. 1930 г.

15. Там же. Д. 231. Народные песни.

16. Там же. Д. 246. Народные поверья в Самарской губернии.

17. Там же. Д. 248. Предания Самарского края.

18. Там же. Д. 249. Предания Самарского края.

19. Там же. Д. 250. Свадьба у чувашей Бугурусланского уезда Самарской губернии.

20. Там же. Д. 263. Леши, водяные. Домовые и другие мифические существа.

21. Там же. Д. 264. Чувашские верования.
22. Там же. Д. 265. Поминки у чувашей Бугурусланского уезда Самарской губернии.
23. Там же. Д. 274. Лирические песни.
24. Там же. Д. 277. Черниговские писанки.
25. Там же. Д. 282. Запись народной поэзии.
26. Там же. Д. 283. Частушки и песни.
27. Там же. Д. 284. Запись народных песен.
28. Там же. Д. 286. Народные песни.
29. Там же. Д. 287. Частушки.
30. Там же. Д. 288. Народные песни.
31. Там же. Д. 290. Песни, частушки, легенды.
32. Там же. Д. 292. Песни, частушки, легенды.
33. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 128. Фольклорные материалы В. А. Малаховского.
34. Там же. Д. 139. Фольклорные материалы В. А. Малаховского.

Малахов

Кривенко

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
Глава 1. Источники изучения самарского фольклора.....	5
Глава 2. Исследователи самарского фольклора XIX века.....	12
Публикации «Самарских губернских ведомостей».....	12
П. В. Киреевский – собиратель самарского фольклора.....	21
П. И. Якушкин – собиратель самарского фольклора.....	22
Деятельность В. Г. Варенцова.....	25
Д. Н. Садовников – собиратель и исследователь самарского фольклора.....	39
А. Навроцкий.....	58
Собирательская деятельность П. В. Шейна.....	59
А. А. Коринфский.....	61
А. Н. Эртель.....	65
Глава 3. Исследователи самарского фольклора в XX веке.....	71
Самарское общество археологии, истории, этнографии и естествознания.....	72
Р. М. Акулышин.....	74
Фольклорные экспедиции XX века.....	76
В. А. Малаховский – исследователь самарского фольклора.....	88
Н. П. Павперова.....	96
М. И. Чувашев – собиратель самарского фольклора.....	98
Заключение.....	109
Приложение.....	111
Садовников Д. Н. Симбирские губернские ведомости. 1874 г. (заговоры).....	111
Три заговора от крови (№ 36).....	111
Четыре заговора от зубной боли (№ 40).....	112
Садовников Д. Н. Бугор Степьяки Разина.....	113
Предисловие Д. Н. Садовникова к изданию «Загадок» 1876 г.	120
Садовников Д. Н. Языческие сны русского народа.....	127
Леший.....	129
Водяной.....	141
Русская земля. Жигули и Усолье на Волге (наброски путем-дорогой).....	153
Лиса и Кутафей Иваныч.....	158
Девушка Снегурочка.....	161

Фома Богатый.....	164
Произведения устного народного творчества из 558 фонда ГАСО.....	167
Оставшимся	167
Горсть родной земли	168
Не долго цветочку в садике цвести	169
Собрала Марьюшка всех подруг	170
Я с двенадцати лет	171
Когда душа твоя тоскует	171
Машенька двориком шла	172
Маклаков М. Свадебный обряд в Студенцах.....	173
Предание, существующее в селе Горяиновке, Николаевского уезда, Самарской области.....	178
Сваха.....	179
Знаменитые потомки нашего известного писателя С.Т.Аксакова.....	179
Лешие, водяные, домовые и другие мифические существа.....	181
Из архива В. А. Малаховского.....	184
Свадебный обряд в записи В. А. Малаховского.....	184
Сказка про девочку Снегурочку.....	195
Сказка про кота Котофея Ивановича.....	198
Сказ о Степане Разине.....	199
Обрядовая поэзия.....	201
Как девки венки завивают.....	201
Как весну провожали.....	202
Побасенка.....	203
Кржижевский Михаил. Предания о реке Иргиз.....	203
Русяев П. Легенды об Иргизе.....	205
Рубцова И. П. Мордовская свадьба в Похвистневском районе.....	210
Серебринский К. И. Предание о пещерных старцах на Самарской Луке.....	214
Примечания.....	222
Список литературы.....	225
Архивные источники Государственного архива Самарской области (ГАСО).....	234

Автор-составитель
Александра Иосифовна Мартиновская

Самарский фольклор

Учебное пособие-хрестоматия

Редактор Т. И. Кузнецова
Оригинал-макет Я. М. Китаевой

Лицензия на издательскую деятельность № 020861,
выдана Министерством печати и информации РФ
Формат 60x84/16 Подписано в печать 22.08.12
Объем 15 усл. п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 18105.

